ГОД НАВАЛЬНОГО

ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА В РОССИИ 2020–2021: СТРАТЕГИИ, МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

ГОД НАВАЛЬНОГО

ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА В РОССИИ 2020—2021: СТРАТЕГИИ, МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Александра АРХИПОВА, Сергей ГУРИЕВ, Григорий ДУРНОВО, Алексей ЗАХАРОВ, Ирина КОЗЛОВА, Григорий ОХОТИН, Кирилл РОГОВ, Наталья СМИРНОВА, Татьяна УСКОВА, Денис ШЕДОВ, Абы ШУКЮРОВ, Иван КАСЬЯНЕНКО

Под редакцией Кирилла РОГОВА

Либеральная миссия — Экспертиза. Выпуск 14

Москва 2021

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4
Г 59

Г 59 Год Навального. Политика протеста в России 2020 – 2021: стратегии, механизмы и последствия / под ред. К. Рогова. — Москва : Либеральная миссия, 2021. — 120 с.

ISBN 978-5-903135-79-0

Чуть более года назад Алексей Навальный был отравлен веществом, аналогичным боевому яду «Новичок». Прошедший после этого год был окрашен в тона острого политического конфликта, центральным событием которого стали наиболее масштабные с 2011 года массовые протесты и волна полицейского насилия и репрессий, обрушившаяся на общество в ответ. Анализ предпосылок, различных аспектов и последствий этого конфликта является предметом настоящего исследования. В докладе рассматриваются тенденции медиапотребления последних лет, способствовавшие формированию «феномена Навального», стратегии «протестной политики» российской оппозиции, социально-демографические характеристики участников протестов в поддержку Навального, реакция общественного мнения на отравление Навального и на протесты в его защиту, а также репертуар и размах репрессий, использованных правительством против протестующих и оппозиции.

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-79-0

© Фонд «Либеральная Миссия», 2021

СЕРИЯ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ — ЭКСПЕРТИЗА»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011– 2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. [ВЫП. 1] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. [ВЫП. 2] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. [ВЫП. 3] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛРОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ЧТО НУЖНО И ЧТО НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ В РОССИЙСКОМ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ. ВЫП. 8 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЫП. 9 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

НОВАЯ (НЕ)ЛЕГИТИМНОСТЬ. КАК ПРОХОДИЛО И ЧТО ПРИНЕСЛО РОССИИ ПЕРЕПИСЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ. ВЫП. 10 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ГОД КОВИДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ВЫЗОВЫ ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ВЫП. 11 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ЗАСТОЙ — 2: ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ВЫП. 12 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОВИД: АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ. ВЫП. 13 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ _____ 5

КЛЮЧЕВЫЕ ГРАФИКИ И ТАБЛИЦЫ _____ 19

Сергей Гуриев. ЭРА 3G: ШИРОКОПОЛОСНЫЙ ИНТЕРНЕТ
И ПОЛИТИКА — В МИРЕ И В РОССИИ _____ 22

Александра Архипова, Алексей Захаров, Ирина Козлова. ПРОТЕСТНАЯ
МОБИЛИЗАЦИЯ 2021: КТО ВЫШЕЛ НА МИТИНГИ И ПОЧЕМУ _____ 30

Кирилл Рогов, Абы Шукюров. ПРОТЕСТЫ 2021 ГОДА И ПРОТЕСТНОЕ
ДВИЖЕНИЕ 2011—2021 гг. ДИНАМИКА И ОЦЕНКИ ЧИСЛЕННОСТИ _____ 55

Кирилл Рогов. ДЕЛО НАВАЛЬНОГО: ПРЕДПОСЫЛКИ,
СТРАТЕГИИ И ИТОГИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ _____ 69

**Григорий Дурново, Григорий Охотин, Наталия Смирнова, Денис Шедов,
Татьяна Ускова.** РЕПРЕССИИ И РЕПРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ — 2021:
ОТ СДЕРЖИВАНИЯ К УНИЧТОЖЕНИЮ _____ 95

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Год назад Алексей Навальный впал в кому на борту самолета, совершавшего рейс Томск—Москва; 2 сентября врачи германской клиники «Шарите», куда он был вывезен для лечения, заявили, что Навальный был отравлен ядом, аналогичным боевому отравляющему веществу «Новичок». Последствия этих событий стали основным политическим сюжетом прошедшего года.

В июле 2020 года в российскую конституцию были внесены поправки, главной из которых являлась оговорка, отменявшая для Владимира Путина ограничение по количеству сроков президентства. Такое изменение обозначает, как правило, определенный порог консолидации авторитарных персоналистских режимов, отбрасывающих «демократическое наследие» предыдущего этапа республиканского правления. Однако прошедший после этого год не стал демонстрацией стабильности и политической консолидации в России, но, напротив, оказался окрашен в тона острого политического конфликта, центральным событием которого стали наиболее масштабные с 2011 года массовые протесты и волна полицейского насилия и репрессий, обрушившаяся на общество в ответ. Анализ предпосылок, различных аспектов и последствий этого конфликта и является предметом настоящего доклада.

Особое звучание этому конфликту, который некоторые эксперты характеризуют как политический кризис, придавало то, что он разворачивался практически параллельно с драматическим столкновением оппозиции и авторитарного правительства в «союзной» Беларуси, также характеризовавшегося беспрецедентно массовыми протестными выступлениями и беспрецедентными репрессиями властей. В обеих странах эти кризисные события имели место в схожих условиях старения персоналистских лидеров, теряющих былую популярность, длительной стагнации экономики и частичной утраты контроля над информационным пространством.

В социальных науках такого рода конфликты рассматриваются в рамках особого феномена contentious politics — «политики оспаривания», или «политики протеста». Сюда относятся различного рода социальные движения, протесты, петиционные кампании, забастовки и проч., т. е. все те способы коллективного политического действия, которые не являются частью партийно-электоральной политики; это еще одна, естественная и дополняющая партийно-электоральную политику сфера политических взаимодействий.

В каждом эпизоде политики оспаривания (политики протеста) присутствуют три стороны: субъект несогласия — группы, оспаривающие те или иные принятые правила и принципы; правительство, защищающее статус-кво; публика, которую обе стороны стремятся склонить в свою пользу. У каждой стороны есть свой репертуар возможностей, а в целом «политика оспаривания» представляет собой серию взаимодействий, которые влияют на дальнейшие события и приводят к тем или иным исходам и изменениям. В настоящем докладе политический конфликт, развернувшийся в России в 2020—2021 годах, символическим средоточием которого стал Алексей Навальный, рассматривается под этим углом зрения.

В первом разделе, написанном Сергеем Гуриевым, тенденции политической динамики в России последних лет, результатом которых и стал этот конфликт, рассматриваются в наиболее широком контексте общемировых трендов, определяющую роль в которых играет интенсивное распространение широкополосного интернета, почти повсеместно ведущего к снижению доверия к правительству.

Во втором разделе, написанном антропологами Александрой Архиповой и Ириной Козловой и социологом Алексеем Захаровым, анализируются социально-демографические характеристики протестов в поддержку Алексея Навального и «язык протеста» 2021 года.

В третьем разделе мы предприняли попытку дать более основательные оценки численности протестов 2021 года и оценить их масштаб и структуру на фоне динамики российского протестного движения 2011—2021 годов.

В четвертом разделе анализируются тенденции общественного мнения, способствовавшие формированию «феномена Навального», различные стратегии «протестной политики» в России 2010-х годов, а также отношение населения к событиям вокруг Навального и протестам в его поддержку.

Наконец, в пятом разделе, написанном группой экспертов «ОВД-Инфо», дается характеристика репрессивных стратегий режима, формировавшихся в ответ на «стратегии протеста» Алексея Навального и его сторонников, и очередного этапа эскалации репрессий в ответ на волну протестов 2021 года.

«ФЕНОМЕН НАВАЛЬНОГО» И ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

В наиболее широком контексте события в России 2020—2021 годов, как и кризис в «союзной» Беларуси, следует рассматривать в рамках общей тенденции снижения доверия к правительствам и роста протестной активности, характерных для мировой политики 2010-х годов. Фундаментальным фактором, определившим эти тенденции, как показано в первом разделе, стало распространение широкополосного мобильного интернета, качественно изменившего информационную среду.

Именно широкополосный мобильный интернет сформировал канал доставки информации потребителям, не контролировавшийся в большинстве стран правительствами и традиционными политическими элитами. Резкое расширение доступа к независимому информационному контенту помещает правительства в условия «новой прозрачности», к которым они оказались по большей части не готовыми. Как показало исследование С. Гуриева, Е. Журавской и Н. Мельникова, в среднем переход от отсутствия к полному покрытию территории широкополосным интернетом снижает доверие к правительству на 6 процентных пунктов (что сравнимо с эффектом роста безработицы на 6 п.п.). Однако наибольший эффект новая ситуация имеет в недемократических странах, где традиционные СМИ давно существуют в условиях цензуры, а интернет остается достаточно мало цензурируемой средой. Сети второго поколения (2G) также оказывали влияние на политику, снижая барьеры горизонтальных взаимодействий и способствуя самоорганизации граждан; сети третьего поколения имеют иной эффект — они повышают информированность граждан.

Эти выводы полностью согласуются с социологическими данными, согласно которым за последние 5—6 лет доля традиционных источников информации (телевидение, радио, печатные СМИ) в медиапотреблении россиян сократилась с 75 % до 45 %, а доля интернет-источников (сайты и соцсети) выросла с 18 до 45 % (причем, доля соцсетей выросла с 7 до 25 %). При этом среди младших возрастов, где эти изменения выглядят особенно масштабными, наблюдается и большее снижение доверия в властям. Так, если доверие к Владимиру Путину в целом снизилось с 2015 по 2021 год в два раза, то у молодых поколений (до 40 лет) снижение оказалось троекратным, в то время как у старших возрастов доверие снизилось лишь в 1,5 раза.

Исключительный эффект 3G связан, в частности, с получением пользователями мобильного доступа к «живой картинке», видеоизображению, что обозначает конец «эры

телевидения», во всяком случае — завершение эпохи «телевизионных монополий», которые играли особенно важную роль в обеспечении устойчивости режимов авторитарных. Эти изменения также являются одним из ключей к пониманию политической динамики в России последних лет. Так, ютьюб-канал Алексея Навального к лету 2020 года (моменту покушения) имел 3,7 млн подписчиков, что сопоставимо с аудиторией новостного вещания центрального телеканала. К августу 2020 года Навальный выложил не менее 10 видеороликов и фильмов, которые набирали от 5 до 10 млн просмотров.

К лету прошлого года Алексей Навальный окончательно занял место лидера российской оппозиции и политика общефедерального масштаба. Его узнаваемость находилась между 70 и 80 %, а уровень поддержки составлял около 20 %. Надо отметить, что сопоставимый уровень узнаваемости из лидеров российской оппозиции имел также Борис Немцов на момент своей гибели в 2015 году. Но если узнаваемость Немцова была в значительной мере наследием 1990-х годов, когда он занимал правительственные должности, аналогичный уровень узнаваемости Навального был достигнут без помощи телевидения, что само по себе обозначило принципиально новую ситуацию на политическом поле.

В широком смысле именно неконтролируемый рост известности и информационного влияния Навального в совокупности с наличием организационной структуры — сети «региональных штабов» — и следует считать основным политическим мотивом покушения и последующего разгрома этой инфраструктуры. Хотя политический капитал Навального (20 % одобряли его деятельность в 2020 году против 9 % в 2018-м) не выглядел критической угрозой режиму, его существование нарушало «заговор отсутствия» любых политических альтернатив, являющийся важным условием стабильности персоналистских авторитаризмов.

В то же время у покушения, по всей видимости, был и ситуативный контекст — планировавшееся Навальным летом 2020 года «осеннее наступление» оппозиции. 1 июля 2020 года, сразу после завершения голосования по конституционным поправкам, Навальный записал ролик, в котором изложил свой план: он призывал сторонников голосовать на региональных выборах против представителей «Единой России», чтобы лишить их контроля над региональными собраниями, а, значит, и над избирательными комиссиями, как это произошло в Хабаровске, где после прихода губернатора Сергея Фургала «Единая Россия» лишилась возможности манипулировать выборами и потерпела

сокрушительное поражение. Элементы этого плана выглядели достаточно реалистично: федеральные власти уже имели опыт поражения в результате протестного голосования на целом ряде региональных выборов в 2018 году. Во всяком случае попытка первого покушения на Навального, предположительно, имела место около 6 июля, а 9 июля в Хабаровске был арестован губернатор Сергей Фургал, пришедший к власти в результате протестного голосования в 2018 году.

Так или иначе в июле-августе 2020 года была предпринята атака против двух политиков, чья популярность в 2019—2020 годах росла на фоне тренда снижения популярности Владимира Путина. В этом смысле протесты в поддержку Сергея Фургала в Хабаровске и общероссийские протесты в защиту Навального можно рассматривать в качестве единого макроэпизода «политики противостояния» — попытки общества защитить этих политиков, воспринимавшихся в качестве альтернативы существующему статус-кво, от направленных против них репрессий.

ПРОТЕСТЫ: КТО ПРОТЕСТОВАЛ?

«Осеннее наступление» оппозиции не состоялось: протестное голосование на региональных выборах 2020 года не оказало заметного влияния на их исход и не запустило политические кризисы в российских регионах. Но второе покушение на Навального запустило кризис, развивавшийся по другой траектории и включавший в себя очередное обострение в отношениях России с Западом, связанное с отравлением, сенсационное расследование отравления, опубликованное международным журналистским консорциумом, возвращение Навального в Россию и его арест, выход фильма «Дворец для Путина», собравшего самую большую аудиторию в неразвлекательном сегменте российского ютьюба, а также самые массовые с 2012 года протесты и волну репрессий, направленную против протестующих и российской оппозиции.

Акции в поддержку Навального после его ареста и выхода фильма о дворце Путина действительно стали самыми крупными за последние 10 лет. По нашим подсчетам, общая численность протестующих 23 января 2021 года с высокой вероятностью находилась в диапазоне 95—200 тыс. человек со средним значением всех оценок около 140 тыс. человек. Акция 31 января 2021 года, вероятно, была несколько менее многочисленной — в диапазоне 45—105 тыс. человек со средним значением оценок около 75 тыс. Численность

протестующих 21 апреля 2021 г., вероятно, находилась в диапазоне 45—90 тыс. чел. со средним значением около 70 тыс.

Кто были эти люди? Опросы протестующих на трех митингах в Москве, двух в Петербурге и одном в Казани (около 2000 респондентов) позволяют достаточно определенно обрисовать портрет столичной страты протестов (на нее приходилось около трети общего числа протестующих — от 25 до 45 % на разных митингах). Как отмечают авторы второго раздела А. Архипова, А. Захаров и И. Козлова, совершенно не находят подтверждения широко распространенные спекуляции о значительном присутствии на митингах несовершеннолетних: в действительности их доля составляла от 1 до 6 %. Вместе с тем протесты имели ярко выраженный молодежный «сдвиг»: в Москве на возрастные группы 15—24 года приходилось в среднем 29 % их участников, в Петербурге — 35 %, а в Казани —46 %; при этом в целом доля этой возрастной группы в населении старше 14 лет составляет 12 %. То есть на митингах она была перепредставлена в 2,5—4 раза. На возрастную группу 25—39 лет в Москве и Петербурге приходилось 45 % участников, в Казани — 31 %: учитывая, что в целом в населении ее доля составляет 28 %, на столичных митингах она была перепредставлена в полтора раза (см. подробнее в разделе «Протестная мобилизация 2021: кто вышел на митинги и почему?»).

В итоге люди до 40 лет составляли около 80 % протестующих (при том, что их доля в населении старше 14 лет составляет 40 %). В Москве митинги выглядели чуть «старше» скорее всего за счет того, что здесь люди старших возрастов имеют более значительный протестный опыт и в большей мере были готовы присоединиться к протесту (что дало и бóльшую численность московских митингов). Во всех трех городах люди с высшим и неполным высшим образованием составляли около 80 % протестующих. Таким образом, у протестов 2021 года был достаточно четко выраженный социально-демографический профиль — большинство их участников составили люди до 40 лет, получившие или получающие высшее образование. Эти данные свидетельствуют, с одной стороны, что представители других социально-демографических групп в гораздо меньшей степени поддерживают повестки «навальновских» протестов, а с другой — что эти повестки в наибольшей степени связаны с «модернизационным потенциалом» страны.

В Москве и Петербурге около 40 % опрошенных участвовали в протестах в 2021 году впервые, в Казани таких было более половины. «Новички» не являются преимущественно людьми вовлеченными в политику последними событиями, но, скорее, людьми, сочувствовавшими повесткам оппозиции, но впервые решившимися на более радикальное

выражение своего несогласия, несмотря на растущие риски репрессии со стороны правительства.

Как показывают опросы, хотя фигура Алексея Навального играет мобилизующую роль, протесты не носят выраженного персоналистского характера — их участники подчеркивают свою приверженность скорее повесткам, которые ассоциируются с Навальным, а репрессии против Навального считают частью общей репрессивной политики режима. В этом, в частности, проявляется отличие «навальновских» протестов от гораздо более «персонализированных» протестов в поддержку губернатора Фургала. Существенным изменением выглядит и то, что тема, а, точнее, сам концепт «коррупции», в значительной степени способствовавший росту политической известности Навального, трансформируется в более широкую тему «социального расслоения» и «социальной несправедливости», находящую особенно широкий отклик среди молодежи. Наконец, важно отметить, что помимо непосредственных участников протестов существует более широкая среда деятельного сочувствия — среда людей, предпочитающих формы сопротивления в виде поддержки протестующих и подвергающихся репрессиям донатами, пикетами и другими формами проявления солидарности.

ПРОТЕСТЫ—2021 В КОНТЕКСТЕ «ПРОТЕСТНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»

Волна протестов, прокатившаяся по России в 2020—2021 годах, центральными событиями которой стали протесты в поддержку губернатора Фургала в Хабаровске (11, 18 и 25 июля 2020 года) и протесты в поддержку Алексея Навального (23 января, 31 января и 21 апреля 2021 года), — это уже четвертая протестная волна «протестного десятилетия» 2011–2021 годов. Первая волна протестов «за честные выборы» остается по сей день самой крупной по общему числу «выходов» на улицы; вторая, «размазанная» волна 2013–2017 годов, была направлена преимущественно против ужесточения политического режима; третья, «навальновская» волна 2017–2019 годов, была сфокусирована на темах коррупции и недопуска независимых кандидатов до выборов; наконец, четвертая — в поддержку популярных политиков, подвергающихся репрессиям. Несмотря на то, что последняя волна имела место в условиях гораздо более репрессивной среды, она лишь немногим уступала первой по абсолютным масштабам.

Масштаб протестов (численность вышедших на улицы людей) — важнейший параметр для понимания политической динамики, склонности общества к протестам, мобилизационного потенциала тех или иных протестных повесток и, наконец, реакции властей, общества и элит на протесты в зависимости от их размаха. В разделе, написанном Кириллом Роговым и Абы Шукюровым, предприняты усилия по систематизации свидетельских оценок численности протестов для установления их «порядковых» значений. Всего в течение «протестного десятилетия» в России имели место не менее 40 протестов с численностью более 10 тыс. человек и около 12 — с численностью более 50 тыс. чел. Масштабы крупных протестных мобилизаций в России в течение этого десятилетия остались в диапазоне 20—200 тыс. человек. Несмотря на то, что протесты 2021 года проходили в условиях чрезвычайного полицейского давления и гораздо более высокого уровня репрессивности режима, они остались в этом диапазоне, но и не вышли за его пределы.

Главной особенностью четвертой волны можно считать то, что протест вышел из «столичной» резервации: если в 2011—2012 годах на Москву и Петербург приходилось 65–75 % протестующих, то в протестах в защиту Навального в 2021 году их доля сократилась примерно до трети. Хабаровские протесты стали совершенно беспрецедентным, но единичным случаем региональной политической мобилизации: на улицы выходило около 5 % жителей города, что является очень высоким показателем. В ходе протестов в защиту Навального региональная составляющая выглядит более размазанной: при том, что протесты проходили в более сотни городов, численность абсолютного большинства из них была незначительной. Так, 23 января 2021 года в двух городах число протестующих можно оценить в более 10 тыс. человек, в четырех городах — в диапазоне 5—9 тыс. и еще в 13 — от 2 до 5 тыс. В то же время рост общей численности протестующих в регионах компенсировался снижением численности протестующих в Москве: она составляла около 30—40 % от пиковых значений 2011—2012 годов.

Протесты в защиту Навального в 2021 году и протестные мобилизации 2010-х годов могут быть оценены как очень значительные. Из почти 7 тыс. протестов, зафиксированных в базе данных Mass mobilization project за 2011—2020 годы, лишь чуть более 10 % собирали 10 и более тыс. человек; лишь 3,5 % — 50 тыс. и более и лишь 2,5 % — 100 и более тыс. человек. Таким образом, мы имеем дело с действительно крупными протестами, которые стали бы скорее всего мощным фактором политических изменений в условиях полуавторитарного или «гибридного» режима, какими были Грузия при Шеварднадзе,

Украина при Кучме и Януковиче, Армения при Саргсяне или Россия 2000-х годов (оценки гражданских и политических прав и свобод Freedom House для таких режимов лежат в диапазоне 4—5,5 пунктов). В то же время такой масштаб является далеко недостаточным для того, чтобы спровоцировать полноценный кризис в зрелом авторитарном режиме (оценки Freedom House находятся в диапазоне 6—7 пунктов). Здесь уровень допустимого насилия (который выглядит для общества привычным) гораздо выше, а элиты гораздо более «дисциплинированы» режимом, что облегчает для властей решение задачи «изоляции» протеста.

ПРОТЕСТЫ 2020—2021 И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Почему общая численность протестующих на всероссийских протестах в защиту Навального не вышла на новый уровень по сравнению с 2011—2012 годами?

Прежде всего этот факт демонстрирует нелинейность конвертации информационного охвата Навального-блогера в поддержку Навального-политика. Число протестующих, вышедших на акцию 23 января 2021 года, составляло примерно 2 % от аудитории фильма про дворец Путина и примерно 4 % от числа подписчиков канала Навального. В январе 2021 года у Навального в шесть-семь раз больше подписчиков, чем в весной 2017 года, в то время как масштаб протестов 23 и 31 января превосходит масштаб акций после выхода фильма «Он вам не Димон» в 2—3 раза. В январе 2018 года, когда у Навального было 1,5 млн подписчиков, его деятельность одобряли 9 % опрошенных, а в январе 2021 года при 6,5 млн подписчиков — 20 %.

Для понимания «политики протеста» (или политики оспаривания), как уже было сказано, принципиально важно не только общее число протестующих, репертуар их действий и ответных действий правительства, но и отношение общества к этому противостоянию. От того, насколько легитимными выглядят действия протестующих в глазах общества, зависит, насколько легитимным будет выглядеть применение в отношении них насилия со стороны правительства. И здесь бросается в глаза разница в отношении общества к протестам в поддержку губернатора Фургала и Алексея Навального. В то время как протестующим в Хабаровске сочувствуют около 45 % опрошенных «Левада-центром» по всероссийской выборке, а не одобряют их около 15 %, картина в отношении протестов в поддержку Навального практически противоположная — выражают поддержку протестующим около 20 %, а не одобряют 40 %.

Это различие в наибольшей степени объясняется фактором «уровня лояльности». Среди лояльных групп (одобряют Путина-президента, считают, что дела в стране идут в правильном направлении), тем не менее, относится с сочувствием к протестам в Хабаровске каждый четвертый (26 %), а к протестам в поддержку Навального лишь 6 %. Среди нелояльных (не одобряют Путина, считают, что дела в стране идут в неправильном направлении) поддерживает хабаровские протесты большинство — около 70 %, а «навальновские» протесты лишь 40 %. Эти цифры указывают на то, что навальновские протесты оказались слишком радикальными для публики, в то время как повестка хабаровских протестов, которые не воспринимались как прямая и бескомпромиссная конфронтация с режимом Владимира Путина, были пассивно поддержаны не только более широким спектром недовольных, но и частью умеренных лоялистов.

Стремление избежать прямой конфронтации с режимом проявило себя и в восприятии россиянами начальной точки конфликта — покушения на Навального. В сентябре 2020 года лишь 25 % доверяли информации, что Навальный был отравлен, и лишь 10 % опрошенных возлагали вину за отравление на власти или фигурантов его расследований. В октябре мнения несколько консолидировались и поляризовались: три почти равных группы по 20 % считали случившееся на борту самолета (1) «инсценировкой», (2) «провокацией Запада», (3) местью властей или фигурантов расследований Навального. Однако в декабре неопределенность в интерпретации события вновь возрастает: доли считающих произошедшее инсценировкой и тех, кто не может определиться с версией мотивов отравления, растут, а доли возлагающих ответственность на российские власти и Запад несколько снижаются.

Это происходит после публикации расследования международного консорциума и телефонного разговора Навального с сотрудником ФСБ Кудрявцевым (эти два видеосюжета на ютьюб-канале Навального собрали вместе более 50 млн просмотров) и свидетельствует, что представленная в них версия не вызвала достаточного доверия и сочувствия у россиян (за пределами традиционных групп поддержки оппозиции). По всей видимости, парадоксальным образом прозрачность расследования вошла в конфликт с конспирологическими паттернами восприятия населением власти и спецслужб («слишком просто», «хотели бы убить — убили бы»). Но ключевую роль в механизме «блокирования» шокирующей информации, как представляется, сыграло стремление избежать прямой конфронтации с режимом, в результате чего ответственность за радикализацию ситуации была переадресована от Кремля самому Навальному, вернувшемуся «в пасть дракона».

Это недоверие и в целом низкое общественное сочувствие к протестующим в поддержку Навального открыло перед режимом «окно возможностей» для эскалации репрессий.

РЕПРЕССИИ—2021: ОТ СДЕРЖИВАНИЯ К УНИЧТОЖЕНИЮ

Как отмечают авторы посвященного репрессиям раздела доклада, основные репрессивные техники, использованные в 2021 году против оппозиции и протестующих, начали формироваться еще в 2019 году, когда власти столкнулись с предыдущим всплеском протестов. Однако масштабы их применения и некоторые принципиальные новации позволяют говорить о репрессиях 2021 года как новом этапе репрессивной политики Кремля.

Свидетельством нового уровня репрессивности стали:

1) масштабы задержаний протестующих: в ходе протестов января — апреля было задержано более 17 тыс. чел., т. е. как бы средней руки протестный митинг целиком; ничего похожего по масштабам задержаний Россия раньше не знала;

2) кратно возросшее число арестов, назначенных задержанным на митингах судом в виде наказания, и рост числа уголовных дел, возбужденных против протестующих по надуманным и фиктивным обвинениям (известно о таких делах в отношении не менее 135 человек); речь идет о постепенном «закреплении» практики лишения свободы под теми или иными предлогами участников мирных митингов за сам факт участия в них;

3) насильственное прекращение деятельности двух крупнейших общественных организаций — структур Навального и «Открытой России», что само по себе является прецедентным событием; обе структуры не имели формальной регистрации, но функционировали явочным порядком, теперь их деятельность объявлена противозаконной;

4) резкое расширение практики лишения пассивного избирательного права оппозиционных политиков и гражданских активистов; ранее посредством политически мотивированного уголовного преследования пассивного избирательного права был лишен Алексей Навальный, теперь эта антиконституционная практика была распространена на его соратников и неопределенно широкий круг активистов и политиков; факт участия в митинге в поддержку Навального или некие свидетельства отношений с ним и его структурами становится основанием для лишения человека пассивного избирательного права;

5) мощная атака против независимых интернет-СМИ: за четыре месяца сразу 26 организаций и физических лиц были внесены в реестр «СМИ-иноагентов» (в полтора раза больше, чем за предыдущие четыре года) в том числе имеющие многомиллионные аудитории издание Meduza и телеканал «Дождь».

В целом можно говорить о создании новой репрессивной машины на базе законодательства об иностранных агентах, а также о нежелательных и экстремистских организациях, позволяющей, благодаря произволу правоприменения и размытости формулировок, ограничивать и преследовать свободу высказываний, независимые медиа и проявления коллективной гражданской и политической активности. Только за 2020—2021 годы в реестры иноагентов и нежелательных организаций было внесено 69 юридических и физических лиц (за предыдущие семь лет — 93). Признание иноагентом или нежелательной организацией происходит во внесудебном порядке, однако неисполнение норм законов об иноагентах и нежелательных организациях создает риски преследований вплоть до уголовных. В свою очередь признание организации нежелательной или экстремистской ведет не только к коллективному поражению в правах для ее членов, но и позволяет криминализировать контакты граждан с такими организациями.

Как пишут авторы «репрессивного» раздела, расширение круга статей, используемых против гражданских и политических активистов, введение новых псевдоправовых составов в УК (например, преследовать теперь можно не только за ущерб, но и за «риск ущерба»), задержание участников акций постфактум по видеозаписям с протестов (приравнивание репостов о протестных акциях к их «организации») и подключение к репрессиям «непрофильных» институций и ведомств («участковые», опека, военкоматы, администрации вузов и предприятий) создают риски для неопределенно большого круга лиц и формируют новую систему тотального давления на политический и гражданский активизм. Эта репрессивная система обретает идейно-пропагандистский фундамент в продвигаемой властями идее суверенизации доктрины «прав человека», т. е. закамуфлированного отказа от признания их фундаментального и неоспоримого характера.

ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В целом можно констатировать, что протесты в защиту Навального мобилизовали широко понимаемую «партию Навального», но не перешагнули широко понимаемые

«партийные» рамки. Об этом свидетельствует как сильный социально-демографический «сдвиг» в составе протестующих, так и настороженное отношение к протестам «публики». Вместе с тем, эта потенциальная «партия Навального» (при всех оговорках) составляет около 15—20 % населения с высоким социальным капиталом и организационным потенциалом.

Тот факт, что протесты 2021 г. не продемонстрировали новых порядковых значений численности и не стали детонатором полноценного политического кризиса не означает, что такой кризис невозможен в будущем. Проявившая себя еще в начале 2010-х годов тенденция роста склонности населения к протестам после «крымской» паузы вернулась в русло фундаментального тренда (это общемировая тенденция — по некотором оценкам, интенсивность протестов в мире в среднем ежегодно возрастала на 11 % в 2009—2019 годах). С одной стороны, протесты в поддержку Навального продемонстрировали растущую политизацию крупных региональных центров России, протест вышел из «столичной» резервации. С другой — хабаровские протесты с более умеренными повестками дали пример никогда ранее не виданной протестной мобилизации в одном из таких центров. Структурный анализ численности протестов позволяет представить, как потенциально может выглядеть переход к новым порядковым значениям численности протестов в случае «объединения» сторонников «умеренных» и «радикальных» протестных повесток. Это протесты численностью 10—20 тыс. человек в полутора десятках региональных центров плюс крупные выступления в столицах, что и даст около полумиллиона или более протестующих по стране.

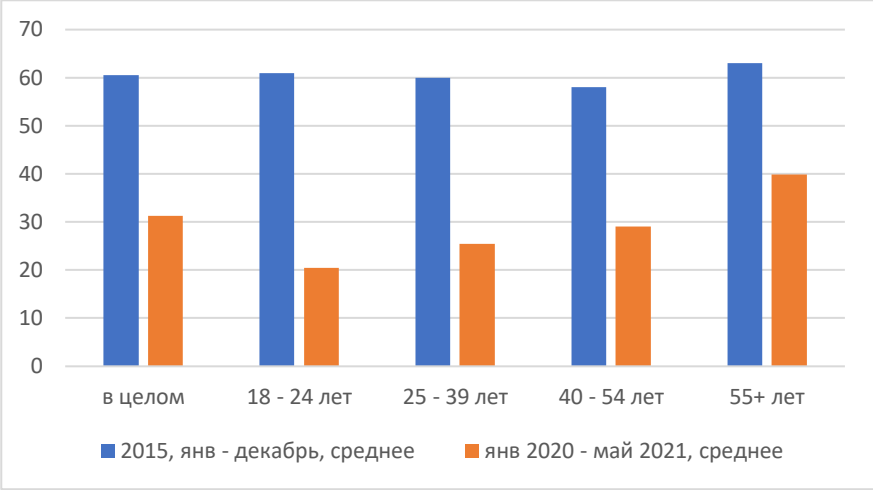
В целом массовые протесты и прочие проявления «политики оспаривания» — естественная часть политической жизни, дополняющая партийно-электоральную политику формами прямого гражданского действия. Разница состоит в том, что реакция демократических режимов на нее подразумевает оба механизма — эксклюзии (полицейского сдерживания, маргинализации протестующих) и инклюзии (политики включают повестки протеста в свои программы, лидеры протеста кооптируются в системную политику). В авторитарных странах стратегии эксклюзии доминируют, а реакцией на протест является общий рост репрессивности и государственного насилия. Заблокировав с помощью электоральных и регуляторных манипуляций механизмы партийно-электоральной политики, власти стремятся криминализовать и репрессировать альтернативные механизмы выражения «несогласия» средствами прямого гражданского участия.

Насилие подавляет волю активистов, но ухудшает отношение к режиму «умеренных» недовольных и условно лояльных. В краткосрочной перспективе усиление репрессий скорее всего даст эффект, лишив несогласных привычного инструментария. Однако фундаментальными факторами, ставшими причиной политических конфликтов как в России, так и в Беларуси в 2020—2021 годах, являются, как уже было сказано, долгосрочная стагнация экономики, старение популярных в прошлом персоналистских лидеров и связанных с ними «позитивных» повесток, а также окончание эры «телевизионных монополий» в связи с развитием широкополосного интернета.

Очевидно, что усилия авторитарных правительств, в том числе и российского, помимо традиционных репрессивных технологий, будут в ближайшее время сфокусированы на ограничении развития интернета и расширении практик и механизмов его цензурирования. Однако введение полной цензуры интернета может оказаться дорогостоящей и не слишком эффективной стратегией. Она перекроет каналы обратной связи и снизит компетентность правительства, а так как полностью блокировать информационный и коммуникативный потенциал широкополосного интернета и социальных сетей не удастся, это будет способствовать возникновению новых поводов недовольства и напряжения. Сегодня для всех авторитарных правительств эталоном цензуры интернета и продвижения «смарт-авторитаризма» является китайское правительство. При этом часто забывается, что китайские механизмы авторитарного контроля работают в условиях продолжающегося интенсивного роста экономики, и никто пока не знает, насколько эффективны они окажутся в условиях замедления или отсутствия роста, являющегося фундаментальным фактором доверия к правительству.

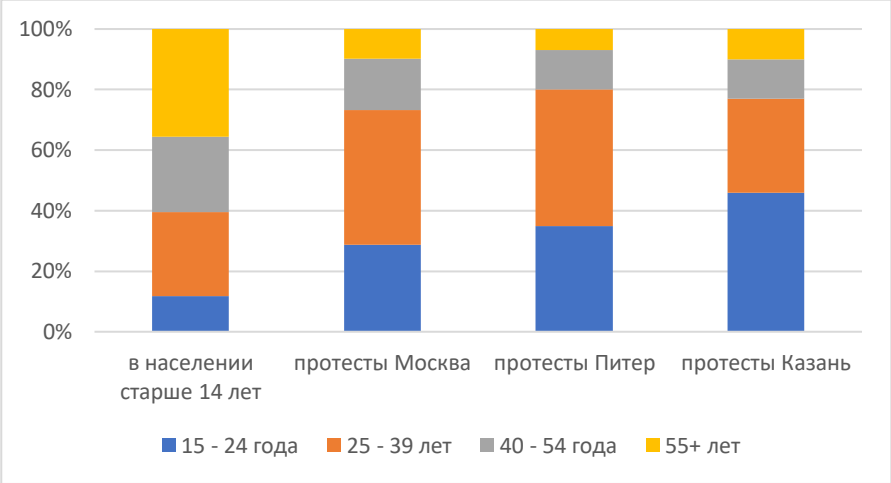
КЛЮЧЕВЫЕ ГРАФИКИ И ТАБЛИЦЫ

График 1. Динамика доверия к В. Путину в возрастных группах: 2015 и 2020—2021 годы



Данные «Левада-центра», доля назвавших фамилию Путина в ответ на вопрос «Назовите 5—6 политиков, которым вы более всего доверяете?»; каждое значение — среднее по 12 опросам, проведенным в указанном промежутке времени.

График 2. Доли возрастных групп в населении старше 14 лет и среди участников протестов в поддержку Навального



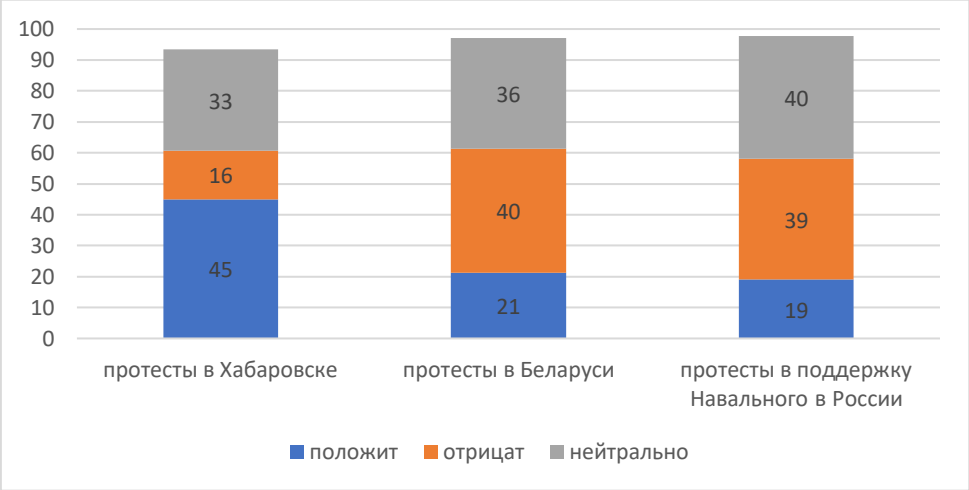
Данные: Росстат, опросы на митингах (подробнее см. в материале «Протестная мобилизация 2021: кто вышел на митинги и почему»).

Таблица 1. Четыре волны протестного движения, 2011—2021 годы

	Повестки	**Период**	**Число протестов с участием более 10 тыс. чел.**	**Интенсивность: общая численность участников крупных акций «волны»**
Первая волна, "болотная"	Электоральные фальсификации, «за честные выбора», против переизбрания Путина	декабрь 2011 — сентябрь 2012	10	580 000
Вторая волна, "немцовская"	Против ужесточения политического режима	март 2013 — февраль 2017	9	230 000
Третья волна, "навальновская"	Против коррупции, за "допуск" к выборам	март 2017 — сентябрь 2019	14	330 000
Четвертая волна, в поддержку популярных политиков	«В поддержку Фургала», «в поддержку Навального», против репрессий и коррупции	июль 2020 — апрель 2021	6	400 000

См. подробнее в разделе «*Протесты 2021 и протестное движение 2011 – 2021. Динамика и оценки численности».*

График 3. Отношение к участникам протестов в Хабаровске, Беларуси и в России в январе—апреле 2021 года



Данные: опросы «Левада-центра»; расчеты автора. Каждое значение — среднее соответствующих значений трех волн опросов по митингам в Хабаровске (июль, август, сентябрь 2020 года), трех волн по митингам в Беларуси (август, сентябрь, октябрь 2020 года) и двух волн по «навальновским» митингам (январь и апрель 2021 года).

График 4. Практика преследования организаций, СМИ и физических лиц с помощью законодательства об иностранных агентах и «нежелательных» организациях

Данные: реестры Минюста; число организаций и физических лиц, внесенных в реестры.

Сергей Гуриев,
профессор экономики, Сьянс По, Париж, Франция

ЭРА 3G: ШИРОКОПОЛОСНЫЙ ИНТЕРНЕТ И ПОЛИТИКА — В МИРЕ И В РОССИИ

1. НОВАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ

Несмотря на уничтожение оппозиции и независимых СМИ, российские граждане все более критически относятся к власти. Вполне возможно, что это, по крайней мере отчасти, объясняется распространением мобильного широкополосного интернета и социальных сетей.

Рост критического отношения к власти происходит не только в России, но и во всем мире. Доверие к правящим элитам снижается в самых разных странах — в том числе во вполне благополучных. Это тем более удивительно, что ситуация в мире в целом скорее становится лучше, чем хуже: уровень насилия падает, глобальная бедность и глобальное неравенство сокращаются, грамотность растет, женщины и меньшинства получают все больше прав[1]. Почему же — даже еще до пандемии Covid-19 — по всему миру снижалось доверие к политическим институтам и распространялись протесты? Почему так сильно выросла поддержка популистов (политиков, фокусирующихся на критике истеблишмента)?

Одно из возможных объяснений — это изменение информационной среды. То, что СМИ в большей степени рассказывают о проблемах, а не о достижениях, о кризисах, а не о постепенных улучшениях, было известно давно[2]. Но в последние 10—15 лет произошло качественное изменение способов получения информации, которое, скорее всего, привело к дополнительному существенному сокращению доверия к правящим элитам. Речь идет о резком расширении доступа к интернету.

В своей книге «Восстание публики» (The Revolt of the Public) бывший аналитик ЦРУ Мартин Гурри пишет о том, что прямой доступ к информации благодаря интернету

---

[1] Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса / С. Пинкер. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2021; Рослинг Х., Рослинг-Реннулунд А., Рослинг У. Фактологичность. Десять причин наших заблуждений о мире — и почему все не так плохо, как кажется / Х. Рослинг. — Москва : Corpus (АСТ), 2020.

[2] См. Пинкер, 2021.

кардинально изменил отношения между простыми людьми («публикой») и элитой[3]. Элита, которая привыкла к тому, что она контролирует не только власть, но информацию, до сих пор не поняла, что все ее недостатки теперь выставлены напоказ. Гурри утверждает, что теперь – по крайней мере, до того, как элиты подстроятся к новому равновесию – стоит ожидать роста популярности антисистемных политиков, которые будут критиковать элиту (не предлагая, впрочем, конструктивных решений стоящих перед обществом проблем).

Стоит ли приветствовать или, наоборот, опасаться этого радикального роста прозрачности? С одной стороны, разве плохо то, что коррумпированные и недемократические лидеры сталкиваются с подотчетностью и теряют популярность и власть? Гурри пишет о ключевой роли интернета в событиях Арабской весны. Об этом же говорят и ведущие исследователи недемократических режимов Diamond и Plattner (2010, 2012), которые называют интернет и социальные медиа ни мало ни много «технологией освобождения» (liberation technology)[4].

С другой стороны, критика властей может зайти слишком далеко. Алгоритмы социальных сетей – по крайней мере, до недавнего времени – были настроены так, что в них быстрее распространялись отрицательные новости и фальшивые новости[5]. Отрицательные и неправдоподобные новости возбуждают больше эмоций, поэтому вероятность того, что пользователи делятся ими со своими друзьями, выше. Неудивительно, что распространение социальных сетей может привести к росту популярности политиков-популистов, которые критикуют мейнстримных политиков не только и не столько по делу, но и по несуществующим поводам. В этом смысле, интернет может превратиться из «технологии освобождения» в «технологию дезинформации»[6].

---

[3] Gurri M. The Revolt of the Public and the Crisis of Authority in the New Millennium / M. Gurri. —San Francisco, CA : Stripe Press, 2018.

[4] Diamond L., Plattner M. F. Liberation Technology / L. Diamond // Journal of Democracy. — 2010. — № 21. P. 69—83; Diamond L., Plattner M. F., (eds.) (2013). Liberation Technology: Social Media and the Struggle for Democracy / L. Diamond // — A Journal of Democracy Book. — 2013.

[5] Haidt J., Rose-Stockwell T. (2019). The Dark Psychology of Social Networks: Why it feels like everything is going haywire / J. Haidt // Режим доступа: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/12/social-media-democracy/600763/ ; Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election / H. Allcott // Journal of Economic Perspectives. — 2017. — № 31. P. 211—236; Vosoughi S., Deb R., Sinan A. (2018). The spread of true and false news online / S. Vosoughi // Science. — 2018. — № 359. — P. 1146—1151.

[6] Tufekci Z. How social media took us from Tahrir Square to Donald Trump / Z. Tufekci // MIT Technology Review. — 2018.

2. 3G ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Какая из этих точек зрения, оптимистическая («технология освобождения») или пессимистическая («технология дезинформации»), верна? Вместе с Никитой Мельниковым и Екатериной Журавской мы провели исследование влияния распространения мобильного широкополосного интернета на отношение к правительствам по всему миру[7]. Мы используем данные по доступу к интернету в 2232 субнациональных регионах в 116 странах в 2008—2017 годах. В течение этого десятилетия доступ к мобильному широкополосному интернету вырос с 4 до 70 % населения мира. Доступ к фиксированному широкополосному интернету практически не вырос, так что именно мобильный широкополосный интернет (мобильные сети третьего и четвертого поколения, 3G и 4G, соответственно) стал ключевой технологией доступа к широкополосному интернету. Фактически, в эти десять лет «мобильный широкополосный интернет» стал синонимом «широкополосного интернета».

Мобильный широкополосный интернет качественно отличается от предыдущих поколений мобильной связи. Он позволяет получать мгновенный доступ к сайтам с картинками и видео, позволяет не только смотреть, но и выставлять видео в сеть. Самое главное — именно мобильный широкополосный интернет привел к взрывному росту социальных сетей. Сегодня и Фейсбук, и Твиттер, и YouTube — это в первую очередь мобильные приложения.

Наша работа стала первым глобальным исследованием влияния интернета на политические процессы. Ранее исследователи рассматривали отдельные страны (одно исключение — это работа Manacorda and Tesei, 2020, в которой исследуются страны Африки, об этом исследовании см. ниже). Межстрановые данные полезны не только потому, что мы изучаем глобальную выборку (она включает почти миллион респондентов), но и потому, что, рассматривая различия между разными странами, мы может выявить *механизмы* влияния мобильного широкополосного интернета на политику.

Основной результат исследования состоит в том, что распространение мобильного широкополосного интернета действительно существенно снижает доверие к правительству. Эффект достаточно сильный: если регион переходит от полного отсутствия доступа к полному покрытию, доверие к правительству снижается на 6 процентных пунктов (средний уровень доверия к правительству в мире — около 50 процентов). Такое снижение

[7] Guriev S., Melnikov N., Zhuravskaya E. (2021). 3G Internet and Confidence in Government / S. Guriev // Quarterly Journal of Economics. — 2021.

доверия к правительству примерно эквивалентно эффекту от роста безработицы на 6 процентных пунктов.

3. ЭФФЕКТ ИНФОРМИРОВАННОСТИ

Для того, чтобы понять, насколько это снижение согласуется с оптимистической точкой зрения («технология освобождения»), мы сравниваем величину эффекта в странах со свободными и цензурируемыми СМИ, с высоким и низким уровнем коррупции. Оказывается, что в странах с цензурой интернета распространение мобильного широкополосного интернета не влияет на доверие к правительству — в отличие от стран без онлайн-цензуры. Напротив, в странах с цензурой традиционных СМИ влияние мобильного широкополосного интернета на доверие к правительству сильнее — что естественно, так как интернет помогает обойти такую цензуру.

Насколько интернет помогает разоблачить настоящую коррупцию или обвиняет власти в несуществующих недостатках? Наши результаты говорят о том, что скорее верна первая точка зрения: чем выше фактическая коррупция, тем в большей мере доступ к мобильному широкополосному интернету убеждает граждан в том, что правительство коррумпировано. В то же время в самых честных странах (Дания, Германия, Япония, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария и Великобритания) распространение мобильного широкополосного интернета повышает, а не снижает убежденность в некоррумпированности правительства.

Эти результаты полностью согласуются с предположением о том, что мобильный широкополосный интернет действительно распространяет независимую от правительства критическую информацию. Впрочем, стоит отметить тот факт, что в среднем по миру влияние мобильного широкополосного интернета на доверие к правительству является отрицательным. Это означает, что либо исходный уровень доверия к правительству был завышенным (например, потому что элиты контролировали мейнстримные СМИ), либо социальные сети действительно в большей степени распространяют критическую, а не положительную информацию. Действительно, если бы интернет третьего поколения всего лишь предоставлял новую информацию и если бы исходные представления были бы в среднем правильными (не завышенными и не заниженными), то повышение прозрачности в среднем не изменило бы степень одобрения правительства – хорошие новости сбалансировали бы плохие.

При этом негативная информация, распространяемая в соцсетях, не делает пользователей мобильного широкополосного интернета более несчастными. По всей видимости, отрицательный эффект получения плохих новостей о стране и мире так или иначе компенсируется положительными эмоциями от общения с друзьями. Этот результат согласуется и с тем, что мы обнаруживаем качественные отличия между влиянием сетей второго и третьего поколения: доступ к мобильным сетям второго поколения (когда можно обмениваться текстовыми сообщениями и получать медленный доступ к текстовым сайтам) повышает, а не снижает доверие к правительству. По всей видимости, в этом случае пользователи не получают убедительной критической информации о правительстве, но благодарны ему за доступ к новой технологии.

Как это согласуется с результатами Manacorda и Tesei (2020), которые показывают, что распространение сетей второго поколения (2G) в Африке приводит к протестам при возникновении экономических затруднений?[8] Мы считаем, что технологии второго поколения помогают организовывать протесты уже информированных политических активистов, в то время как сети третьего поколения позволяют убедить среднего избирателя в том, что правительство работает плохо. (При этом социальные сети тоже отлично умеют организовывать протесты[9]).

4. ТЕХНОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЛИ ТЕХНОЛОГИЯ ДЕЗИНФОРМАЦИИ?

Типичный пример использования соцсетей для борьбы с коррупцией — победа на выборах президента Румынии 2014 года «фейсбучного президента» Клауса Иоханниса. Иоханнис проиграл первый тур против действующего премьер-министра Виктора Понта. Но за две недели между первым и вторым туром Иоханнис провел блестящую кампанию в Фейсбуке (обещая изменения и борьбу с коррупцией) и выиграл второй тур. Иоханнис стал первым европейским лидером с миллионом друзей в Фейсбуке. Опросы после его победы показали ключевую роль Фейсбука, который стал важным источником информации в Румынии в 2014 году в отличие от предыдущих президентских выборов 2009 года и парламентских выборов 2012 года, которые с огромным перевесом выиграл как раз Понта.

[8] Manacorda M., Tesei A. Liberation Technology: Mobile Phones and Political Mobilization in Africa / M. Manacorda // Econometrica. — 2020. — № 88. P. 533—567.
[9] Fergusson L., Molina C. Facebook Causes Protests / L. Fergusson // Mimeo : Universidad de los Andes, 2019.

Румыния была и остается одной из самых коррумпированных стран Европы — и Иоханнис сыграл ключевую роль в том, что самые коррумпированные румынские политики были отстранены от политической карьеры и осуждены.

В авторитарных странах мобильный широкополосный интернет необязательно приводит к смене власти в ходе выборов, но может привести к резкому падению ее популярности. В нашей статье мы обсуждаем пример фильма Алексея Навального «Он вам не Димон». Этот фильм не показали по телевизору — его можно было посмотреть только в интернете. Используя данные Левада-центра и социологической службы ФБК, мы показываем, что выход этого фильма привел к кардинальному снижению рейтинга тогдашнего премьер-министра Дмитрия Медведева — причем как среди тех, кто посмотрел фильм, так и среди тех, кто о нем только слышал (через две недели после выхода фильма его посмотрели лишь 4 % российских граждан, а лишь слышали о нем еще только 16 %). Этот фильм в конце концов полностью уничтожил политическую карьеру коррумпированного политика.

С другой стороны, оказывается, что данные подтверждают и пессимистическую точку зрения на роль интернета. Мы рассматриваем результаты всех парламентских выборов в 33 европейских странах в 2007—2018 годах и показываем, что распространение мобильного широкополосного интернета не только снизило долю голосов за правящие партии, но и привело к росту поддержки популистов (как левых, так и правых); непопулистские оппозиционные партии не выиграли ничего от роста доступа к интернету. Почему интернет помогает именно популистской оппозиции? Вполне возможно, что популисты более эффективно используют соцсети, чем мейнстримные политики, потому что традиционные СМИ контролируются элитой. Возможно потому, что популисты более безответственны в своих высказываниях и обещаниях, а соцсети быстрее распространяют именно такие политические нарративы.

Типичный пример популиста, который пришел к власти при помощи соцсетей — Жаир Болсонару. Будучи аутсайдером, он не имел почти никакого доступа к телевидению, поэтому его президентская кампания 2018 года была проведена в основном онлайн. Ключевую роль сыграл WhatsApp — главная соцсеть в Бразилии того времени. Кампания Болсонару использовала как обоснованную критику правящей партии за коррупцию, так и целый ряд фейковых историй. Для распространения фейков WhatsApp подходил идеально. Закрытые группы чатов WhatsApp не позволяли отследить распространение фейков. Так как большинство бразильцев получали доступ в интернет при помощи субсидируемых

тарифов zero-rating plans (которые дают доступ только к соцсетям), они не могли проверить информацию на фактчекинговых сайтах. В нашей работе мы показываем, что Болсонару действительно набрал гораздо больше голосов в районах с более высоким доступом к мобильному широкополосному интернету — что особенно удивительно, так как городские и образованные жители голосовали скорее против Болсонару.

5. КИТАЙСКАЯ СТЕНА ДЛЯ РОССИИ?

Что наши результаты означают для России? Лучше всего на этот вопрос ответил сам Алексей Навальный. Когда мы выложили в интернет первую версию нашей статьи в сентябре 2019 года, Алексей написал в Твиттере: «Спасибо большое. Теперь 5g мы вообще никогда не дождёмся». Российские власти отлично понимают, что неконтролируемое распространение информации в интернете и соцсетях представляет для нее экзистенциальную угрозу и постоянно вводят все новые ограничения свободы слова в интернете.

Насколько им удастся добиться своих целей? Полная цензура интернета по китайскому образцу в России будет стоит слишком дорого как с технологической, так и политической точки зрения. У Ютьюба, Твиттера, Инстаграма, Телеграма нет российских аналогов, создавать их трудно и долго, а россияне высоко ценят доступ к этим глобальным соцсетям: не потому или не только потому, что эти соцсети дают доступ к политической информации, но как раз потому, что в них много неполитического контента — музыки, фото и видео домашних животных, кухонных рецептов и образования.

Впрочем, российская власть может пойти и по другому пути: вместо блокировки блогов и видеоблоов она может заблокировать самих блогеров, посадив их в тюрьму или под домашний арест или заставив уехать из страны. Впрочем, в последнем случае, блогеры-эмигранты продолжат распространять информацию. Да, из-за рубежа трудно призывать к выходу на митинг (на который сам не собираешься идти), но, как показывает наше исследование, разговор с избирателями о коррупции во власти существенно снижает ее популярность.

Впрочем, нельзя забывать и о том, что цензура лишает центральную власть информации о качестве работы ее подчиненных. Как показывает наша с Георгием Егоровым и Константином Сониным работа о свободе СМИ в автократиях (Egorov et al. 2009), авторитарные лидеры часто ограничивают цензуру именно потому, что хотят знать,

что на самом деле происходит в стране[10]. Это известная «дилемма Горбачева»: гласность в конце концов приведет к свержению КПСС, но без хотя бы частичной свободы СМИ даже полновластный диктатор в Москве не может получить объективную информацию о том, что происходит в Чернобыле. А без качественной обратной связи неизбежны ошибки в принятии решений — и в центре, и на местах. Это, в свою очередь, не может не привести к снижению популярности власти среди простых граждан — особенно в современных условиях, когда не полностью заблокированный интернет так или иначе донесет до них информацию о том, что у власти нет ни понимания проблем граждан, ни компетенции для их решения.

[10] Egorov G., Guriev S., Sonin K. (2009). Why Resource-poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data / G. Egorov // The American Political Science Review. — 2009. — № 103(4). P. 645—668.

Александра Архипова,
РАНХиГС, НЦМУ
Алексей Захаров,
экономист, политолог,
Ирина Козлова,
ИОН РАНХиГС

ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ — 2021: КТО ВЫШЕЛ НА МИТИНГИ И ПОЧЕМУ

Январь 2021 года стал временем выхода из “политической комы”, как называли карантинный 2020 год в соцсетях: с 23 января по 21 апреля в десятках российских городов прошли массовые политические акции в поддержку Алексея Навального.

В России каждый уличный протест, и 2021 год не исключение, немедленно становится предметом политических полемик, оперирующих различного рода мифами и стереотипами: высказывания, что на митинги ходят одна школота, бомжи или приезжие, встречаются абсолютно везде, и этому способствует почти полное отсутствие конкретных знаний о том, каковы социально-демографические характеристики протестных акций. Чтобы восполнить этот пробел, понять, кто эти протестующие и почему они участвуют в уличных протестах, наша исследовательская группа с 23 января по 21 апреля проводила комплексное полевое исследование (опросы, наблюдение и интервьюирование на митингах) в Москве, Петербурге и Казани[1].

[1] Наша исследовательская группа — независимая межинституциональная группа социальных антропологов, социологов и экономистов — последние несколько лет изучает уличные протестные акции. На каждой акции мы проводим наблюдение и фотофиксацию “сильных высказываний”, интервьюирование участников и, по возможности, социологический опрос. Всего мы провели шесть социологических опросов на трех несогласованных митингах в Москве (23 и 31 января, 21 апреля), на двух несогласованных митингах в Петербурге (31 января, 21 апреля) и одном согласованном митинге в Казани (14 февраля), опросив 1962 респондента. Опросы проводились методом невероятностной выборки, наши интервьюеры опрашивали каждого пятого. Также мы записали 95 интервью на двух митингах (23 января и 21 апреля) в Москве и трех митингах (23, 31 января и 21 апреля в Петербурге) и создали три базы данных по знакам протестов (плакаты, флаги, значки) на митингах 23 января в Москве и Петербурге и 31 января в Петербурге. 70 из 95 интервью (36 в Москве и 34 в Санкт-Петербурге) были записаны 21 апреля, когда мы объединили усилия с “Лабораторией публичной социологии”. Интервью записывала сборная команда вместе с волонтерами.

МИФ «О ШКОЛОТЕ»: СКОЛЬКО ПОДРОСТКОВ БЫЛО НА МИТИНГАХ?

Призыв Фонда борьбы с коррупцией выйти на улицы, появившийся 19 января, запустил волну поддержки в социальных сетях, в первую очередь — в Тиктоке. Посты с хэштегом #23января с 19 по 22 января набрали в этой сети 110 млн просмотров, а хэштэг #Свободу Навальному за тот же период — 72 млн просмотров[2].

В эти дни в социальных сетях и устных разговорах вновь, как в марте 2017 года[3], возник устойчивый троп “на митинги ходит одна школота”, “в протестах активно участвуют одни школьники”. Такое представление интерпретируется сторонниками оппозиционных взглядов как “наша молодежь не боится власти”, “будущее за нашими детьми”. В Тиктоке активно распространяются клипы о том, как школьники снимали в школе накануне митингов портреты Путина, постили инструкции, как идти на митинг[4].

В то же время более лояльные к власти пользователи соцсетей интерпретировали те же самые ожидания совсем в другом ключе: “Навальный прикрывается нашими детьми”. Высказывания "Навальный заманивает на митинги наших детей", "на митинги ходит одна школота", "Навальному нужны деньги на массовки" или даже "оппозиционеры — это опытные педофилы"[5] стали активно появляться в государственных СМИ, их распространяли в школах и университетах. Естественно, Тикток тоже стали обвинять в “политической педофилии”. Например, фраза “Тикток зазывает на митинги школьников” была процитирована в российских социальных сетях с 19 января по 10 февраля 2021 года не менее 33,5 тыс. раз (не считая мессенджеров), причем эта фраза и подобные ей утверждения распространялись в основном во Вконтакте[6].

Однако представление о преобладающем количестве несовершеннолетних на митингах оказалось неверным. Действительно, школьники высказывали большую поддержку политическому протесту, но выйти на улицы решились немногие. Доля

---

[2] https://meduza.io/shapito/2021/01/21/v-tiktoke-novyy-trend-svobodunavalnomu-video-po-etomu-heshtegu-posmotreli-bolshe-80-millionov-raz

[3] 26 марта 2017 года в России проходили во многих городах митинги, организованные Фондом борьбы с коррупцией.

[4] https://www.svoboda.org/a/31063205.html

[5] https://www.ridus.ru/news/345724?fbclid=IwAR1bFgneVbRtnrHjVyIR1pvpWJTFrgwBnOLeGLp9hwmMNLIYzsTp4WZ3hXE

[6] Здесь и далее приводятся данные мониторинга социальных сетей, регулярно проводимого группой “Мониторинг актуального фольклора”.

несовершеннолетних на несогласованных митингах была очень невелика и составляла от 1,1 до 5,7 % на тех акциях, где мы проводили опросы (**график 1, Приложение 1**). Это соотносится с картиной по задержаниям: волонтерский проект “ОВД-инфо” сообщил, что 23 января по всей стране были задержаны 4002 человека, из них 195 несовершеннолетних, то есть 4,9 %[7]. И это при том, что более высокие шансы задержания на митинге были именно у молодых участников (в соответствии со стремлением доказать, что “оппозиционеры используют детей”).

Возможно, некоторые из опрошенных добавляли себе возраст, говоря, что им уже исполнилось 18 лет, но даже с учетом этого подростки составили незначительное меньшинство участников: доля тех, кому было меньше 18, вместе с теми, кому *уже* исполнилось 18 лет, составляла всего 4,2 % 21 апреля в Москве и чуть меньше — в Петербурге. В Казани, где митинг 14 февраля был согласован, можно было бы ожидать бóльший процент несовершеннолетних. Но он поднялся незначительно — до 5,7 %, а с учетом тех, кому уже исполнилось 18 лет, или тех, кто притворялся, что им уже есть 18, — до 7,4 %.

Незначительное число несовершеннолетних на митинге вряд ли является только прямым следствием политики запугивания. Это, скорее, нормальная ситуация: например, 24 декабря 2011 года на митинге в Москве было 5 % несовершеннолетних[8], во время летних протестов в Москве 10 августа 2019 г. — 8 %, а 31 августа того же года во время несогласованного шествия по бульварам — 7 %.

Таким образом, ожидание “революции детей”, также как и страх “за наших детей, которыми прикрывается Навальный”, не соответствуют демографической реальности митингов. Хотя поддержка подростками политической оппозиционной активности, в том числе и уличной, в социальных сетях была очень велика, активнее участвует в уличных протестах другая возрастная группа.

---

[7] Данные на 28.01.2021: https://ovdinfo.org/articles/2021/01/23/svobodu-navalnomu-itogi-vserossiyskoy-akcii-protesta-23-yanvarya

[8] Соколова А., Головина М., Семирханова Е. Вы нас даже не представляете: социальный портрет митингующих в динамике // «Мы не немы!»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов. — Тарту. — 2014. — С. 83—122.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОЗРАСТ И ОБРАЗОВАНИЕ

В **таблице 1** представлено распределение участников митингов по возрастным группам. Однако, чтобы понять его содержательно, необходимо сравнить это распределение с фактическим распределением по возрастам жителей соответствующих городов. В Москве живет 10,6 млн человек в возрасте старше 14 лет, в Петербурге — 4,6 млн, по данным Мосстата и Петростата. Если бы москвичи и петербуржцы пришли на митинг пропорционально тому, как возрастные группы представлены в мегаполисах, то мы бы имели демографию митингов, соответствующую столбцам на **графике 1**. Однако, как мы видим, в Москве молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет было в 4 раза больше ожидаемого, в Петербурге — в 5 раз больше. Доля жителей обеих столиц в возрасте 25—29 лет была в 2,5—3 раза выше ожидаемой. А вот доля людей 40 лет и старше лет на митингах меньше, чем их доля в возрастном срезе обеих столиц. Интересная картина со школьниками и младшими студентами (группа 15—19 лет): их количество либо было пропорционально ожидаемому, либо (23 января и 21 апреля в Москве, и 21 апреля в Петербурге) больше всего в 2 раза (и это в основном люди 18—19 лет).

Таким образом, наиболее вовлеченная в протест группа — это молодежь 20—24 лет, при этом особенно велика ее доля в Петербурге. Стоит обратить внимание, что именно молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет значительно больше других возрастных групп одобряли январские протесты по данным опроса Левада-центра[9]. Более молодой профиль протестов в Петербурге может быть связан с тем, что люди более старших возрастов здесь в меньшей степени готовы участвовать в протестах, чем в Москве, где имеется значительно больший опыт протестов 2010-х годов[10].

Таблица 1. Возрастные характеристики участников митингов, в % от количества опрошенных на каждом митинге

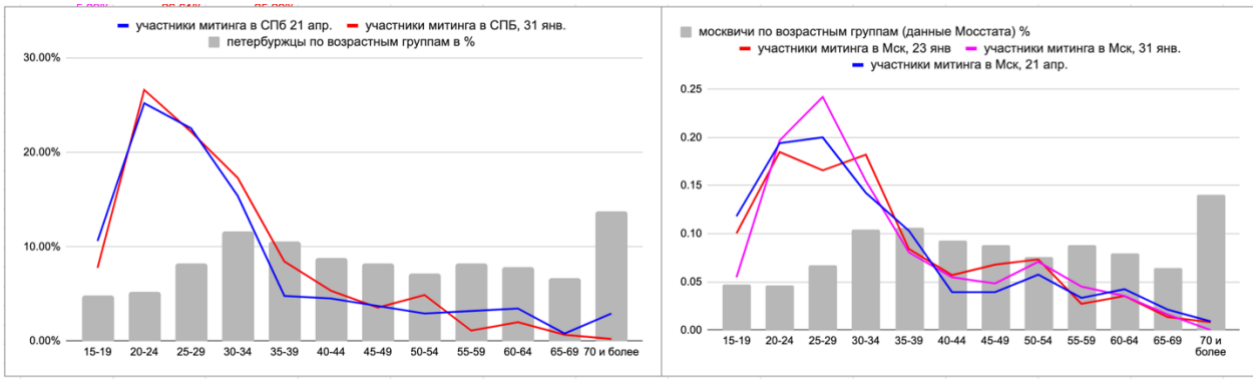
	23 января, Москва	**31 января, Москва**	**31 января, СПб**	**14 февраля, Казань**	**21 апреля, Москва**	**21 апреля, СПб**
N респондентов	370	310	453	122	330	377

[9] Январские протесты // Левада-центр. — 10.02.2021. Режим доступа: https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/

[10] Благодарим нашего коллегу Кирилла Рогова, который указал нам на это возможное объяснение.

менее 18	4,4 %	1,6 %	1,8 %	5,7 %	3,0 %	1,1 %
18-24 лет	24,9 %	23,6 %	32,9 %	40,2 %	28,2 %	34,8 %
25-39 лет	42,7 %	47,7 %	47,7 %	31,2 %	44,6 %	42,7 %
40-54 лет	19,5 %	17,4 %	13,7 %	13,1 %	13,6 %	11,1 %
55 и больше	8,5 %	9,7 %	4 %	9,8 %	10,6 %	10,3 %
Медианный возраст	31	30	28	25,5	29	27

График 1. Доли возрастных групп жителей Москвы и Петербурга и участников протестов в этих городах



Источники данных: опросы в Москве 23 января, 31 января и 21 апреля и в Петербурге 31 января и 21 апреля; данные Мосстата (https://mosstat.gks.ru/folder/64634) и Петростата (https://petrostat.gks.ru/folder/27595).

Среди протестующих оказалось очень много людей с высшим и неполным высшим образованием, что противоречит как популярному мифу о том, что на митинги ходят “одни спившиеся бомжи”, так и представлению о том, что это совершенно нормально, потому что у нас практически все имеют высшее образование. По переписи 2010 года, законченное высшее образование имеют 23 % россиян старше 15 лет, в Москве их доля существенно больше — 42 %[11]. А на митинге 31 января в Москве 71 % опрошенных имел законченное высшее образование, в Петербурге — 59 %. Количество людей с законченным высшим образованием на митингах во всех трех городах значительно превышает статистически ожидаемый процент людей с высшим образованием.

[11] Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании / А. Р. Бессуднов // Вопросы образования. — Москва. — 2017. — № 3. Режим доступа: https://vo.hse.ru/data/2017/10/04/1159486701/Bessudnov.pdf

Таблица 2. Образование участников митингов, в % от количества опрошенных на каждом митинге

	31 января, Москва	**31 января, СПб**	**14 февраля, Казань**	**21 апреля, Москва**	**21 апреля, СПб**
N респондентов	310	453	122	330	377
Среднее или ниже	7,8 %	9,3 %	10,7 %	11,2 %	7,5 %
Среднее специальное	8,4 %	10,4 %	8,2 %	7,3 %	8,5 %
Неполное высшее	12,3 %	21,2 %	25,4 %	17,2 %	26,6 %
Высшее	71,4 %	59,1 %	55,7 %	63,8 %	57,4 %

«НОВИЧКИ» ВЫХОДЯТ НА УЛИЦУ

В наших соцопросах мы регулярно спрашиваем протестующих, когда они впервые участвовали в акции протеста. Как правило, среди них много постоянных участников подобных мероприятий, и только около 15 % опрошенных приходят впервые. Например, самый высокий показатель этого рода был на московском митинге на пр-те Сахарова 10 августа 2019 года — тогда 17 % вышли в первый раз (N = 408).

Результаты опроса 23 января в Москве были весьма неожиданными. Из 370 ответивших на этот вопрос, 156 респондентов, то есть 42 %, вышли на митинг впервые в этом году: либо участвовали впервые в самом митинге 23 января, либо встречали Алексея Навального во Внуково 17 января, либо выходили на пикеты после его задержания (**таблица 4**). При этом доля тех, кто участвовал в уличных протестах летом 2019 года (дело Ивана Голунова, выборы в Мосгордуму) для Москвы крайне невелика — 7 %. Старых участников протестов (тех, кто выходил в 2012 году и ранее) — всего 24 %, и половина из них старше 55 лет (**таблица 3**).

Такой результат характерен не только для Москвы. Большая доля «новичков» наблюдалась и на других митингах (**таблица 3**). Так, на акциях 31 января доля тех, что вышел впервые в 2021 году (это сумма тех, кто вышел впервые на этот митинг и тех, кто выходил на предыдущие акции в 2021 году), также оставалась очень высокой: 39 % в Москве, а в Петербурге она достигла почти половины (47 %). На согласованном митинге в Казани таких было 55 %. И в апреле в обеих столицах это число по-прежнему оставалось очень высоким.

Таблица 3. Ответ на вопрос «Когда вы впервые приняли участие в акции протеста?», в % от количества ответивших на разных митингах

	Мск, 23 января	**Мск, 31 января**	**СПб, 31 января**	**Казань, 14 февраля**	**Мск, 21 апреля**	**СПб, 21 апреля**
N респондентов	370	310	453	122	330	377
Первый раз: сегодня	41,9	14,9	17,1	15,6	10,5	13,9
Первый раз: 2021		24,3	30,2	36,9	22,3	26,5
Первый раз: 2020	2,5	1,6	1,3	0,8	1,9	1,8
Первый раз: 2019	7,7	7,8	4,2	4,1	5,5	3,8
Первый раз: 2018—2013	22,2	22,0	28,6	42,6	25,9	22,7
Первый раз: 2012 или ранее	24,7	28,2	18,2		23,4	14,4
Затрудняюсь ответить	1,1	1,3	0,4	0,0	10,5	16,9

Прослеживается зависимость: чем больше молодых, тем больше «новичков» на митинге. Это верно для Москвы, Петербурга, Казани. Так, в Москве 23 января в возрастной группе 18—24 лет 60 % вышли впервые в этом году, а в группе несовершеннолетних (при всех оговорках, которые мы сделали выше) — 81 % (**таблица 4**).

Таблица 4. Ответ на вопрос «Когда вы впервые приняли участие в акции протеста?». Опрос участников акции 23 января в Москве, в % по возрастным группам

	В 2021 году	**В 2020 году**	**В 2019 году**	**В 2013—2018 годах**	**В 2012 или ранее**	**Затрудняюсь ответить**
до 18	81	0	6	0	6	6
18—24	60	3	10	25	0	1
25—39	41	3	6	19	28	3
40—54	25	1	7	27	37	3
55 и больше	6	0	10	26	52	6

«Новые» участники протеста в большинстве не были до выхода на улицу совсем аполитичными людьми, многие из них интересовались политикой и смотрели расследования ФБК, просто не были готовы или не считали нужным выходить на улицу. Так, один из митингующих, вышедший второй раз 31 января (а первый — 23 января), на уточняющий вопрос «А раньше почему не выходили, не интересовались политикой?» горячо возразил: «Нет! Я очень интересовался политикой, но просто все предыдущие протесты <...> они не вызывали такого общественного резонанса — условно там, какие-то там политические дела». [М.24, СПб, 31 января.] Другой собеседник, вышедший впервые 21 апреля, сказал, что до этого хотел, но боялся выходить на улицу: «Потому что наше чудное государство всячески терроризирует людей, запугивает касательно посещений митингов. Мол, будет вам плохо <...> [А когда Вы обратили внимание на Навального?] Услышал впервые о нем после фильма «Он вам не Димон», а дальше просто смотрел информацию. И потом познакомился с людьми, и потом уже следил за его расследованиями». [М.22, СПб, 21 апреля.][12]

Пополнение протеста «молодыми новичками» — это свидетельство того, что пассивное недовольство (внимание к антикоррупционным расследованиям, поддержка политических заключенных донатами и т. д.) переросло в готовность к уличным протестам — причем среди групп, которые раньше не считали возможным участие в публичных акциях. И это приводит нас к следующему вопросу — все ли они являются сторонниками Алексея Навального?

«БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРО НАВАЛЬНОГО»: МОТИВИРОВКИ УЧАСТИЯ В ПРОТЕСТЕ

Выйти людей на митинг призывали Фонд борьбы с коррупцией и Алексей Навальный. Однако не все вышедшие были его безусловными сторонниками. Из числа опрошенных в Санкт-Петербурге 31 января только 22 % сказали, что они “полностью доверяют” Алексею Навальному; подавляющее большинство, 64,3 %, были более

[12] Эту особенность «новичков» уличных протестов 2021 года отмечали также исследователи группы PS-Lab на основе анализа корпуса интервью, собранных 21 апреля: Журавлев О., Ерпылева С. Что нового в новых протестах? // OpenDemokracy. — 2021. — 24 мая. Режим доступа: https://www.opendemocracy.net/ru/chto-novogo-v-novyh-protestah-erpyleva-zhuravlev/?fbclid=IwAR3IwTkKvpUlcCN7DLTAc9XC0dozdwDxBaRvUoIQZyEu72blNZqvQAb6EM4

осторожны в оценках («скорее доверяют»), а 5,5 % не доверяют или скорее не доверяют Алексею Навальному (таблица 5). При этом безусловное доверие к Навальному Москвы и Петербурга отличается на 12 процентных пунктов — митингующие в северной столице гораздо более сдержаны в своих привязанностях и эмоциях (это, видимо, связано с большей узнаваемостью Навального среди москвичей).

Таблица 5. Ответ на вопрос «Насколько Вы доверяете Алексею Навальному» на митингах 31 января, % от общего количества опрошенных

	Мск, 31 янв.	**СПб, 31 янв.**
N респондентов	330	337
Полностью доверяю	34,2	22,0
Скорее доверяю	55,0	64,3
Скорее не доверяю	1,6	4,0
Совершенно не доверяю	1,0	1,6
Затрудняюсь ответить	8,1	8,2

Многие митингующие называли в качестве основной мотивировки участия в протестах морально-этические причины, а не политические. Некоторые вышли на улицу, потому что беспокоятся за Алексея Навального, в первую очередь как за человека: «В первую очередь [причина выхода] — арест Навального. Я пришла сюда бороться за его свободу, потому что я боюсь очень, что его все-таки там убьют». [Ж. 29, Томск, 23 января.] Количество подобных ответов возросло 21 апреля, когда к Навальному не допускали врача: «Я выхожу за Алексея Навального, незаслуженно осужденного, которого пытались убить — за него, за себя и за страну, которую я люблю». [М.22, СПб, 21 апреля.] Морально-этические мотивировки настолько сильны, что часто перевешивали политические предпочтения: «Я не являюсь сторонником Алексея Навального, но я являюсь сторонником правового государства». [М.24, СПб, 31 января.]; «Я не поддерживаю политическую повестку Навального, но это история больше, чем про Навального. В любом случае в отношении Навального было проведено очень много незаконных действий: отравить человека, посадить человека, его штаб арестовывать — это незаконно. На месте Навального мог бы быть любой человек». [Ж.21, СПб, 23 января.]

Несколько раз наши информанты говорили, что Навальный — один из многих политических заключенных, и они выходят не только за него, но за всех. Так, мужчина с плакатом «Свободу Алексею Навальному и всем политзаключенным» прокомментировал свое участие и плакат: «Навальный, конечно, политзаключенный № 1, но кроме него есть еще много кого: дело «Сети», Мифтахов — да, свежее, и много, много еще». [М.40, СПб, 23 января.]. Еще один участник даже подчеркнул, что Навальный для него не на первом месте в повестке: «Сюда выхожу не столько за Навального, сколько именно против политзаключенных, чтобы такого не случалось, и в целом против нынешней власти». [М.18, СПб, 31 января.]

Были и те, кто делал акцент на личных, в том числе экономических, причинах (хотя такие встречались реже): «Многие говорят, что это все делается исключительно в поддержку конкретно Алексея Навального. Я думаю, что многие люди выходят в поддержку конкретно себя, своих интересов каких-то. Я вот, например, в общем, случилась пандемия и мне особенно так сказать “пригорело” от того, что происходит. Потому что я как индивидуальный предприниматель плачу налоги честно, и я думал, что возможно в этот раз наш президент нас всех поддержит... и прошла вот эта тонкая грань, когда ничего не произошло <...>. И я не понял: то есть мы сами по себе? Тогда зачем нам такая власть». [М.33, СПб, 31 января.]

Нередко «молодые новички» приводили в качестве побудивших их причин абстрактное желание достойной жизни и достойного будущего для себя и своей страны: «Важно [выйти на митинг], потому что считаю, что в России Путина у нас нет будущего, я бы хотел для себя, для своих друзей и близких иметь какое-то будущее, знать, что будет завтра <…>. У меня большие планы на жизнь». [М.20, СПб, 31 января.]; «Ну, я пришла за свободу и будущее нашей страны, потому что я считаю, что любая власть должна сменяться, что она должна быть справедливой». [Ж.17, Москва, 23 января.]

Примерно такой спектр был выявлен и во время опроса на согласованном митинге в Казани 14 февраля, где мы задавали вопрос о причинах, побудивших людей прийти на митинг. Основной мотив выхода — это «то, как к нам власти относятся»: отсутствие политических свобод, несменяемость власти, полицейский произвол, репрессии; эти причины упомянули 86 % опрошенных. Это не удивительно, учитывая, что политзаключенные — одна из тем митинга. Экономические причины (невыплаты, низкие пенсии, высокая цена жилищно-коммунальных услуг, понижающийся уровень жизни, в том числе в связи с пандемией) назвали 21 % опрошенных. Недовольство президентом

выразили 13 %, столько же назвали причиной прихода на митинг коррупцию. Алексея Навального упомянули в положительном ключе 8 % респондентов («мне нравится, что он делает» [М. 19 лет], «я сначала Навального не поддерживала, но нельзя отравлять людей» [Ж. 27 лет]). Много причин попали «другое»: например, немало молодых людей говорили, что им категорически не нравится качество образования в Казани.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ «МНОГООБРАЗИЕ» МИТИНГА

На митинги 2021 года, которые были организованы соратниками Алексея Навального после его ареста, пришли представители самых разных движений и партий, которые в обычной жизни не разделяли его политические взгляды.

Бо́льшим политическим разнообразием отличались митинги в Санкт-Петербурге. На январских митингах были разные представители левого движения с флагами и плакатами: «Российское социалистическое движение» (РСД), «Марксистская тенденция», «Левый блок», «Революционная альтернатива». В целом, эти партии поддержали протесты, организованные ФБК, но пришли на них со своей субповесткой, в частности, с плакатами, требующими свободы осужденному 11 января анархисту Азату Мифтахову, а также с требованиями социальной справедливости: «Дворец под санаторий для льготных категорий. РСД». На митинге 31 января в Петербурге была хорошо заметна была большая растяжка РСД «Мир панелькам, война дворцам!». Вместе с ней, с флагами и плакатами активисты перечисленных левых движений залезали на большой сугроб на Пионерской площади, скандируя кричалки: «Власть миллионам, а не миллионерам» и «Выше, выше красный флаг, капитал наш главный враг». Также присутствовала и ярко себя обозначала «Либертарианская партия России»; ее представители взобрались на будку неподалеку и развернули там свой флаг.

В Москве представителей несистемных партий, которые репрезентовали себя символикой (значками, флагами, растяжками, плакатами) было значительно меньше. Свое присутствие открыто обозначили только члены Революционной рабочей партии (РРП), пришедшие со своими флагами, и Российского социалистического движения, сделавшие несколько плакатов с партийным логотипом. Из системной оппозиции нам встречались только флаги «Яблока» в Петербурге и Казани. Отметим, что 21 апреля в Москве на митинге мы встретили молодого человека, около 35 лет, «яблочника», который сказал, что он тут «*нелегально*, без партийной символики».

Присутствие разных несистемных партий на крупных митингах, организуемых Фондом борьбы с коррупцией, скорее характерно для последних лет, но в этот раз их присутствие было заметнее, чем в прошлые годы.

САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НА МИТИНГАХ

За последние несколько лет среди многих молодых людей сложилось специфическое отношение к митингу как к некоторой форме политической и эмоциональной инициации[13]. Участие в митинге воспринимается как включение в важный исторический процесс, борьба со своим страхом, поиск соратников и друзей, вхождение в группу посвященных, эмоциональное взросление. Не раз наши молодые информанты говорили, что на митинге очень важно чувствовать себя среди единомышленников («самым крутым для меня было чувство единения с людьми» [Ж.19, Москва, 26 марта 2017]), что это единение помогает преодолеть свои страхи и сомнения, поверить в свои силы («ну конечно страшно, но я вижу, что тут огромная солидарность у людей, друг за друга горой, хватались, кричали “позор” и мне это очень нравится» [Ж. 17-18, СПб, 8 марта 2017]). На протестах этого года также встречались похожие реплики. Так, одна девушка на вопрос, с кем она пришла 23 января, ответила: «Одна, я всегда одна, у меня единомышленников нету таких, которые со мной хотели бы на митинги ходить. Но я не считаю, что я одна, тут очень много крутых людей». [Ж.29, СПб, 23 января.] Другой собеседник на том же митинге рассказал, что в протестах начал участвовать примерно год назад. А на вопрос, что его к этому подтолкнуло, ответил: «Ну, потому что, видимо, стал взрослее, осознал, что пора выйти». [М.23, СПб, 23 января.]

При этом восприятие митинга как инициации может перевешивать собственно политические причины участия. На митинге в Казани 14 февраля молодые люди на вопрос о причинах участия в протесте довольно часто (не менее 30 таких ответов) отвечали: «посмотреть, кто придет», «как будет полиция относиться», «какие партии появятся», «посмотреть, что такое митинг», «мне 16, меня раньше мама не отпускала на митинги, а я хотела посмотреть, разрешила только на этот». Такие мотивировки участия в протестных акциях встречались во всех городах, где мы брали интервью: «Я лично для себя

[13] Об этом подробнее было рассказано на семинаре ЦТСФ РГГУ 31 мая 2017 года в докладе группы МАФ «Митинг как коммунитас и структура».

[фотографировал], ну и просто посмотреть на историю [пришел], грубо говоря». [М.16, СПб, 23 января.]

Такое эмоциональное и ритуализованное переживание митинга требует публичной репрезентации. Поэтому, например, на митингах 26 марта 2017 года против коррупции молодые люди через соцсети стремились подчеркнуть свое присутствие: устраивали коллективные фотографии на митинге, охотно позировали журналистам и вели стримы из автозаков. И, кстати, именно это увеличенное медийное присутствие создавало иллюзию, что практически все присутствовавшие на протестах 2017 года — очень молодые люди. Но сейчас публичная само-репрезентация участника митинга претерпела заметные изменения, по всей видимости, в результате кампаний по запугиванию. Например, на митинге в Петербурге 23 января две девушки 13 лет сказали, что делают фоточки на митинге себя и друзей, но на вопрос, куда они их выкладывают, одна из них сказала, что не будет выкладывать, опасаясь, что будут «проблемы в школе» [Ж.13, СПб, 23 января], а ее подруга сказал, что выкладывает в закрытый чат «только своим одноклассникам, которые тоже на стороне Навального» [Ж.13, СПб, 23 января]. Она же сказала, что «плакатов не делала, чтобы не вызывать внимания, чтобы полиция не схватила, так как нам всего по 13 [лет]».

«ГОЛОСА ПРОТЕСТА» — ПАРТИЙНЫЕ И НАРОДНЫЕ

Участие в митинге — это сообщение, адресованное окружающим или правителю, поэтому протестующие, как правило, стремятся сделать его максимально заметным с помощью плакатов, артефактов или даже перформансов (которые мы называем «сильными высказываниями»). Тем не менее, в связи с возросшими рисками для участников митингов (накануне массовой акции, на встрече Навального, народных сходах и пикетах в его поддержку жестко задерживали всех людей с плакатами) количество сильных высказываний резко упало.

Если, например, на согласованном февральском митинге в Казани 22 % опрошенных (практически каждый четвертый) держал те или иные знаки протеста, то есть сильные высказывания (см. **Приложение 1**), то среди опрошенных участников московского митинга 23 января только 3 % рискнули усилить свое присутствие на митинге «сильным политическим высказыванием», и это минимальный показатель за несколько лет

исследований[14]. Большинство пришло просто поддержать протест своим «телесным участием»: «Я идею представляю своим присутствием, а не тем, что я хожу с плакатом» [М.16, СПб, 23 января]. Тем не менее, мы сделали базы данных, позволяющие изучать, какие «сильные высказывания» протестующие все же сделали 23 января в Москве и Петербурге в условиях повышенного полицейского насилия.

Следует понимать, что эти сильные высказывания имеют разное происхождение. Плакаты и другие знаки протеста, которые раздавали волонтеры штабов Навального, а также приносили с собой некоторые левые партии, мы называем *институциональными*. Человек, приходя на митинг и беря в руки такой плакат, становится «голосом» этой партийной группы. Сильные высказывания, которые сделаны руками самих митингующих (как правило, заранее и вне партийных инструкций), отражают не мнение организации, но собственное. Именно поэтому мы называем такие сильные высказывания *вернакулярными* (то есть «народными»).

В Москве содержание подавляющего большинства институциональных плакатов (42 из 47, предложенных волонтерами ФБК) сводилось к требованию освобождения Алексея Навального. Вернакулярные сообщения, сделанные без партийного влияния, были гораздо более разнообразны. Из 50 самодеятельных плакатов только 10 требовали освобождения оппозиционного политика, зато 16 выражали отношение к президенту («Путин вор»), 5 указывали на бедственное положение в стране («Все настолько плохо, что даже интроверты вышли на улицу»), 3 — на социальное неравенство («Куплю Ершик в складчину!») и 6 — прямой запрос на перемены («Пора выйти из комнаты для грязи»).

Для протестующих с самодельными плакатами была важна тема репрессий: на московском митинге авторы четырех плакатов (из 50) требовали освобождения не только Навального, но и других политических заключенных, а в Петербурге — на 8 из 42 («Свободу Алексею Навальному и всем политзаключенным», «Моя Россия сидит в тюрьме»). Столько же (8) плакатов в Петербурге было посвящено непосредственно Навальному. Отношение к президенту выражалось на 6 плакатах («Путин трус, а не мужик, вывез деньги в Геленджик»), 3 плаката было посвящено бедственному положению в стране («20 лет жизни нет») и 3 (так же, как и в Москве) требовали перемен («Нам НЕ нужно потерпеть еще немножко»).

[14] При проведении опроса интервьюер должен был отмечать в программе наличие сильного высказывания.

Кроме того, некоторые участники митингов 23 января выражали свою поддержку Беларуси (подняв бело-красно-белые белорусские флаги) и хабаровскому движению в защиту арестованного губернатора Фургала.

На митинге 31 января в Санкт-Петербурге увеличилось количество плакатов, отсылающих непосредственно к фильму про дворец, и, в связи с этим, ярче оказалась представлена тема социального неравенства[15]. Из 15 институциональных плакатов, она была представлена на пяти, на трех из них одновременно с упоминанием и Путина, и требованием свободы Навальному («Пока ты сидишь дома, Путин веселится на аквадискотеке. #СвободуНавальному»), еще восемь выражали отношение к Путину и требовали свободы Навальному. А из 44 вернакулярных высказываний к фильму отсылали шесть («Мне сказали тут аквадискотека», «Наш дом покрылся плесенью»), еще три поднимали тему неравенства без прямых отсылок к фильму («Нищая страна. Богатый царь»). Навальному же было посвящено всего пять плакатов, а отношение к президенту выражали 11. Остальные были очень разнообразны, в частности четыре были посвящены силовикам или обращены к ним («Полиция с народом, но это не точно») — вероятно это было вызвано полицейским насилием на предыдущей акции. Появились и давно не встречавшиеся нам «игровые лозунги», таких мы насчитали пять, если исключить отсылающие к фильму («Прекрасный митинг хорошие люди еще пойду», «Русский бунт, осмысленный и мягкий»).

Таким образом, сильные высказывания охватывали гораздо более широкий диапазон проблем, чем было заявлено ФБК в повестке митинга, и соответствовали палитре мотивировок участников, о которых мы говорили выше.

ЁРШИКИ И ТРУСЫ: ИНДЕКСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ПРОТЕСТА

Высокий риск быть задержанным с плакатами приводит к тому, что активно развивается политический индексальный язык: протестующие начинают посылать окружающим знаки-индексы в виде рисунков или артефактов[16]. Эта тактика вполне осознается некоторыми информантами как правильная и осмысленная. Так, одна из наших

[15] Напомним, что митингующие 31 января в Москве разгонялась полицией, в результате практически не было сильных высказываний.

[16] Об этом см.: Архипова А., Белянин С., Кирзюк А., Козлова И., Радченко Д., Югай Е. Жизненный цикл мема… в чайках, бакланах и уточках / А. Архипова // Искусство кино. — 2018. — № 1—2. — С. 300—312.

собеседниц в Санкт-Петербурге пришла на митинг с цветком, сделанным из ершика и лент-лепестков в цветах российского флага: «Такой получился цветок необычный. Каждый цвет несет какую-то смысловую нагрузку. Это такие тайные послания, которые на сегодняшний момент мы посылаем в эфир, правительству нашему, людям, народу», — рассказала она в интервью. [Ж.54, СПб, 23 января.]

В 2021 году главным протестным знаком-индексом стали «ершики» и «трусы Навального». 23 января 10 % среди сильных высказываний в Москве и 9 % в Петербурге занимали именно ершики. Митингующий, поднимающий над головой только что купленный ершик, отсылает к эпизоду фильма «Дворец Путина», где показывается бессмысленно дорогой ершик для туалета. Роскошь дворца Путина, продемонстрированная в фильме, не инструментальна с точки зрения государства. Она не нужна социуму: там не награждают, не принимают публично делегации. Эта роскошь частная и при этом нарушающая все границы возможного в представлениях о богатстве частного человека. Воображение людей, пораженное масштабами дворца, породило в январе 2021 года много шуток: «Во дворце Путина обнаружен Геленджик», «В этом видео я узнал — моя квартира стоит диван». Сразу же появилась новая единица измерения: пользователи соцсетей наперебой измеряют свои зарплаты и стоимости квартир в ершиках для туалета из дворца. «Средняя зарплата российского учителя, пересчитывали пользователи соцсетей, — равна 0,5 ершикам». Это раздражение стало аргументом для участия в митинге: «если бы власть не была коррумпирована, то наше мнение бы учитывалось, а так как оно не учитывается, нет других легальных способов показать свое сопротивление <…>. У меня просто уровень злости на то, что люди могут так себе позволять жить на деньги, которые не заработали, слишком высок», — сказала студентка одного из петербургских вузов, ранее воздерживавшаяся от участия в протестах. [Ж.21, СПб, 23 января.]

На втором месте по популярности среди знаков-индексов с большим отрывом — «трусы Навального». Этот мем отсылает к видео с записью разговора Алексея Навального с сотрудником ФСБ Константином Кудрявцевым[17], из которого стало понятно, что отравляющий яд «Новичок» был нанесен сотрудниками на нижнее белье политика. «Трусы Навального» стали знаком, отсылающим к теме политических убийств и репрессий. На митинге эти знаки появлялись реже, чем ершики: от 2 % в Москве до 4 % в Петербурге среди

[17] https://www.youtube.com/watch?v=ibqiet6Bg38

всех прочих сильных высказываний. Зато «трусы Навального» в качестве знака-индекса активно использовали пикетчики сразу после видео разговора с Кудрявцевым. Так, 22 декабря в Москве был задержан за одиночный пикет вышедший с трусами к зданию ФСБ режиссер Виталий Манский[18], а в Санкт-Петербурге в тот же день у Гостиного двора прошла серия одиночных пикетов с трусами[19], которые продолжались до конца года. Нам удалось поговорить с участником одиночного пикета в Москве у метро «Арбатская», стоявшим с плакатом, на котором был нарисован тот же самый знак-индекс с текстом «Сдам трусы в стирку на Лубянку». Участник пикета сказал, что после просмотра разговора Навального со своими отравителями решил, что не может просто сидеть дома: «Я увидел последнее расследование про отравление, особенно вот этот разговор с Кудрявцевым, меня конечно это очень поразило, но даже не из-за того, что это сделали именно с Навальным, меня поразило как настроена-устроена система убийств у нас в России». [М.47, Москва, 29 декабря 2020.]

На акциях протеста сформировались новые знаки-индексы, которые позволяют продемонстрировать в публичном пространстве две важные для россиян проблемы. Ершик отсылает к теме непозволительной роскоши, несоизмеримости жизни простых россиян и политической элиты, а «трусы Навального» стали знаком-индексом политических репрессий и политических убийств. В условиях, когда разворачивание плаката с длинным высказыванием карается практически немедленным задержанием, политические знаки-индексы становятся практически единственной возможной формой «сильного высказывания».

ДРУГИЕ ФОРМЫ ПРОТЕСТА И СОЛИДАРНОСТИ С МИТИНГУЮЩИМИ

Существует несколько форм уличной активности, не подпадающие под определение «массовая политическая акция». Это пикеты — одиночные и сериальные[20], а также посещение суда над **политическим** заключенным или «стояние у суда». Многие наши респонденты говорили, что несогласованный митинг они считают не самой лучшей формой протеста (самыми частотными причинами этого назывались высокий риск

[18] https://mbk-news.appspot.com/news/manskogo-oshtrafovali/
[19] https://www.zaks.ru/new/archive/view/208112
[20] Сериальным пикетом мы называем серию одиночных пикетов, когда участники сменяют друг друга на одном месте.

задержания и страх толпы). Два года назад, 29 сентября 2019 года, на согласованном митинге в Москве (который был посвящен политическим репрессиям) мы спрашивали (892 респондента), какие формы активности для респондента возможны в будущем: голосование на выборах, подписание петиций, обращений и писем, жертвование денег, посещение судов, стояние в пикетах, написание постов в социальных сетях и другое. Большинство опрошенных собирались прибегнуть почти ко всем этим формам в ближайшем будущем, 54 % хотели финансово поддерживать политзаключенных через правозащитные организации, 43,5 % собирались участвовать в пикетах, а 34 % опрошенных сказали, что собираются посещать суды над политзаключенными. При этом более молодые предпочитали одиночные пикеты, а люди постарше — форму «стояния у суда» или пожертвование правозащитным организациям. «В стоянии у суда есть хоть какой-то смысл — видно, что политзаключенного поддерживают». [М. 49, август 2019, Москва.]

Эти две формы считались до 2021 года относительно безопасными (в том смысле что они несут меньше рисков для личной свободы, чем митинг), однако в 2021 году ситуация изменилась: и сериальные пикеты, и стояния у суда стали регулярно приравнивать к массовым политическим акциям и разгонять, а людей задерживать[21]. 2 февраля на «стояние у Мосгорсуда» во время суда над Алексеем Навальным собралось (одномоментно) около 350—500 человек, акции поддержки проходили и в десятке других городов. В этот день в разных городах были задержаны 1512 человек[22].

В результате формы солидаризации с митингующими, не связанные с «улицей», активно развиваются, поскольку остаются последним вариантом, не несущим высоких рисков задержания. В 2021 году, еще до начала протестов, люди начали записываться волонтерами в колл-центры ОВД-Инфо, а во время протестов дежурили у центральных отделений полиции, чтобы координировать помощь задержанным. Эти формы были востребованы сразу, как только стало известно о невероятно большом количестве задержаний 23 и 31 января: не менее 4033 и 5754 человек соответственно[23]. Довольно быстро возникли и другие формы солидаризации: сочувствующие подключались к чатам в Телеграме по городам, договаривались и разносили продуктовые передачи в отделения

[21] https://meduza.io/feature/2021/07/21/v-rossii-pod-vidom-borby-s-koronavirusom-zapretili-ne-tolko-mitingi-no-i-odinochnye-pikety-meduza-vyyasnila-kak-eto-proizoshlo

[22] https://ovdinfo.org/news/2021/02/02/spisok-zaderzhannyh-v-svyazi-s-sudom-nad-alekseem-navalnym-2-fevralya-2021-goda

[23] https://ovdinfo.org/articles/2021/01/29/poziciya-ovd-info-po-massovym-presledovaniyam-v-svyazi-s-akciyami-23-yanvarya ; https://ovdinfo.org/articles/2021/01/31/vtoraya-vserossiyskaya-akciya-protesta-svobodu-navalnomu-itogi-31-yanvarya

полиции, а также собирали на них деньги (в чате «Передача. Москва», например, сейчас более 6 тыс. участников). Поскольку те митингующие, которые получили административный арест, отправлялись в спецприемники часто очень далеко от города (например, «Сахарово»), возникли группы волонтеров, которые в январе и феврале 2021 года дежурили у спецприемников на машинах и отвозили людей домой[24].

Довольно часто финансовая поддержка политзаключенным становится постоянной формой солидаризации. Некоторые информанты говорили, что на митинги ходят не очень часто («Ну вот, когда был единый день… И два раза, по-моему на Немцове»), но при этом регулярно переводят донаты: «Я жертвую регулярно ФБК, я жертвую 7х7, это платформа блогов и медиа. Ну и жертвую так, от случая к случаю, когда объявлен сбор какой-то, иногда откликаюсь». [М. 47, Москва, 21 апреля.] Форма помощи задержанным является альтернативой не только для тех, кто пока не решается выйти на митинг, но и для активистов «со стажем», если они боятся, допустим, повторных задержаний или привлечения лишнего внимания к своим партиям. Например, участники одного из левых движений в Санкт-Петербурге решили не ходить 21 апреля со своей символикой на митинг, а сосредоточить свои силы на помощи задержанным[25]. В интервью нам также называли помощь задержанным как хороший вариант участия для тех, кто не решается выходить на митинг: «Лично я агитирую за передачи тем, кого поймали. Ну то есть если человек боится идти на митинг, то он может просто передать что-то задержанным, потому что это очень важно — помочь тем, кто оказался в этой ситуации». [М. 22, СПб, 21 апреля.]

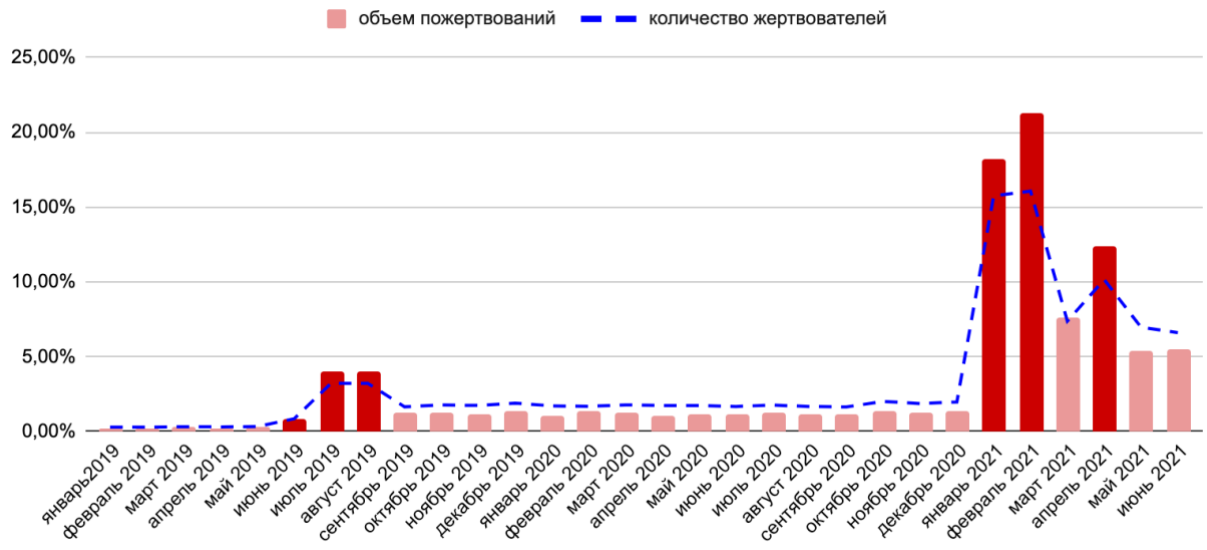
Одной из самых популярных форм солидаризации является финансовая поддержка правозащитных волонтерских организаций, таких как «Апология протеста», «Гражданское содействие» и проект «ОВД-инфо». В 2019 году средний месячный объем пожертвований для ОВД-инфо составлял полмиллиона рублей, но в августе, на пике протестов, он достиг 10,6 млн руб. В 2021 году картина стала еще более впечатляющей. Если средний размер пожертвований осенью 2020 года составлял 3,5 млн в месяц, то в январе и феврале 2021 года сумма пожертвований достигла 49 и 57 млн руб. соответственно. Если количество тех, кто переводил деньги на политзаключенных, в 2019 году за время протестных месяцев увеличилось в 10 раз и достигло среднего уровня 7 тыс., то в 2021 году количество людей,

[24] Гжель В., Шкуренок Н. «Солидарность людей — это очень приятно, до слез»: волонтеры о помощи задержанным на протестах / В. Гжель // OpenDemokracy. — 2021. — 23 апр. Режим доступа: https://www.opendemocracy.net/ru/volontery-o-pomoschi-na-protestah/

[25] Включенное наблюдение одного из авторов статьи.

переводивших деньги в январе-феврале, достигло 58 тыс. в месяц, то есть увеличилось в 8 раз (**график 2**).

График 2. Объем пожертвований проекту ОВД-инфо и количество тех, кто переводил деньги, в % от общей суммы пожертвований и количества «спонсоров» за весь период с января 2019 по июнь 2021 года



Красным цветом выделены месяцы уличной массовой протестной активности.
Источник: открытые отчеты ОВД-инфо, данные за январь и февраль 2019 года даны на сайте ОВД-Инфо вместе, мы указали за каждый месяц среднее, поделив пополам (https://ovdinfo.org/crowdfunding_otchet)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КТО ЭТИ ПРОТЕСТУЮЩИЕ И ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ИХ ВОЛНУЕТ?

Что в целом можно сказать о составе участников протестов, их поведении и способах публичной репрезентации? Хотя численность протестов оценить трудно, можно утверждать (по крайней мере, для Москвы), что массовость акций 23 января и 21 апреля была примерно одинаковой (см. **Приложение 1**).

Представления о протестах — 2021 как о «революции детей» или «протесте бомжей» являются одинаково неверными. Однако протест резко сдвинут в сторону представителей молодых возрастов, если сравнивать с демографической структурой населения. Максимально вовлеченная группа — молодежь 20—24 лет: их присутствие на митингах в 4—5 раз превосходит ожидаемое. Основная часть и новых, и старых участников

составили люди 18—39 лет (70—80 %), уже получившие или получающие высшее образование (84 % в Москве и 82 % в Санкт-Петербурге).

Протест обновился по своему составу: для значительной доли митингующих (более 42 %) это был первый опыт участия в публичных акциях, причем основная часть «новичков» — молодые люди в возрасте до 25 лет. Некоторые из молодых участников воспринимают свое участие в митинге как политическую инициацию.

Не все участники протеста — сторонники Алексея Навального: его поддержка является далеко не единственной мотивировкой участия в митингах. Из анализа текстов плакатов и интервью мы знаем, что основными мотивами выхода на улицу — прежде всего для тех самых 42 % «новичков» — являются недовольство политической ситуацией в целом, социально-экономическим расслоением общества и политическими репрессиями. Созданные во время уличных акций новые знаки-индексы позволяют выражать недовольство двумя проблемами — *политическими убийствами и коррупцией* — максимально кратким, ироничным и визуальным образом.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы статьи выражают благодарность Кириллу Рогову, нашим коллегам по группе МАФ и волонтерам, которые проводили опросы и наблюдения, а также делились ценными замечаниями: Сергею Белянину, Борису Пейгину, Анне Курочкиной, Марии Гавриловой, Анастасии Карасевой, Артему Серебрякову, Анне Чернобыльской, Елене Федоровне Югай, Елене Алексеевне Югай, Нине Александровой, Анне Орловой, Асмик Новиковой, Ивану Сорочану, Гузелии Гиматдиновой, Ольге Карташевой, Елизавете Семирхановой, Марии Сухановой, а также группе PS-Lab и волонтерам, вместе с которыми мы собирали интервью 21 апреля. Авторы благодарны Борису Овчинникову за организацию опроса в Фейсбуке.

Исследование проведено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Средние значения переменных

	Москва, 23.01	**Москва, 31.01**	**Спб, 31.01**	**Казань, 14.02**	**Москва, 21.04**	**Спб, 21.04**
Всего опрошено	*467*	*356*	*505*	*150*	*364*	*446*
Получено ответов	*370*	*310*	*453*	*122*	*330*	*377*
Процент ответов	79,2	87,1	89,7	81,3	90,7	84,5
Мужчин	54,6	62,6	56,2	58,0	52,7	50,0
Женщин	45,2	37,1	43,6	41,3	47,0	498
Сильные высказывания: плакаты, артефакты и т. д.	3,4	1,1	5,3	22,0	1,1	2,0
Возраст менее 18	4,3	1,6	1,8	5,7	3,0	1,1
Возраст 18—24	24,6	23,5	32,9	40,2	28,2	34,7
Возраст 25-39	43,0	47,7	47,7	31,1	44,5	42,7
Возраст 40-54	19,7	17,4	13,7	13,1	13,6	11,1
Возраст 55 и выше	8,4	9,7	4,0	9,8	10,6	10,3
Обр: неполное среднее		2,3	1,1	4,1	1,5	1,6
Обр: среднее		5,5	8,2	6,5	10,3	5,7
Обр: среднее специальное		8,4	10,4	8,1	7,3	8,3
Обр: незаконченное высшее		12,3	21,2	25,2	17,2	26,0
Обр: высшее		69,9	56,6	53,7	62,5	53,8
Обр: ученая степень		1,3	2,4	1,6	1,2	2,3
Обр: затрудняюсь ответить		0,3	0	0,8	0	2,3
Первый раз: сегодня (Москва 23.01: сегодня или в этом году)	41,9	14,9	17,1	15,6	10,5	13,9
Первый раз: 2021		24,3	30,2	36,9	22,3	26,5
Первый раз: 2020	2,5	1,6	1,3	0,8	1,9	1,8
Первый раз: 2019	7,7	7,8	4,2	4,1	5,5	3,8
Первый раз: 2018—2013 (Казань: в 2018 году или раньше)	22,2	22,0	28,6	42,6	25,9	22,7

Первый раз: 2012 или ранее	24,7	28,2	18,2		23,4	14,4
Первый раз: затрудняюсь ответить	1,1	1,3	0,4	0	10,5	16,9
Навальный: полностью доверяю		34,2	22,0			
Навальный: скорее доверяю		55,0	64,3			
Навальный: скорее не доверяю		1,6	4,0			
Навальный: совершенно не доверяю		1,0	1,6			
Навальный: затрудняюсь ответить		8,1	8,2			

2. Сравнение численности протестных акций 23 января и 21 апреля 2021 года в Москве

Оценка численности несогласованных акций — нетривиальная задача, особенно, если акция рассредоточена по разным локациям, а участники акции постоянно подвергались риску быть задержанными и избитыми [26]. В результате риск столкнуться с насилием со стороны полиции был весьма высок и часть протестующих использовала маскирующую стратегию — до тех пор, пока количество пришедших на конкретное место с протестными темами не становилось достаточным для того, чтобы чувствовать себя относительно безопасно (поскольку при большом скоплении народа риск задержания снижается). Не случайно на наши вопросы в интервью во всех городах нам встретились ответы «я просто гуляю».

[26] Например, в Москве 23 января собравшихся на Пушкинской площади постепенно рассеяли по переулкам, а 31 января не удалось даже собраться в одном месте: центр Москвы был перекрыт полицией полностью, не работало даже метро, отдельные группы протестующих, которые смогли прорваться в центр, «гуляли» по разным улицам. 21 апреля в Москве значительных задержаний не было, но зато использовалась тактика временных перекрытий, из-за чего точки сбора митингующих оказались в нескольких местах: Пушкинская площадь, пространство вокруг Ленинской библиотеки, Тверская и Никольская улицы. В Петербурге протест был гораздо более централизованным: протестующим удалось, несмотря на противодействие полиции, собраться в одном месте — 23 января на Сенатской площади, а 31 января на Пионерской площади (у ТЮЗа) и оба раза пройти шествием. 21 апреля в Санкт-Петербурге большая группа протестующих собралась в Александровском саду, но шествие, двинувшееся оттуда, очень скоро из-за жестких задержаний начало рассеиваться.

Поэтому оценки численности митингующих могут очень сильно различаться. Например, численность акции 23 января в Москве (наиболее крупной из прошедших в этом городе в этом году) оценивалась как в 20, так и в 40 тыс. участников.[27] Число участников акции находится где-то в этом диапазоне. Мы не беремся говорить о численности акций вообще, но можем сравнить акции между собой.

Хотя мы не беремся оценить численность акции 21 апреля, мы можем утверждать, что в Москве число вышедших 23 января (первая акция) и 21 апреля (последняя акция) было примерно одинаковым. Этот вывод следует из двух вещей. Во-первых, мы использовали данные опроса в Фейсбуке, где задавались вопросы как про участие в акции 23 января в Москве, так и про участие в акции 21 апреля [28]. Из 99 опрошенных 40 человек приняли участие в обеих акциях и 23 человека были 23 января, но не 21 апреля. То есть примерно две трети участников акции 23 января также посетили акцию 21 апреля. Во-вторых, на акции 21 апреля в Москве мы задавали следующий вопрос: «Принимали ли вы участие в протестных акциях в январе-феврале 2021 года?». Среди ответивших 70,6 % ответили положительно — то есть подавляющее большинство участников апрельской акции выходили на улицы либо 23 января, либо 31 января, либо 14 февраля, либо сказали, что их первый опыт был 2021 году. Так что процент выбывших приблизительно компенсировался новыми участниками. Таким образом, по нашими расчетам, соотношения числа участников 23 января и 21 апреля в Москве с вероятностью 95 % составляет от 0,79 до 1,2; разброс столь велик из-за малого числа опрошенных.

Мы понимаем, что выборка в фейсбук-опросе не была репрезентативной — опрос могли пройти только люди, подписанные на страницы, где этот опрос был размещен. Более того, в этой выборке некоторые социально-демографические группы могли быть представлены в большей степени, чем на январских и апрельской акциях. Поэтому полученные здесь оценки следует принимать с важной оговоркой: приведенные выше

---

[27] По оценке Дмитрия Нестерова, координатора движения “Белый счетчик”, пиковое число участников составило 15 тыс. человек в три часа дня; всего участников было около 20 тыс. В то же время агентство Reuters приводит цифру в 40 тыс. участников:
https://meduza.io/news/2021/01/23/belyy-schetchik-na-aktsiyu-v-moskve-sobralis-bolshe-20-tysyach-chelovek-eto-rekord-dlya-nesoglasovannyh-mitingov-s-2013-goda ;
https://meduza.io/news/2021/01/23/reuters-na-aktsiyu-v-podderzhku-navalnogo-v-moskve-vyshli-40-tysyach-chelovek

[28] Опрос был проведен блогером и дата-аналитиком Борисом Овчинниковым и размещен на его странице www.facebook.com/boris.ovchinnikov с аудиторией около 6 тыс. человек, а также на нескольких других страницах.

проценты для тех, кто имел возможность пройти опрос, были такими же, как и для всех остальных участников акций. С этой и рядом других оговорок наши выводы позволяют утверждать, что число пришедших на акцию 21 апреля не могло сильно отличаться от числа пришедших 23 января.

Кирилл Рогов, Абы Шукюров,
фонд «Либеральная миссия»

ПРОТЕСТЫ 2021 ГОДА И ПРОТЕСТНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ 2011—2021 гг. ДИНАМИКА И ОЦЕНКИ ЧИСЛЕННОСТИ

1. КАК МЕРИТЬ НЕИЗМЕРЕННОЕ?

Масштаб протестов, т. е. численность вышедших на улицы людей, — важнейший параметр для понимания политической динамики, настроений общества: его склонности к протестам, мобилизационного потенциала тех или иных протестных повесток и, наконец, реакции властей, общества и элит на протестные события в зависимости от их размаха.

В то же время оценка численности протестующих, как правило, является большой проблемой. Власти заинтересованы в том, чтобы занижать данные об их числе, а организаторы протестов, наоборот, заинтересованы в завышении. При этом инструментов независимой оценки мало. На некоторых акциях в России работала волонтерская организации «Белый счетчик», занимавшаяся подсчетом участников «на входе», но на преследуемых полицией акциях (так называемых «неразрешенных») такой подсчет невозможен. Плохо работают в этом случае и визуальные методы оценки: протестующие перемещаются, рассредоточены, их численность меняется во времени. Такая ситуация, в частности, складывалась на протестах лета 2019 года в Москве и 23 января 2021 года в той же Москве и в Нижнем Новгороде: полиция не давала протестующим собраться в одном месте и продемонстрировать свою многочисленность. Но и помимо этих трудностей визуальные оценки наблюдателей, участников и журналистов «на глаз» отличаются низкой точностью и дают значительный разброс.

Несмотря на это, тщательный учет возможно большего числа свидетельских оценок численности протестующих представляется во многих отношениях вполне работающим методом за неимением лучших. Наблюдателю очень трудно оценить, вышло на улицу 35 или 50 тыс. человек, но он не спутает такую акцию с акцией, на которую пришли 5 тыс. или 500 тыс. (если он, конечно, не является представителем властей, которые часто идут на сознательный обман). То есть корректно собранные и учтенные свидетельские «прикидки» дадут, во всяком случае, порядковую оценку события. А в исторической перспективе

именно «порядки численности» оказываются наиболее важной информацией. В этом, в частности, убеждает уникальная база данных, собранная по материалам СМИ профессором Принстонского университета Марком Бейссингером о протестах в республиках СССР в 1986—1991 годах.[1] При всей условности оценок численности каждого конкретного события, в совокупности она дает вполне ясное представление о том, в каких регионах Советского Союза протестная мобилизация в эпоху перестройки и крушения СССР была особенно мощной, где она имела место, а где была слабой или вовсе отсутствовала, равно как дает представление о ее динамике в разных частях Советского Союза — о том, когда она начинала расти, достигала пика и спадала.

На самом деле, исследователи, изучающие протесты, давно и широко пользуются методом оценки масштаба протестных акций по порядковым интервалам (меньше тысячи, от 1 до 10 тыс., больше 10 тыс., больше 50 тыс. и т. д.)[2]. Перед нами стояла чуть более сложная задача — оценить численность протестов в России в 2021 году и посмотреть на них в контексте протестного движения 2011—2021 годов. Для этого мы постарались собрать как можно больше свидетельских оценок численности тех или иных протестов в этот период. В первую очередь мы сосредоточились на сборе максимального числа свидетельских оценок численности наиболее крупных протестов 2021 года – акций в поддержку Навального 23 и 31 января.

Основными источниками для нас служили трансляции СМИ о протестах («Дождь», «Медиазона», «Тайга.инфо», «Новая газета», «BBC», «Коммерсант» и т. д.), фото- и видеоматериалы, выкладываемые участниками акций, подсчеты участников акций и журналистов, экспертные оценки. Когда речь шла о малых и средних городах, мы прибегали к материалам местных СМИ, видеозаписям из социальных сетей (Youtube или Вконтакте), на основании которых в отдельных случаях делалась оценка, если мы не могли обнаружить ни одного источника, в котором указывалось количество протестующих. Эти данные собраны в базе источников и оценок, являющейся основой представленного здесь анализа. Если в случае акций 23 января и 31 января мы обращались к первоисточникам, то в случае прочих акций опирались на уже созданные ранее агрегаторы свидетельских

[1] Beissinger Mark R. Submitted. Mass Demonstrations and Mass Violent Events in the Former USSR, 1987-1992 [Event databases used for the analysis in Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State].

[2] См., например: Brancati D. Democracy protests // Cambridge University Press, 2016; Mass Mobilization Data Project // Режим доступа: https://dataverse.harvard.edu/dataverse/MMdata

оценок о численности протестов в Википедии и ряде СМИ, в случае необходимости обращаясь к первоисточникам.

В ряде случаев мы включали данные о количестве арестованных, которое приведено на сайте «ОВД-Инфо», если определить численность участников акции протеста не представлялось возможным. В некоторых случаях полиция сразу же арестовывала людей, которые оказывались на площади (такая ситуация была, например, в Сочи); власти отчитывались, что на митинги никто не пришел, хотя, в действительности, это было не так. Однако число задержанных является, конечно, условной цифрой — она лишь указывает на «след» акции. Впрочем, относительно крупные протесты с числом участников в несколько тысяч человек, как правило, фиксируются и журналистами, и самими участниками достаточно подробно. Протесты, для которых не нашлось свидетельских оценок численности, — это, по большей части, малочисленные акции в небольших и средних городах. Поэтому совокупная численность участников всех акций, для которых нет данных о числе протестовавших, вряд ли добавит к итоговой цифре слишком много (даже если предположить, что примерно в 40 городах, о численности акций в которых нет сведений, выходили по 100—200 человек, это даст лишь 4000—8000 участников в совокупности и не изменит порядковых значений численности в общероссийском масштабе (см. ниже о структуре численности протестных акций).

Наибольшую проблему представляют как раз относительно крупные, преследуемые полицией протесты. Оценки численности таких акций будут различаться в разы. Однако порядки численности устанавливаются вполне однозначно и в этом случае: можно спорить, было ли на той или иной акции в Москве 10 или 40 тыс. человек, но никто не утверждает, что их было 100 тыс. или 2 тыс. (кроме полиции в некоторых случаях). Так, для численности акции в Москве 23 января 2021 г. существуют следующие оценки: 50 тыс. (координатор ФБК Иван Жданов), 40 тыс. (Reuters), 15 тыс. (Associated Press), 10 тыс. (корреспондент МБХ-медиа), 4 тыс. (МВД). Независимые эксперты, занимающиеся социологией и демографией митингов (координатор «Белого счетчика» Иван Нестеров и социолог Алексей Захаров), оценили численность в 15—20 тыс. и 18—35 тыс. соответственно (т. е. 17,5 и 26,5 тыс., если брать среднее диапазонов). Итак, максимальный диапазон — от 4 до 50 тыс. человек. Если отбросить оценки организаторов и полиции, то он сужается до 10 – 40 тыс. человек. В этом случае мы учитывали в итоговом значении минимумы и максимумы (10 и 40 тыс. человек) и среднее по пяти оценкам (без данных полиции и организаторов) — 21800. Это не

реальное количество людей, участвовавших в акции, но «якорное» значение, указывающее на порядок численности и наиболее вероятный диапазон.

Для большинства протестных акций мы устанавливали максимальное, минимальное и среднее значения свидетельских оценок численности в каждой локации, а затем суммировали их, чтобы получить итоговую оценку. Оценка МВД учитывалась в тех случаях, когда иных источников нет либо существуют только два источника — оценка организаторов и полиции. Оценки МВД и оценки организаторов отсекались, если имелись две и более оценки независимых наблюдателей.

2. АКЦИИ В ПОДДЕРЖКУ НАВАЛЬНОГО В 2021 ГОДУ: СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ОЦЕНКИ ЧИСЛЕННОСТИ

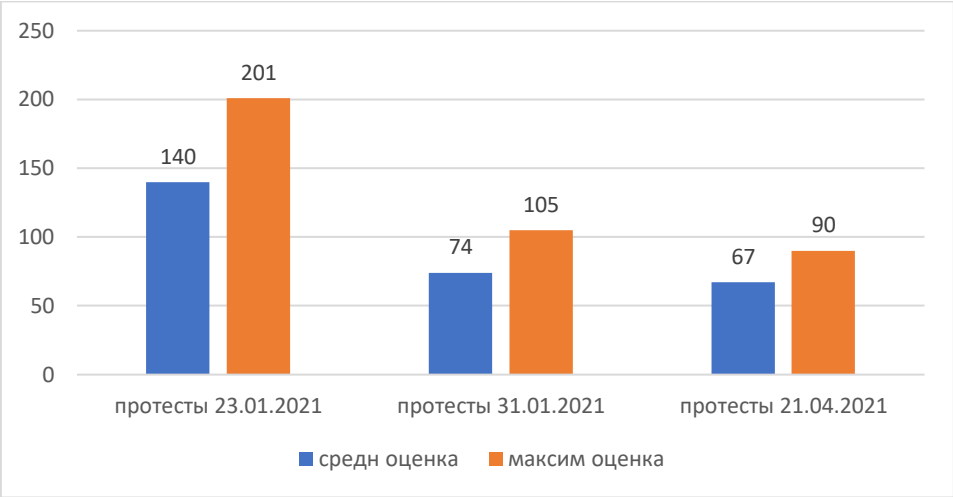
В СМИ приводились разные оценки общего числа участников протестных акций 23 января 2021 года. Согласно МБХ-медиа, на акции протеста по всей России вышли от 110 до 160 тыс. человек; по оценкам ФБК численность участников составила от 250 до 300 тыс. человек. Что касается акций протеста 31 января 2021 года, то, согласно МБХ-Медиа, на них вышли от 65 до 100 тыс. человек, а по оценкам ФБК численность участников составила 200—300 тыс. человек. Наши подсчеты дают диапазон 93—201 тыс. человек со средним значением 140 тыс. для акции 23 января и диапазон 46—105 тыс. человек со средним значением 74 тыс. для акции 31 января.

Таким образом, на акциях 31 января в целом людей было, скорее всего, меньше, однако надо отметить, что эта акция гораздо хуже задокументирована — находится существенно меньше оценок численности. Скорее всего реальная общая численность протестующих в обоих случаях была выше нашей усредненной оценки: во многих населенных пунктах оценок нет, а в крупных городах протестующих могло быть больше, так как полиция не давала им собраться вместе (в частности, заниженной выглядит оценка числа участников акции в Москве 31 января в 15 тыс. человек). В целом число протестующих вряд ли существенно превышало верхнюю оценку около 200 тыс. человек для первой акции и 105 тыс. для второй.

Что касается третьей крупной акции, 21 апреля, то «Отрытые медиа» и МБХ-медиа давали оценки в диапазоне 70—118 тыс. и 50—120 тыс. человек (верхние оценки — со

ссылкой на сторонников Навального)[3]. Подсчеты, основанные на подборке свидетельств и оценок, собранных в Википедии, дают диапазон 43—89 тыс. человек и усредненную оценку 68 тыс.[4]

График 1. Оценки численности протестующих 23 и 31 января 2021 года



Подтверждением того, что эти оценки значимы, является структурный анализ свидетельств протестующих в городах России. Как уже было сказано, очень трудно на глаз определить 20 или 30 тыс. человек вышли на улицы, но также трудно ошибиться в оценке было это 1,5 тыс. человек или 15 тыс. В **таблице 1** имеющиеся свидетельские оценки численности акций по всем городам и населенным пунктам ранжированы по калибрам.

Об акциях, собравших 10 тыс. и более участников, есть свидетельства в отношении двух городов 23 января (Москва и Нижний Новгород) и 31 января (Москва и Санкт-Петербург), и для одного города 21 апреля (Москва). Не так высока вероятность, что присутствие на улицах более 10 тыс. человек еще в каком-то городе осталось без внимания СМИ и местных сторонников Навального. Число городов, в которых, по свидетельским оценкам, численность участников составляла от 5 до 9 тыс. составляла 4 для 23 января, 2 — для 31 января и 2 — для 21 апреля. Третий калибр акций — от 2 до 5 тыс. человек — отмечен

[3] На акции 31 января вышли от 51,3 тыс. до 120 тыс. человек // МБХ-медиа. — 2021. — 22 апр. Режим доступа: https://mbk-news.appspot.com/news/naakcii/ ; Рождественский И., Ульянова Ж., Малаховская Е., Овсюков В. Численность митингов 21 апреля в поддержку Навального в 15 крупнейших городах составила до 118 000 человек / И. Рождественский // Открытые медиа.— 2021. — 22 апр. Режим доступа: https://openmedia.io/news/n3/chislennost-mitingov-21-aprelya-v-podderzhku-navalnogo-v-15-krupnejshix-gorodax-sostavila-do-118-tysyach-chelovek/

[4] Википедия: Протесты в поддержку Алексея Навального (2021).

свидетелями в 13 городах 23 января, в 4 городах 31 января и 21 апреля. Если предположить, что в двух крупнейших по масштабам протеста городах 23 января митинговали 40—50 тыс. человек, то перемножение средних для остальных диапазонов на количество городов даст примерно те цифры, которые были нами предложены выше для трех акций. Этот анализ имеющихся свидетельств также указывает на то, что общее число участников протестов, по всей видимости, снижалось. Так, об акциях масштаба от 2 до 10 тыс. человек, проходивших 23 января 2021 г., есть свидетельства для 17 городов, а 31 января и 21 апреля — только для шести.

Таблица 1. Структура численности участников протестов в поддержку Навального в январе-апреле 2021 года по населенным пунктам (число населенных пунктов)

Оценки числа участников	**23.01.2021**	**31.01.2021**	**21.04.2021**
10 тыс. и больше	2	2	1
5—9 тыс. чел.	4	2	2
2—5 тыс. чел.	13	4	4
1—2 тыс. чел.	20	7	5
От 100 до 999	58	40	36
Меньше 100 чел. или неизвестно	96	69	53

Лидерами протестной активности в 2021 году, помимо Москвы, являлись Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск, Пермь и Краснодар. 31 января численность протестующих в большинстве городов упала, хотя были и такие, в которых наблюдался рост: в Екатеринбурге число протестующих выросло с 6 до 8 тыс., в Новосибирске — с 3 до 6 тыс., в Челябинске — с 2700 до 3750 человек, в Омске — с 500 до 1400 человек (см. **график 2**). Наиболее протестными являются Центральный и Приволжский федеральные округа, далее с большим отрывом идут Северо-Западный и Уральский (см. **таблицу 2**). Самый непротестный предсказуемо — Северо-Кавказский ФО.

График 2. Города наиболее высокой протестной активности в 2021 году

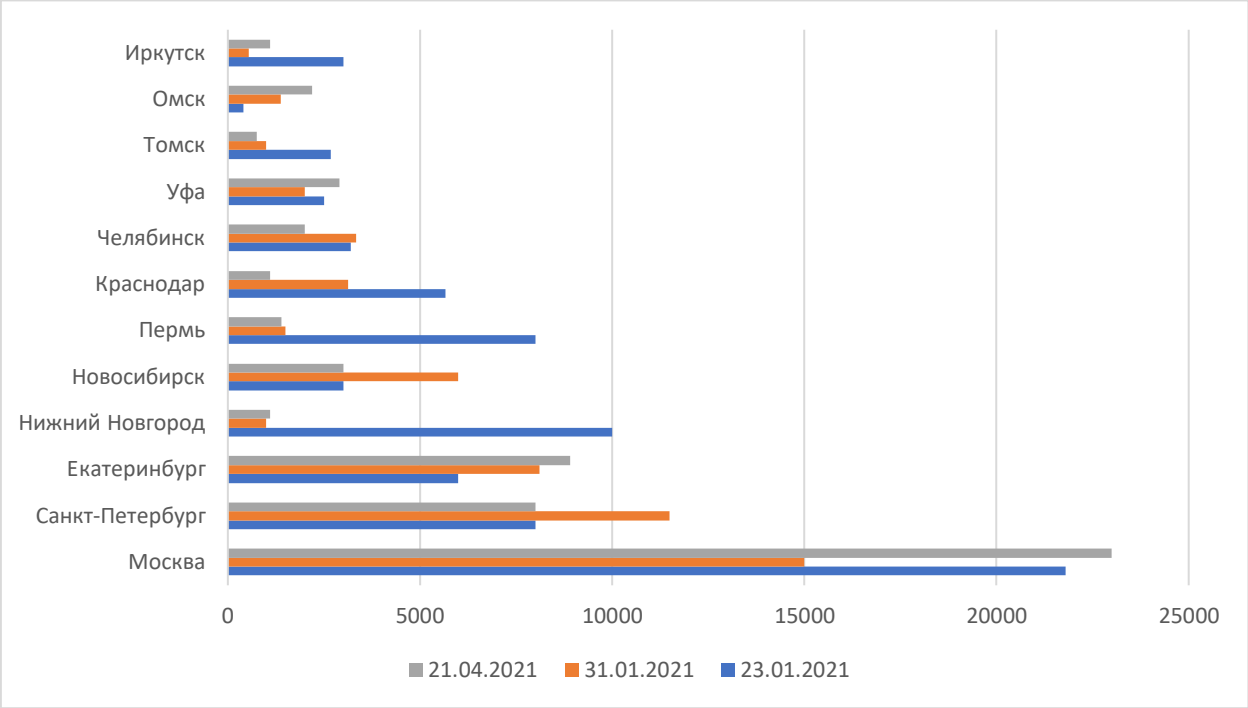


Таблица 2. Распределение протестных акций по федеральным округам, число городов

	23.01.2021	**31.01.2021**
Центральный ФО	44	26
Приволжский ФО	41	23
Северо-Западный ФО	27	17
Уральский ФО	26	15
Сибирский ФО	21	12
Южный ФО	18	14
Дальневосточный ФО	15	11
Северо-Кавказский ФО	8	5

3. ПРОТЕСТЫ—2021 НА ФОНЕ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ 2011—2021 ГОДОВ

Наибольшее количество протестующих 23 и 31 января было в Москве. Однако в общем числе протестующих в эти дни по стране доля Москвы составляла лишь 20 %, а общая доля столиц — Москвы и Санкт-Петербурга — на этих акциях составила 25 % и 35 % соответственно. И это заметно отличает протесты 2021 года от ситуации 2011—2012 годов, когда на Москву приходилось не менее 60 % протестующих, а на Москву и Санкт-Петербург вместе — не менее 75 %.

Надо, впрочем, оговориться, что протесты вне Москвы в целом в 2011 и 2012 годах хуже фиксировались СМИ, чем в 2021 году, поэтому немосковская доля топовых акций протестной волны 2011—2012 годов (прежде всего – акций 10 и 24 декабря 2011 года) выглядит в имеющихся оценках заниженной. Так, оценка численности протестующих 10 декабря 2011 года в сводной **таблице 3** ниже складывается из «якорной» оценки в 75 тыс. человек для митинга на Болотной и оценки 51 тыс. участников для всех немосковских протестов. Однако в большом числе случаев для немосковских протестов единственной оценкой была оценка полиции, которая, как правило, существенно занижена. Поэтому весьма вероятным представляется, что доля региональных выступлений была 10 декабря 2011 года близка к московской, а общее число участников протестов составляло около 150 тыс. человек. Но даже с этой поправкой основной тренд очевиден: доля московских и столичных протестов резко снизилась в 2021 году, в особенности — на митингах 23 и 31 января 2021 года (на акции 21 апреля доля Москвы выросла до 35 %, а доля Москвы и Санкт-Петербурга — до 47 % от той численности протестующих, которая дается в различных свидетельствах).

В то же время в Москве численность участников акций в 2021 году составляла не более 30—40 % от пиковых значений численности московских акций 2011—2012 годов (при всем разбросе максимумы оценок численности 2021 года в Москве не превышают цифру 40 тыс. человек). По всей видимости, здесь сказывается более травматический опыт Москвы в столкновениях с полицией, но факт состоит в том, что рост доли немосковского протеста в 2021 году компенсируется снижением численности протестующих в Москве. В результате масштаб (порядки численности) протестов остаются в том же диапазоне: 100—200 тыс. участников ударных первых акций каждой волны и 50—100 тыс. человек в фазе «затухания», следующей за ней.

Если бросить общий взгляд на протесты в России в 2011—2021 годах, то можно отметить несколько существенных параметров. Еще раз оговоримся, что приведенные в итоговой **таблице 3** цифры не являются фиксацией фактического числа участников, это, скорее, якоря, указывающие на наиболее вероятный диапазон численности: если написано, что численность акции 72 500 человек, это означает, что на ней скорее всего присутствовали больше 50 тыс., но менее 100 тыс., а если написано, что численность 17 500, это значит, что присутствовали явно больше 10 тыс., но вряд ли более 30 тыс. Весьма вероятно, что крупнейшие митинги 10 и 24 декабря 2011 года были больше, чем это указано в таблице за счет недооценки их региональной составляющей. При этом в 17 случаях из 40 в таблице приведены данные подсчета числа участников «на входе» (в 16 случаях волонтерами «Белого счетчика» и в одном — журналистами «Новой газеты»); эти более точные данные также указывают на релевантность приблизительных оценок — речь идет об одном и том же диапазоне численности.

Таким образом, более или менее определенно можно говорить, что масштабы крупных протестных мобилизаций в России в течение этого десятилетия оставались в диапазоне 20—200 тыс. человек (не менее 30 акций). Несмотря на то, что протесты 2021 года проходили в условиях чрезвычайного полицейского давления и гораздо более высокого уровня репрессивности режима, они остались в том же диапазоне, но и не вышли за него. Всего за десятилетний период около 40 оппозиционных шествий и митингов превышали отметку численности 10 тыс. участников и примерно 12 превышали отметку 50 тыс. человек, не менее трех акций превысили отметку 100 тыс. чел. Медианный размер митинга составил 23,5 тыс. человек.

Таблица 3. Сводная таблица протестных акций с численностью более 10 тыс. человек в 2011—2021 годах

	Акция	**Дата**	**Численность**	**Источник**
1	Митинг "За честные выборы — 1", Болотная площадь, вся Россия	10.12.2011	126 000	Оценки
2	Митин "За честные выборы — 2", проспект Сахарова, вся Россия	24.12.2011	127 000	Подсчет журналистов «Новой газеты», оценки
3	Митинг на Болотной площади	04.02.2012	81 000	Оценки
4	Митинг на Конюшенной, Санкт-Петербург	25.02.2012	12 500	Оценки

5	Большой белый круг	26.02.2012	22 500	Оценки
6	Митинг на Пушкинской площади	05.03.2012	21 500	Оценки
7	Митинг на Новом Арбате	10.03.2012	17 500	Оценки
8	Марш миллионов — 1	06.05.2012	62 000	Оценки
9	Марш миллионов — 2	12.06.2012	70 000	Оценки
10	Марш миллионов — 3	15.09.2012	42 000	Оценки
11	Марш в защиту детей	02.03.2013	13 000	Белый счетчик
12	Марш против подлецов	13.01.2013	25 000	Белый счетчик
13	Митинг на Болотной	06.05.2013	27 500	Белый счетчик
14	Митинг в поддержку Навального на выборах мэра Москвы	09.09.2013	22 500	Оценки
15	Марш мира — 1	15.03.2014	22 900	Белый счетчик
16	Марш мира — 2	22.09.2014	26 000	Белый счетчик
17	Марш памяти Бориса Немцова	01.03.2015	51 600	Белый счетчик
18	Марш памяти Бориса Немцова	27.02.2016	более 24 200	Белый счетчик
19	Марш памяти Бориса Немцова	27.02.2017	15 200	Белый счетчик
20	«Он вам не Димон» — 1	23.03.2017	52 700	Оценки
21	Митинг против реновации	14.05.2017	20 200	Белый счетчик
22	«Он вам не Димон» — 2	12.06.2017	74 000	Оценки
23	День рождения Путина	07.10.2017	12 000	Оценки
24	Забастовка избирателей	28.01.2018	9 800	Оценки
25	Митинг за свободу интернета	30.04.2018	12 300	Белый счетчик
26	Против пенсионной реформы	28.07.2018	более 12 000	Белый счетчик
27	Марш памяти Бориса Немцова	24.02.2019	10 800	Белый счетчик
28	Против изоляции Рунета	10.03.2019	15 300	Белый счетчик
29	Московские протесты 2019 — 1	20.07.2019	15 000	Оценки
30	Московские протесты 2019 — 2	27.07.2019	10 000	Оценки
31	Московские протесты 2019 — 3	03.08.2019	10 000	Оценки
32	«Вернем себе право на выборы», проспект Сахарова	10.08.2019	60 000	Белый счетчик, оценка
33	"Отпускай" — в поддержку фигурантов Московского дела	29.09.2019	25 200	Белый счетчик
34	Марш памяти Бориса Немцова	29.02.2020	22 300	Белый счетчик
35	Хабаровск в поддержку	11.07.2020	28 000	Оценки

	Фургала — 1			
36	Хабаровск в поддержку Фургала — 2	18.07.2020	47 500	Оценки
37	Хабаровск в поддержку Фургала — 3	25.07.2020	36 000	Оценки
38	Протесты в поддержку Навального — 1	23.01.2021	140 000	Оценки
39	Протесты в поддержку Навального — 2	31.01.2021	74 000	Оценки
40	Протесты в поддержку Навального — 3	21.04.2021	67 000	Оценки

В истории протестного движения можно выделить четыре условных периода со своими доминирующими повестками: «болотную» волну протестов против фальсификации выборов («за честные выборы») с декабря 2011 по сентябрь 2012 года (позиции 1—10 в **таблице 3**), вторую, «размытую» (растянувшуюся на 4 года) волну митингов, в основном направленную против ужесточения политического режима («немцовскую»: убийство Бориса Немцова стало поводом крупнейшего марша этой волны, собравшего более 50 тыс. участников; №№ 11—19 в **таблице 3**), третью, «навальновскую» волну, ключевыми акторами которой были структуры Алексея Навального, а главными темами — коррупция и допуск оппозиционных кандидатов к выборам (март 2017 — сентябрь 2019 года, №№ 19—33 в **таблице 3**), и, наконец, четвертую составили протесты в поддержку популярных политиков, преследуемых властями: Сергея Фургала и Алексея Навального (№№ 35—40 в **таблице 3**).

Как видим из **таблицы 4**, по абсолютному числу «выходов» самой крупной остается первая волна, а самой интенсивной и резистентной — последняя, четвертая, волна. В Хабаровске жители устроили настоящее протестное ралли, продолжавшееся с высокой интенсивностью около месяца с 11 июля до начала августа (затем численность участников протестов снизилась на порядки). При этом три ударных протестных дня — 11, 18 и 25 июля — имели (по оценкам) среднюю численность около 40 тыс. человек, что давало невиданный для России и очень редкий для протестных движений в целом коэффициент участия — около 6 % жителей города. В свою очередь всего три всероссийские протестные акции в поддержку Навального, проходившие в условиях разнузданного полицейского насилия в 2021 году, дали почти половину абсолютной численности «выходов» первой волны (286 тыс. против 580 тыс.) и беспрецедентно широкую географию.

Таблица 4. Четыре волны протестного движения 2011—2021 годов

	Повестки	**Период**	**Число протестов более 10 тыс. чел.**	**Общее число участников крупных акций «волны»**
Первая волна, "болотная"	Электоральные фальсификации, «за честные выборы», против переизбрания Путина	12.2011 — 09.2012	10	580 000
Вторая волна, "немцовская"	Против ужесточения политического режима	03.2013 — 02.2017	9	230 000
Третья волна, "навальновская"	Против коррупции, за «допуск» к выборам	03.2017 — 09.2019	14	330 000
Четвертая волна, в поддержку популярных политиков	В поддержку Фургала, в поддержку Навального, против репрессий и коррупции	07.2020 — 04.2021	6	400 000

4. ПРОТЕСТЫ 2011—2021: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Надо отметить, впрочем, что тенденция роста протестной активности — не чисто российское явление. Протестная активность увеличивалась в прошедшем десятилетии во всем мире; аналитики оценивают этот прирост в 11 % в год на протяжении 2009—2019 годов[5]. Он имеет место и в демократических, и в полуавторитарных, и в авторитарных странах, и наиболее вероятная фундаментальная причина этого явления описана выше в статье Сергея Гуриева.

В целом протестная активность в России на протяжении десятилетия выглядит существенной и резистентной: значительный рост репрессивности режима между 2011 и 2021 годами не привел не только к ее подавлению, но даже к снижению «пиковых» масштабов. Это свидетельствует о наличии значительного протестного потенциала и резко отличает Россию от других бывших советских республик с консолидированными авторитарными режимами (страны Центральной Азии, Азербайджан и даже Беларусь до

[5] Brannen S., Haig C., Schmidt K. The age of mass protests: understanding an escalating global trend / S. Brannen. — CSIS, 2020.

2020 года). Вместе с тем масштаб российских протестов весьма далек от «сокрушительного». Так, например, за три последних года существования СССР в 1989—1991 годах, на территории РСФСР (без учета автономных республик, имевших порой специфические повестки националистической мобилизации) число «выходов», т. е. сумма участников всех состоявшихся митингов и протестов, составило более 7,5 млн человек, а в одном только 1991 году — около 4 млн.[6]

Несмотря на это, в сравнительной перспективе уровень протестной активности и масштабы протестов, которые мы наблюдали в России в последнее десятилетие и особенно в 2011—2012 и 2021 годах, являются весьма значительными. Из почти 7 тыс. протестов по всему миру, зафиксированных в базе данных Mass mobilization project за 2011—2020 гг., лишь чуть более 10 % собирали 10 тыс. и более человек, лишь 3,5 % собирали 50 тыс. и более и лишь 2,5 % — 100 тыс. человек и более [7].

Таким образом, мы имеем дело с действительно крупными протестами, которые стали бы скорее всего триггером серьезных политических изменений в условиях полуавторитарного или «гибридного» режима. То есть таких режимов, как Грузия при Шеварднадзе, Украина при Кучме и Януковиче, Армения при Саргсяне, где протесты увенчались успехом, или Россия 2000-х годов; оценки гражданских и политических прав и свобод Freedom House для таких режимов лежат в диапазоне 4—5,5 пунктов. В то же время эта численность протестов оказывается далеко недостаточной для того, чтобы спровоцировать полноценный кризис в зрелом авторитарном режиме (оценки Freedom House в диапазоне 6—7 пунктов). Здесь уровень допустимого насилия (который выглядит для общества привычным) гораздо выше, а элиты гораздо более «дисциплинированы» режимом, что облегчает для властей решение задачи «изоляции» протеста. В такой ситуации наиболее вероятным исходом протестной мобилизации будет ответный рост репрессий.

Это, однако, вовсе не означает, что такой кризис невозможен в будущем. История протестного движения 2010-х годов демонстрирует, что проявившая себя еще в начале 2010-х годов тенденция роста склонности населения к протестам после паузы, связанной с фактором «крымского синдрома», вернулась в русло фундаментального тренда. И в этом смысле не будет ничего принципиально неожиданного, если те или иные события, которые

---

[6] Подсчеты авторов по материалам базы данных Марка Бейссингера (Beissinger, Mark. Op.cit.).

[7] Clark D., Regan P. Mass Mobilization Protest Data / D. Clark // Режим доступа: https://doi.org/10.7910/DVN/HTTWYL,HarvardDataverse,V5,UNF:6:F/k8KUqKpCa5UssBbL/gzg==[fileUNF]

сейчас смоделировать сложно, выведут «внезапно» протестную мобилизацию на новый порядковый уровень. Это сейчас почти также трудно представить, как трудно было представить еще в середине 2011 года, что уже в декабре порядка 150 тыс. человек будут протестовать против электоральных фальсификаций, ставших, казалось, к тому моменту уже рутиной.

Внимательный взгляд на протесты последнего года указывает на некоторые структурные предпосылки такого перехода (которые, впрочем, вовсе его не гарантируют). Во-первых, протесты в поддержку Навального продемонстрировали растущую политизацию крупных региональных центров России, протест вышел из «столичной» резервации. С другой стороны, хабаровские протесты дали пример ранее никогда не виданной протестной мобилизации в одном из таких центров — Хабаровске. Эти тенденции и предпринятый выше структурный анализ численности протестов в разрезе страны позволяют представить, как потенциально может выглядеть переход к новым порядковым значениям численности. Если вообразить протесты, сопоставимые по численности с хабаровскими (диапазон 15—50 тыс. человек), которые охватывают десяток российских мегаполисов и которые поддержаны крупными выступлениями в столицах, и более скромными протестами 5—10 тыс. чел. еще в десятке региональных центров, то мы как раз получим следующий порядковый уровень — около полумиллиона или больше протестующих по стране.

КИРИЛЛ РОГОВ,
фонд «Либеральная миссия»

ДЕЛО НАВАЛЬНОГО: ПРЕДПОСЫЛКИ, СТРАТЕГИИ И ИТОГИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

1. ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА: ТРИГГЕРЫ И ДИНАМИКА

Протесты и протестные движения часто рассматриваются в социальных науках как особая сферы политического – contentious politics, что можно перевести как «политика оспаривания», «политика сопротивления» или «политика протеста»[1]. Сюда относятся различного рода социальные движения, демонстрации, петиционные кампании, забастовки и проч., т. е. все те способы коллективного политического действия, которые не являются частью партийно-электоральной политики и в которых граждане теми или иными способами заявляют о своих интересах и требованиях. Это еще одна, естественная и дополняющая партийно-электоральную политику сфера политических взаимодействий.

В каждом эпизоде политики оспаривания (политики протеста) присутствуют три стороны: это субъект несогласия – группы, оспаривающие те или иные принятые правила и принципы; правительство, защищающее статус-кво; публика, которую обе стороны стремятся склонить в свою пользу. У каждой стороны есть свой репертуар возможностей, и в целом «политика оспаривания» представляет собой серию взаимодействий, которые приводят к тем или иным исходам и изменениям. «Политика оспаривания», или «политика протеста», может быть и в норме бывает ненасильственной, но может включать и насильственные действия. Вопреки расхожим представлениям, впрочем, источником насилия чаще являются не «несогласные», а правительство, которое стремится представить свои насильственные действия как законные и легитимные, но часто лишь манипулирует этими категориями в целях защиты статус-кво. Массовое протестное движение в России

[1] McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. Dynamics of Contention / D. McAdam. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001; Tilly Ch., Tarrow S. Contentious politics / Ch. Tilly. — Oxford University Press, 2015. Встречающийся перевод термина «состязательная политика» представляется не вполне удачным.

имеет смысл рассматривать под этим углом зрения, чтобы увидеть его политические логики, механизмы и последствия.

Российское массовое протестное движение 2010-х годов представляет собой совокупность нескольких протестных волн. Первая волна стала реакцией на фальсификации результатов думских выборов 2011 года. На пиках эта волна собирала протестные митинги и шествия с числом участников порядка 120—150 тыс. человек по всей России и представляла собой серию акций, проходивших с 5 декабря 2011 года по сентябрь 2012 года, не менее 10 из которых имели численность более 15 тыс. человек (подробнее о масштабе этой и последующих волн см. в материале *«Протесты 2021 года и протестное движение 2011—2021 годов. Динамика и оценка численности»***)**. Своего рода «послесловием» к этой волне можно считать регулярные, хотя достаточно редкие акции на протяжении 2013—2017 годов, которые проходили в Москве под общедемократическими лозунгами и были направлены против политических репрессий и ужесточения политического режима, собирая от 10 до 50 тыс. человек. Контингент их участников был преимущественно рекрутирован предыдущей протестной волной[2], акции не ставили каких-то конкретных целей, а их трансформация в протестное ралли ради достижения таких целей даже не предполагалась самими участниками.

Новым этапом в истории протестного движения стала «навальновская» волна 2017—2019 годов. Эта волна отличалась от предыдущей и по характеру своей повестки, и по методам рекрутирования протестного ядра, и по социально-демографическому составу, и, наконец, тем, что практически все акции вызывали жестокое противодействие полиции. Первая акция «Он вам не Димон» состоялась 26 марта 2017 года и имела поводом выход фильма-расследования Алексея Навального и его команды под тем же названием, обвинявшего в коррупции тогдашнего премьер-министра и бывшего президента Дмитрия Медведева. Фильм обрел вирусную популярность, за сутки набрав 5 млн просмотров на ютьюб и еще 1,4 млн. в сети «Одноклассники»[3]. В ответ на отказ властей расследовать

---

[2] Согласно опросу, проведенному группой независимых социологов на марше протеста против убийства Бориса Немцова (в марше, по подсчетам «Белого счетчика», приняли участие около 52 тыс. человек), лишь 16 % участвовали в протестной акции впервые («Исследование участников марша памяти Б. Е. Немцова», https://drive.google.com/file/d/0ByZgAyQD9-kNUNnc0dlQnJkSzA/view?fbclid=IwAR0MV5EgEj6WAy4Cc0uwFC4Q7CAh1TZRp6Yfv34pmn6Zvd8hhSV29kIRHJ0&resourcekey=0-xJkCFDqtenBNRH6VHlWLDg

[3] Сообщение ленты «Команды Навального» в Фейсбук https://www.facebook.com/teamnavalny/posts/1276216075787520/ ; по сообщениям «Эха Москвы», фильм собрал более 7 млн просмотров за неделю (https://echo.msk.ru/news/1941010-echo.html). По данным «Левада-центра», к началу

изложенные в фильме факты, Навальный призвал сторонников выйти на акции протеста, которые прошли почти в сотне городов и собрали около 50 тыс. участников. Следующая акция «димоновой» серии состоялась 12 июня и собрала еще больше людей – от 50 до 98 тыс. в 154 городах, по данным «Медузы» и ОВД-Инфо[4]. Опрос 125 участников акции в Москве показал, что более половины из них моложе 25 лет и более 60 % не участвовали в протестных акциях до марта 2017 г.[5]

Эти акции стали своего рода прелюдией «президентской кампании» Навального, целью которой было добиться его регистрации кандидатом на президентских выборах в качестве соперника президента Путина. Этот тематический поворот проявил себя уже в сюжете следующего массового протеста, приуроченного к 65-летию Владимира Путина (7 октября 2017 года), непосредственным поводом для которого стал арест на 25 суток Навального и главы его предвыборного штаба Леонида Волкова, а основным требованием — регистрация Навального в качестве кандидата в президенты. Акция собрала от 10 до 15 тыс. чел. в 80 городах. Таким образом, Навальный опробовал новую стратегию «электоральных протестов»: в их фокусе оказывались не фальсификации итогов выборов, как раньше, а борьба за допуск оппозиционного кандидата на них.

Вообще традиционными триггерами протестной мобилизации в полуавторитарных и авторитарных странах являются: (1) электоральные манипуляции властей, (2) «символическая несправедливость» и (3) чрезмерное насилие правоохранителей по отношению к протестующим и представителям оппозиции. Классическими примерами протестов первого типа являются «революция роз» в Грузии в 2003 года, «оранжевая революция» в Украине в 2004 году и российские протесты 2011—2012 годов. В качестве «символической несправедливости» (события, превращающегося в символическое средоточие накопленной неудовлетворенности существующим статус-кво) могут выступать вскрывшиеся факты коррупции (протесты по мотивам фильма «Он вам не Димон»), «частный эпизод» несправедливости, вызывающий волну сочувствия и возмущения (случай торговца Мохаммеда Буазизи, давший старт революции в Тунисе и «арабской

апреля фильм смотрели 7 % опрошенных (Левада-центр, опрос 31 марта — 3 апреля 2017, см.: «Он вам не Димон», https://www.levada.ru/2017/04/06/film-on-vam-ne-dimon)

[4] 12 июня на улицы вышло больше людей, чем 26 марта. Карта протестов «Медузы» и «ОВД-Инфо» // Медуза. — 2017. — 13 июля. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali

[5] «Митинг «Требуем ответов» (12 июня 2017 года). Социологическое исследование участников». https://drive.google.com/file/d/0ByZgAyQD9kdDgzb0tMVlNKdDA/view?fbclid=IwAR0gWI34Xd1otjDB2dRqyngLk9Lufy2JkcDuA268zOaFSb5tc9T5cBMDQrU&resourcekey=0-ljQOMhHaS6GH1L_d1U4IHw

весне»), насильственное вторжение в «частную» среду обитания граждан (уничтожение городских скверов в Стамбуле в 2013 году и в Екатеринбурге в 2019 году), либо «обман ожиданий/отмена обещаний» (сценарий протестов в Украине в связи с отказом Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС в 2013 году, а также армянской революции 2018 года, поводом к которой стал отказ президента Саркисяна от обещания не занимать премьерское кресло после конституционной реформы).

Однако серьезным вызовом для режима является не одиночный протест сам по себе, а реакция на него общества: запускает ли первый выход недовольных на улицы протестную волну, в ходе которой протестующие продолжают настаивать на своих требованиях, а их численность возрастает? События могут развиваться по трем основным сценариям. Первый: число людей, вышедших на улицы по призыву оппозиции по одному из перечисленных поводов, оказывается гораздо бóльшим, чем ожидалось. Это производит мобилизационный эффект — многие люди, латентно сочувствующие целям протеста, но считающие себя «меньшинством», переоценивают представления о числе сторонников и выходят из «зоны комфорта», присоединяясь к протесту (по такому сценарию отчасти развивались события в России в декабре 2011 года после неожиданно многолюдной акции 5 декабря на Патриарших прудах). Если людей оказалось не больше, чем ожидалось, то с высокой вероятностью это ведет к затуханию протеста. Однако даже если людей в первой итерации вышло немного, но они не уходят с улиц и, в результате, испытывают на себе жестокость полиции, картины этой жестокости могут вызвать волну сочувствия, под влиянием которой люди выходят из «зоны комфорта» и присоединяются к протесту, численность которого увеличивается и может разрастаться как снежный ком. Таким образом, третья упомянутая причина протестов («возмущение жестокостью полиции и требование освободить заключенных») часто становится триггером «вторичной» мобилизации. Такой сценарий со многими отличиями и вариациями наблюдался в Стамбуле в ходе протестов в защиту парка Гези, в Киеве в 2014 году и в Беларуси в 2021 году.

В условиях зрелых авторитарных режимов (в отличие от полуавторитарных) вызывающие общественные симпатии политики и партии, как правило, до выборов не допускаются, и у оппозиции нет возможности призвать избирателей «защитить свой выбор» в ответ на явные фальсификации. В этой ситуации возможным сценарием является попытка организации протестной кампании уже на подступах к выборам — вокруг требования допустить оппозиционных политиков к ним. Такую тактику Навальный

использовал в 2017 году в своей «президентской кампании», такая же стратегия была использована оппозицией на выборах в Мосгордуму летом 2019 года. В этом сценарии оппозиция стремится сфокусировать внимание избирателей на фундаментальной несправедливости систематического недопуска к выборам независимых и оппозиционных кандидатов. Это триггер протестов электоральной проблематики второго типа — сфокусированной не на фальшивых итогах выборов, а на несправедливых условиях их проведения.

После отказа Навальному в регистрации на президентских выборах он провел акцию «Забастовка избирателей» 28 января 2018 года, которая была не слишком многочисленной (около 10 тыс. участников), а затем, уже после оглашения ЦИКом официальных результатов президентских выборов, но до инаугурации Путина — акцию «Он нам не царь» (5 мая 2018 года), еще менее многочисленную. Таким образом мобилизационный потенциал новой проблематики протеста (недопуск оппозиции на выборы, требование альтернативности выборов и сменяемости власти) оказался в целом существенно ниже, чем эффект антикоррупционного «Недимона». В то же время эти протесты, проходившие в условиях жесткого преследования полиции, продемонстрировали гораздо более высокую резистентность: ядро протестующих использовало «тактику воды», перемещаясь по городу, и, преследуемое полицией, не уходило с улиц до позднего вечера. Однако, несмотря на более высокую резистентность, эти акции не запускали «вторичную волну» протестов, связанную с возмущением населения действиями полиции.

Возможность такого сценария отчасти обозначилась летом 2019 года, когда поводом для массовых протестов стал отказ в регистрации оппозиционных политиков на выборах в Московскую городскую Думу. Жесткое противостояние протестующих с полицией 27 июля и 3 августа продемонстрировало, что полиция не может справиться с протестующими, если их достаточно много и они перемещаются по центру города. Многочисленные видео, демонстрировавшие бессмысленную жестокость полиции, стали причиной волны сочувствия к протестующим — это показывали социологические опросы и динамика активности в соцсетях. Их мобилизационный эффект проявил себя в том, что, несмотря на жестокость полиции на акции 27 июля, на следующую акцию собралось сопоставимое число людей. Осознав это, власти даже пошли на частичные уступки, допустив проведение в августе одной «разрешенной» акции (10 августа), собравшей по оценкам «Белого счетчика» в разгар отпускного сезона около 60 тыс. чел., и не

противодействуя проведению еще одной «неразрешенной» (31 августа). Таким образом, власти стремились «выпустить пар» накануне начала рабочего и учебного года в сентябре.

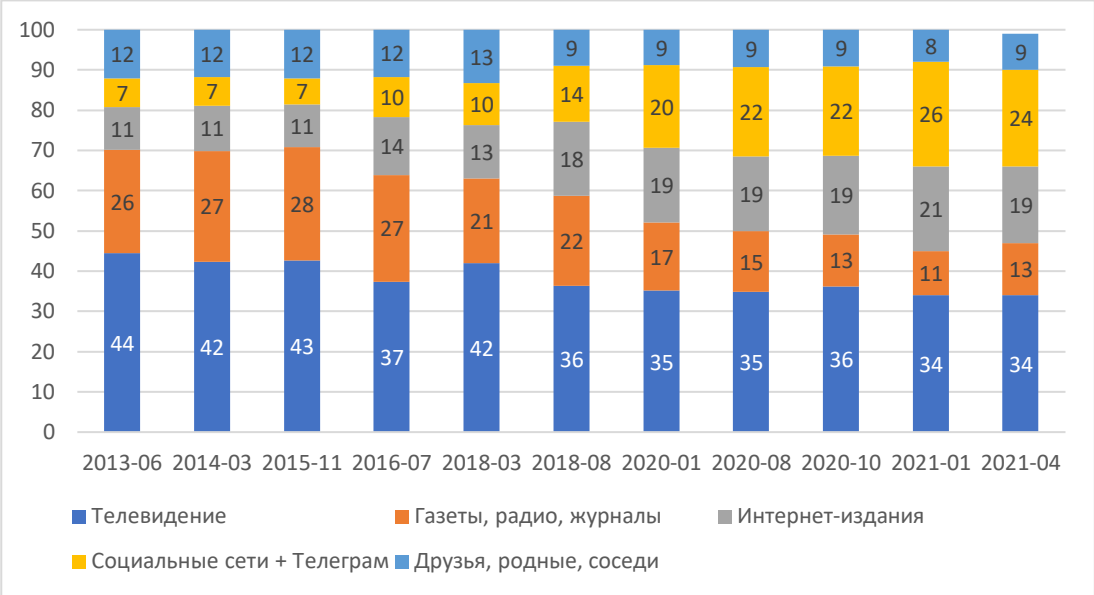
В целом, протестные кампании «навальновской» волны 2017—2019 годов не достигали размаха протестного движения 2011—2012 годов, проходили в условиях нарастающего репрессивного давления, но не запускали вторичную волну мобилизации. Возможно, по этой причине (вкупе с начавшейся пандемией) Навальный решил отказаться в 2020 году от кампании противодействия поправкам к конституции, призванным узаконить пожизненное президентство Путина.

2. БЛОГЕРЫ ПРОТИВ ТЕЛЕВИЗОРА

Для понимания механизмов и характера политического конфликта 2021 года необходимо обратиться к более широкому контексту динамики общественного мнения в предшествующие годы и, в частности, к анализу механизмов рекрутирования сторонников оппозиции и участников протестов «навальновской» волны.

Эта волна разворачивалась на фоне быстро меняющейся структуры медиапотребления в России. По сути дела, она совпала и в значительной мере «питалась» массовым вовлечением российских граждан в мир социальных сетей. Как видно на **графике 1**, доля телевизора в структуре источников информации населения о событиях в стране и мире, сократилась с 42 % в 2013—2015 годах до 35 % в 2020—2021 годах, а доля всех традиционных источников информации (телевидение + радио, газеты и журналы) — с 70 до 45 %. В то же время доля интернет-источников (сайты + соцсети) выросла с 18 до 45 %, причем доля социальных сетей выросла с 7 до 25 %. Между тем политика авторитарного контроля информации в предшествующем периоде была сфокусирована преимущественно на традиционных медиа, в меньшей степени на интернет-изданиях и почти вовсе не затрагивала соцсети.

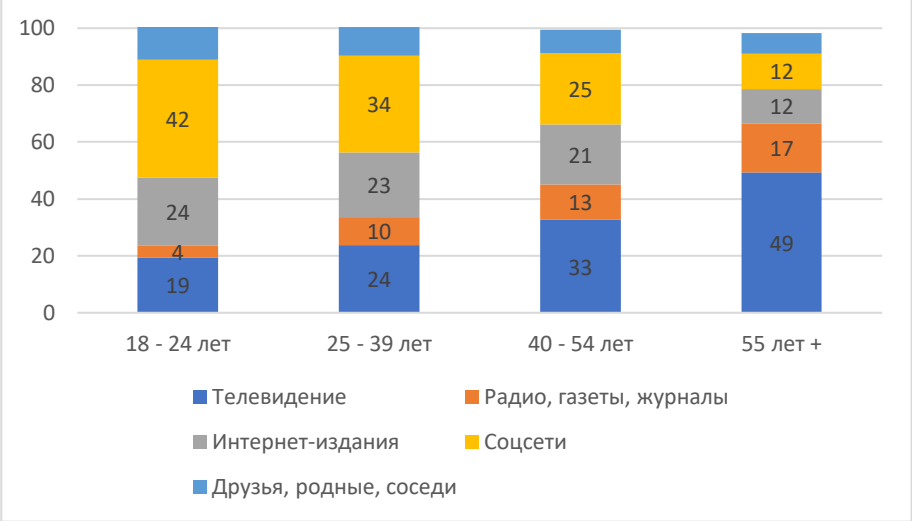
График 1. Изменения структуры источников информации в России, 2013—2021 годы



Данные: «Левада-центр»; расчеты автора. В опросах «Левада-центра» респонденты могут давать несколько ответов на вопрос «Откуда вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?», в результате число ответов существенно превышает число опрошенных; здесь и на **графике 2** мы рассчитываем долю упоминаний каждого источника информации в общем числе упоминаний всех источников, мы также объединяем доли «соцсетей» и «телеграм-каналов» в одну категорию «соцсети» и доли радио, газет и журналов в общую категорию.

При этом структура медиапотребления стала сильно различаться по возрастным группам. Как видно на **графике 2**, в 2021 году традиционные медиа (телевидение, радио, газеты и журналы) составляют менее трети в структуре источников информации молодых возрастов (до 40 лет) и две трети — у старших возрастов (55+). При этом соцсети являются самым значимым источником информации для молодых (34—42 %), в полтора — два раза превосходящим по своему весу телевизор. Еще в 2015 году возрастная дифференциация в структуре источников информации также имела место, однако не носила столь драматического характера: традиционные СМИ составляли 75 % потребления старших возрастов и 50 % младших, в 2021 году разница стала почти троекратной — 65 и 23 % соответственно.

График 2. Структура источников информации по возрастным группам в 2021 году



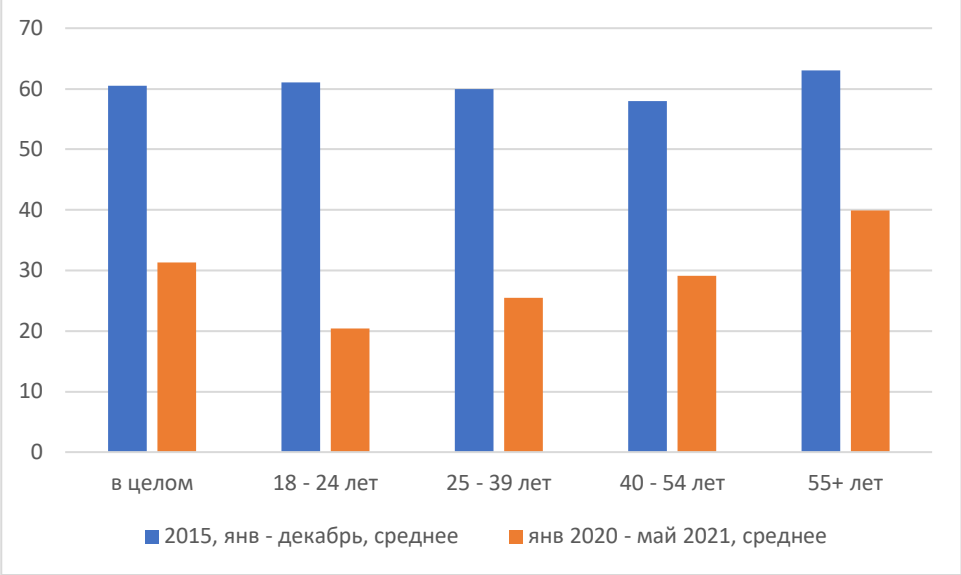
Данные: «Левада-центр»; расчеты автора (см. примечание к **графику 1**).

Роль социальных сетей как механизма горизонтальной мобилизации и координации протестов вполне проявила себя в ходе «арабской весны» и московских протестов 2011—2012 годов. Однако во второй половине 2010-х настоящий бум социальных сетей обнажил еще одну их системную функцию — как альтернативного канала доставки информации. В результате уровень вовлеченности тех или иных социально-демографических групп в социальные сети и популярные хостинги стал определяющим фактором их «картины реальности». Как уже было не раз отмечено, все более отчетливо проявлявшая себя дифференциация предпочтений, оценок и отношений младших (до 40 лет) и старших (после 55 лет) контингентов была связана со все более различающейся структурой их источников информации[6].

В результате молодежь, которая, по мнению экспертов, в начале 2010 годов была даже более пропутински настроена, чем средние возраста, к концу 2010-х становится наиболее антипутинским отрядом российских граждан. Как видно из **графика 3**, общий уровень доверия к Путину как политика упал с 2015 по 2021 год в два раза, при этом в младших возрастах (18—39 лет) падение оказалось почти троекратным, в то время как в старших доверие сократилось лишь в полтора раза.

[6] Рогов К. Люди соцсетей и дети телевизора / К. Рогов // Ведомости. — 2019. — 29 окт. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/10/29/814927-lyudi-sotssetei

График 3. Доверие к В. Путину в 2015 и 2020—2021 годах



Данные: «Левада-центр», доля назвавших фамилию Путина в ответ на вопрос «Назовите 5—6 политиков, которым вы более всего доверяете?»; каждое значение — среднее по 12 опросам, проведенным в указанном промежутке времени.

Этот эффект вполне проявил себя и в отношении к протестам. Как видим в **таблице 1**, в ходе протестов 2017 года. 40 % опрошенных считали жесткие действия полиции против протестующих вполне оправданными и лишь 30 % придерживались противоположной точки зрения; причем, эта картина почти не различалась в разных возрастных группах. Поэтому, несмотря на резистентность (готовность к сопротивлению) нового протеста, эти акции не могли стать триггером вторичной волны. В 2019 году ситуация перевернулась: 30 % оправдывали полицию против 40 % возмущенных ее действиями; при этом в старшей возрастной группе ситуация не изменилась по сравнению с 2017 годом, а в более молодых, и чем моложе, тем больше — сочувствие к протестующим резко возросло[7]. Это коррелирует с различиями в структуре источников информации, из которых опрошенные узнавали об акциях.

[7] Упоминание о 1000 задержанных в вопросе 2019 года (см. табл.1) содержит определенную подсказку и может вести к смещению оценок в пользу осуждения полиции; однако, как видим, этого не происходит в ответах представителей старших возрастов, которые остались такими же, как в 2017 году

Таблица 1. Отношение к действиям полиции в ходе неразрешенных акций 2017—2019 годов

	Всего	18—24 года	25—39 года	40—54 года	55 лет и старше
Силовые структуры действовали на акциях протеста 26 марта (2017 года) в Москве адекватно или превышали свои полномочия? (опрос апреля 2017 года)					
Адекватно, в рамках полномочий	**38**	36	40	36	38
Превышали, необоснованно использовали силу	**30**	27	28	30	33
Силовые структуры действовали 12 июня (2017 года) адекватно или превышали свои полномочия? (опрос июня 2017 года)					
Адекватно…	**40**	36	38	45	40
Превышали…	**27**	26	27	24	28
На акциях протеста в Москве (в июле 2019 года) задержаны более 1000 людей. Как действовали полиция, ОМОН и Росгвардия?					
Адекватно…	**32**	25	27	31	38
Жестко, необоснованно использовали силу	**41**	**58**	**47**	43	31
Откуда вы узнали о московских протестах (июль 2019 года)? (% от тех, кто следил или что-то слышал; опрос — август 2019 года)					
Крупные телеканалы	**37**	17	27	35	**50**
Социальные сети, ютьюб-каналы, видеоблоги	23	**40**	**37**	23	9
Новостные интернет-сайты	19	31	23	23	10

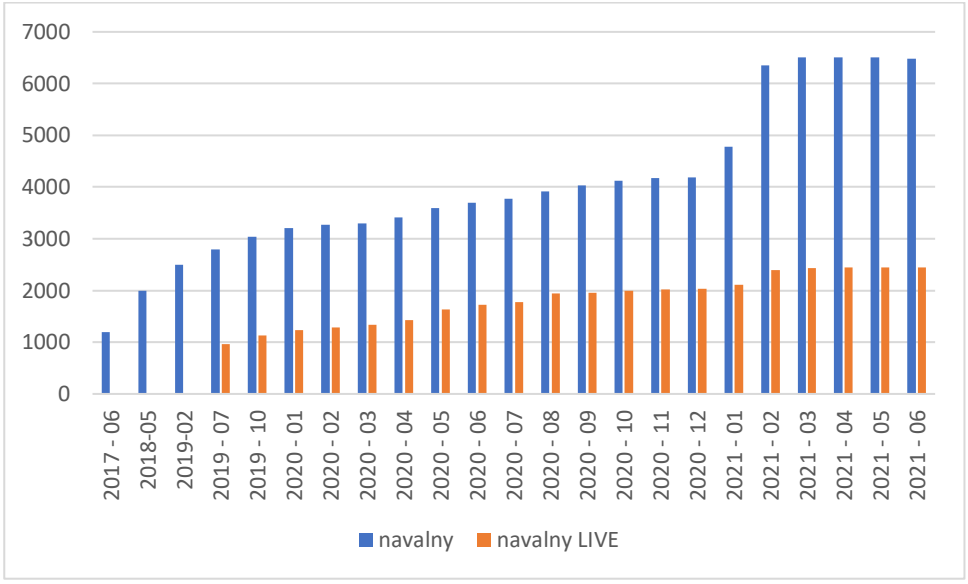
Данные: «Левада-центр», исследование «Курьер», март 2017 года, июнь 2017 года, август 2019 года.

И телевизор, и социальные сети являются лишь средством доставки информации потребителям. И если телевизор в России представляет собой «идеологическую монополию», контролируемую Кремлем и спецслужбами, то социальные сети являются саморегулируемым механизмом, обеспечивающим широкий плюрализм. При этом ключевым событиеми во второй половине 2010 годов становятся стремительный рост мобильного широкополосного интернета и российского сегмента ютьюба (см. статью Сергея Гуриева выше). Именно ютьюб в значительной мере вступает в конкуренцию с телевизором, похищая его ключевое преимущество «живой картинки», позволяя резко расширить доступ к альтернативному контенту общественно-политического содержания.

3. «КРИЗИС НАВАЛЬНОГО»: КОНТЕКСТ ПОКУШЕНИЯ

И здесь стоит вспомнить, что лидер российской оппозиции Алексей Навальный является одновременно ведущим политическим блогером российского сегмента интернета и российского ютьюба. Первый мощный рывок в этом качестве Навальный совершает весной 2017 года, как раз после выхода «Димона»: в результате к началу лета у его ютьюб-канала уже есть миллион подписчиков (см. **график 4**). К лету 2018 года у Навального 2 млн подписчиков, в конце 2019 года — 3 млн, а в начале лета 2020 года — более 3,5 млн. Его интернет-аудитория вполне сравнима с аудиторией новостного вещания центрального федерального телеканала[8]. Ключевую роль в приросте аудитории играли выпускавшиеся периодически Навальным фильмы-расследования (см. **таблицу 2**). А в целом инфраструктура явления «Навальный» представляет собой в первой половине 2020 года аудиторию масштаба новостных программ центрального федерального телеканала плюс сеть региональных штабов по всей России, созданных еще в период его «президентской кампании».

График 4. Динамика прироста подписчиков ютьюб-каналов Navalny и Navalny LIVE (тыс. чел.)



Данные: socialblade.com

[8] По данным TNS, аудитория каждого выпуска программы «Время» на 1 канале и программы «Вести» на телеканале «Россия» в 2018 году составляли в среднем по 2,8 млн чел.

Таблица 2. Фильмы и ролики Навального, собравшие более 5 млн просмотров

	Дата	Название	млн просмотр.
1	11.11.2019	Тайная жизнь иностранного агента	9,4
2	12.12.2019	Яхта. Самолет. Девушка	12,8
3	26.12.2019	Расследование, за которым пришел спецназ	5,0
4	10.03.2020	Паразиты	12,6
5	24.03.2020	Крымский мост. Украдено с любовью	6,7
6	10.04.2020	Таинственный остров Медведева	5,2
7	29.04.2020	Золотой дворец вашего любимого доктора	15,0
8	01.07.2020	Итоги "голосования". Что делать дальше	13,3
9	23.07.2020	Хабаровск. Секретные терема того, кто посадил Фургала	9,0
10	30.07.2020	Что Дегтярев скрывал от Хабаровска	5,8
11	31.08.2020	Кто захватил столицу Сибири и как ее освободить	7,3
12	03.09.2020	Томск в плену у депутатской мафии	6,2
13	09.09.2020	Взятки. Дворцы. Самолеты. За что продали столицу Татарстана	6,2
14	24.11.2020	"Девушка, ведущая на смерть" разоблачает пропаганду	5,7
15	13.12.2020	Дело раскрыто. Я знаю всех, кто пытался меня убить	26,0
16	21.12.2020	Я позвонил своему убийце. Он признался	28,7
17	19.01.2021	Дворец для Путина. История самой большой взятки	117,6
18	28.01.2021	Речь Алексея Навального в суде 28 января	9,5

Источник: socialblade.com; в таблице приведены данные на июль 2021 года, однако за редчайшими исключениями подобного рода контент собирает абсолютное большинство просмотров за первые две недели и в дальнейшем прибавляет к этому очень мало.

Данные социологических опросов также свидетельствуют, что Навальный окончательно становится в этот момент политиком общероссийского масштаба (**таблица 3**). Летом 2020 года о нем и его деятельности знают между 70 и 80 % опрошенных, а одобряют эту деятельность около 20 % (среди молодых возрастов — 25%). Уровень узнаваемости выше 50 % из лидеров российской оппозиции имел Борис Немцов накануне своей гибели, однако в значительной степени эта узнаваемость была наследием того периода, когда Немцов сам занимал ключевые позиции в российском правительстве и политическом истэблишменте. Навальный же создал свой общероссийский политический бренд, не имея к телевизору никакого доступа, что само по себе демонстрирует радикальное изменение на политическом поле.

Социологические данные также демонстрируют, что к лету 2020 года Навальный начинает перерастать границы «политического гетто» оппозиции — строго ограниченной социальной «ниши» востребованности. В сентябре 2020 года даже среди одобряющих Путина об одобрении Навального заявляли 14 %, в октябре 2019 года таких было 4 %.

Конечно, политический капитал Навального — уровень одобрения около 20 % — не выглядит критическим для режима, но создает угрозу для фундаментального принципа персоналистского авторитаризма — «заговора отсутствия» какой бы то ни было политической альтернативы. Появление такой альтернативы создает угрозу внезапной перегруппировки симпатий в моменты кризисов.

Таблица 3. Динамика и социально-демографическая структура отношения к Навальному

	05.2013	**02.2017**	**03.2017**	**06.2017**	**01.2018**	**10.2019**	**09.2020**	**10.2020**	**01.2021**	**06.2021**
Известность	41	47	55	55		69	82	78	87	86
Одобряют	6				9		20	17	19	14
Не одобряют	35				64		50	41	56	62
Сентябрь 2020: Вы одобряете или не одобряете деятельность Алексея Навального?										
	Всего	**18—39 лет**	**55+ лет**	**Высшее образование**	**Образование ниже среднего**	**Бедные**	**Москва**	**Страна идет по неверному пути**	**Не одобряют Путина**	**Одобряют Путина**
Одобряю	**20**	26	13	23	14	17	23	29	32	14
Не одобряю	**50**	47	55	55	33	44	64	46	45	53

Данные: «Левада-центр»; в верхней части таблицы используются данные об ответах на вопросы с несколько различающимися формулировками.

При том, что фактические обстоятельства покушения на Навального в конце августа 2020 года достаточно хорошо известны благодаря международному расследованию[9], гораздо менее понятными остаются его возможные непосредственные поводы. Соблазнительно связать его с событиями в Беларуси, продемонстрировавшими потенциал протестной мобилизации даже в очень консолидированных авторитарных режимах. Однако, как теперь известно, первая попытка покушения на Навального была, очевидно,

[9] Лаборатория. Как сотрудники НИИ–2 ФСБ пытались отравить Алексея Навального // The Insider. — 2020. — 14 дек. Режим доступа: https://theins.ru/politika/237705 . Издание признано российскими властями иностранным агентом.

предпринята еще в начале июля 2020 года, более чем за месяц до начала событий в Беларуси. И эта дата позволяет нам разглядеть еще одну перспективу контекста покушения.

Юлия Навальная почувствовала себя необъяснимо плохо 6 июля, а команда подозреваемых в причастности к покушению выдвинулась в Калининград 2 и 3 июля, т. е. через два дня после объявления итогов голосования по поправкам к конституции[10]. Стоит, впрочем, обратить внимание на еще один факт: практически параллельно, 9 июля, в Хабаровске был арестован губернатор Сергей Фургал. Связь между этими событиями, возможно, является более глубокой, чем может показаться на первый взгляд.

1 июля, перед отлетом в Калининград, Навальный записал и выпустил на своем канале ролик «Итоги "голосования". Что делать дальше», в котором призывал своих сторонников сосредоточиться на проекте «умного голосования» и подробно описал свой план. На региональных выборах в сентябре 2020 года. следует голосовать против кандидатов «Единой России», это приведет к утрате «Единой Россией» монопольного контроля над региональными парламентами, а, значит, и над избирательными комиссиями. В качестве примера эффективности таких действий Навальный привел пример Хабаровского края: после победы Фургала на губернаторских выборах, лишившись рычага фальсификаций, «Единая Россия» потерпела полное поражение на выборах в региональный парламент и даже на голосовании по поправкам фальсификации почти отсутствовали. В случае фальсификации результатов самого «умного голосования» на региональных выборах в сентябре 2020 г. Навальный призывал своих сторонников выйти на улицы и не уходить с них.

Многие элементы этого плана выглядели достаточно реалистично. Во-первых, на выборы региональных парламентов ходит мало реальных избирателей, поэтому даже ограниченная мобилизация граждан в рамках протестного голосования вполне может создать нужный перевес в результатах. Это продемонстрировали региональные выборы 2018 года, где Кремль и «Единая Россия» потерпели поражение сразу в нескольких регионах[11], и выборы в Мосгордуму в 2019 году. Во-вторых, противостояние с демонстрантами сразу в нескольких в регионах может представлять гораздо бóльшую техническую и политическую проблему, чем противостояние с митингующими в Москве.

---

[10] Там же.

[11] См. подробнее: Стресс-тест на пол-России. Технологии электорального доминирования и их ограничения. Анализ региональных выборов 2018 года. Серия «Либеральная миссия — Экспертиза». Вып. 4 / под ред. К. Рогова. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2018.

Местные силы полиции могут оказаться не так надежны в этой ситуации, а переброска «помощи из Москвы» — вызвать антимосковскую мобилизацию и усилить сочувствие к протестующим. Ситуацию усугубляла неопределенность экономических последствий весеннего локдауна и продолжающейся пандемии. В этой ситуации арест Фургала должен был стать однозначным сигналом региональным элитам, что Кремль не потерпит «хабаровской аномалии» — губернатора, пришедшего к власти вопреки воле Москвы и опирающегося на широкую поддержку снизу.

Видео с изложением Навальным своего плана набрало 13,3 млн просмотров на сегодняшний день. Более того, на протяжении июля-августа Навальный готовит и выпускает еще целый ряд материалов-расследований, посвященных российским регионам, в которых осенью должны проходить выборы. При этом 5 из них набирают более 5 млн просмотров: два посвящены уже протестующему после ареста Фургала Хабаровску, по одному — Новосибирску, Томску и Казани (см. №№ 9—13 в **таблице 2**). Для расследований регионального масштаба это невероятные результаты.

Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если посмотреть на всю «фильмографию» Навального, то становится ясно, что ролики, посвященные общеполитической и электоральной тематике, набирают обычно гораздо меньше просмотров, чем коррупционные расследования. Именно последние дают максимумы просмотров и прироста аудитории, «хиты» из **таблицы 2** — практически сплошь расследования (исключением является именно ролик от 1 июля 2020 г. с изложением плана «осеннего наступления»). То же самое верно, как мы показывали выше, и в отношении потенциала протестной мобилизации: электоральная тематика давала гораздо меньшие масштабы протеста, чем коррупционная (расследование «Недимон)». В кампании лета 2020 г. Навальный намечает прочную связку между коррупцией и своим электоральным проектом: в центре каждого фильма — коррупционное расследование с региональным фокусом, заканчивающееся призывом к протестному голосованию в сентябре и выходу на улицы по его итогам. Даже фильм, посвященный противостоянию Фургала и Кремля, имеет своей важнейшей сюжетной аркой «секретные терема» полпреда президента в крае Юрия Трутнева. В целом масштаб информационной кампании Навального перед региональными выборами 2020 года выглядит совершенно беспрецедентным, и прежде всего — в силу накопленного им информационного ресурса на ютьюбе.

4. ПРОТЕСТЫ—2021: ПРОБЛЕМА «КОНВЕРТАЦИИ»

Так или иначе, второе покушение 20 августа, хотя и сорвало региональную кампанию Навального (протестное голосование значимо не повлияло на исход региональных выборов 13 сентября 2020 года и не запустило региональные политические кризисы), но запустило кризис, развивавшийся по совсем другой траектории. Уже 2 сентября Германия официально заявила, что Навальный был отравлен боевым ядом семейства «Новичок»; 3 сентября Евросоюз выступил с жестким заявлением, осуждающим попытку убийства политика и возложившим на Кремль ответственность за него, а Навальный стал героем мировой прессы и признанным Западом лидером российской оппозиции. Между тем еще в сентябре его ютьюб-канал перешагнул отметку в 4 млн подписчиков, а после публикации расследования о его отравлении, установившего личности непосредственных исполнителей, и разговора Навального с одним из предполагаемых отравителей по телефону, число подписчиков подскочило еще на 600 тыс. и приблизилось к 5 млн человек. Сам же фильм-разоблачение, рассказывающий об отравлении, и разговор Навального с Кудрявцевым набрали в совокупности более 50 млн просмотров. В этой ситуации Навальный принял решение возвращаться в Россию, имея на руках фильм о «дворце Путина».

Практически неизбежный арест по прибытии и выход расследования о «главной коррупционной сделке» должны были обеспечить двойной триггер протестов — «символическая несправедливость» (расследование о дворце) и «несправедливые репрессии» (покушение на Навального и его арест по возвращении). Навальный был задержан 17 января при прохождении пограничного контроля, 19 января вышел фильм «Дворец для Путина», который к 23 января набрал около 60 млн просмотров — беспрецедентную аудиторию для неразвлекательного контента в российском ютьюбе. На 28 января, когда фильм набрал 100 млн просмотров, число уникальных зрителей составляло 33 млн, из которых более 20 млн приходилось на Россию[12]. По оценкам Mediascope, фильм к 27 января посмотрели 21 млн россиян, из них более 30 сек. — 15 млн[13]. Согласно опросу «Левада-центра», проведенному 29 января — 2 февраля 2021 года,

[12] «Фильм Навального о "дворце Путина" набрал 100 млн просмотров. Как и где его смотрят» // BBC. — 2021. —28 янв. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-55822334

[13] Mediascope оценил аудиторию фильма о «дворце» в Геленджике // РБК. — 2021. — 31 янв. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/01/2021/60167ca09a794762b13d96e3

заявили, что смотрели фильм 26 % опрошенных, что в проекции на взрослое население страны дает 28 млн человек.

Исходя из этого, можно достаточно обоснованно предполагать в качестве «оценки снизу», что к 23 января, первому большому протесту, российская аудитория фильма составила более 10 млн человек, а к 30 января – не менее 20 млн. Помимо этого подготовка протестов 23 января характеризовалась беспрецедентной активностью в социальных сетях, и что особенно интересно — шагнула в «детскую» сеть Tik Tok, наполнившуюся клипами с вирусными аудиовизуальными паттернами в поддержку Навального и протестов.

Несмотря на это, акция 23 января собрала не так много людей, как можно было ожидать. По нашим оценкам, общее число протестующих находилось в диапазоне 100—200 тыс. чел. С одной стороны, это сделало акцию одной из крупнейших для России в XXI веке по численности и сопоставимой с топовыми акциями 2011—2012 годов, а также уникальной по географическому охвату и по численности протестующих за пределами столиц. Стоит учитывать и то, что, в отличие от акций 2011—2012 годов, акция 2021 года находилась под запретом и сопровождалась массированной кампанией угроз и противодействия со стороны властей. С другой стороны, протесты 23 января не вышли за пределы того коридора массовости, который сформировался еще в ходе протестной волны 2011—2012 годов: рядовые крупные митинги собирают 10—30 тыс. человек, а пиковые – 100—200 тыс. по всей России.

Число протестующих, вышедших на акцию 23 января, составляло примерно 2 % от аудитории фильма про дворец и примерно 4 % от числа подписчиков канала Навального. Нельзя сказать, что рост аудитории Навального-блогера не конвертировался в поддержку Навального-политика, но коэффициенты этой конвертации выглядят достаточно сдержанно: в январе 2021 года у Навального в шесть-семь раз больше подписчиков, чем в весной 2017 года, в то время как масштаб протестов превосходит масштаб акции «Недимон» в 2—3 раза. В январе 2018 года, когда у Навального 1,5 млн подписчиков, его деятельность одобряют 9 % опрошенных, а в январе 2021 года при 6,5 млн подписчиков – 20 %. Эти цифры демонстрируют нелинейность конвертации информационного охвата в политическую поддержку.

По данным январского опроса «Левада-центра», знали о содержании фильма хотя бы приблизительно 68 %, при этом 37 % от всех опрошенных сочли это содержание достоверным или правдоподобным (55 % от знавших о фильме), около 12 % опрошенных заявили, что их мнение о Путине ухудшилось («Левада-центр», исследование «Курьер»,

опрос проводился с 29 января по 2 февраля). При том, что со значительной вероятностью эти цифры занижены (респонденты могли скрывать свое отношение к столь чувствительному вопросу), очевидно, что между знанием о фильме (и даже доверием к его содержанию) и переживанием сильной политической эмоции, которая может стать стимулом выхода на улицу, существует значительный разрыв. Тема коррупции вызывает колоссальный интерес аудитории, как мы видели во всей истории Навального-блогера, но в большинстве случаев не переворачивает «картину мира» респондентов и не дает значительного мобилизационного эффекта на фоне возросших рисков участия в протестах.

Вторым триггером протеста (в дополнение к антикоррупционной тематике фильма) выступали «несправедливые репрессии» — отравление и арест Навального. И здесь необходимо констатировать, что за пределами традиционных групп поддержки оппозиции россияне в большинстве не поверили в отравление. Как видно из **таблицы 4**, доля знающих об отравлении оставалась стабильной с сентября по декабрь 2020 года (76—78 %). Это само по себе достаточно странно на фоне новостей октября (ОЗХО подтвердила заключение немецких врачей об отравлении Навального «Новичком», а Евросоюз ввел санкции против России) и декабрьского сенсационного расследования журналистского консорциума (когда были вычислены непосредственные исполнители). Такая неизменность в осведомленности, по всей видимости, свидетельствует о стремлении людей отгородиться от этой темы или о нежелании отвечать на связанные с ней вопросы. В сентябре лишь 25 % доверяли информации, что Навальный был отравлен. И меньшинство из них — 10 % от всех опрошенных — возлагали вину за отравление на власти или фигурантов расследований Навального, в то время как около 15 %, хотя и верили информации об отравлении, не могли определиться с главной версией его мотивов. В октябре определенность повысилась — мнения несколько консолидировались и поляризовались. Практически три равных группы — примерно по 20 % опрошенных — считали в октябре случившееся на борту самолета (1) «инсценировкой», (2) «провокацией Запада» и (3) местью властей или фигурантов расследований Навального.

Однако в конце декабря неопределенность в интерпретации произошедшего вновь возрастает: растут доли считающих произошедшее инсценировкой и тех, кто не может определиться с основной версией мотивов отравления, а вот доли возлагающих ответственность на российские власти и Запад немного, но синхронно снижаются. Это происходит непосредственно после разоблачения истории отравления в расследовании международного консорциума и телефонного разговора Навального с сотрудником ФСБ

Кудрявцевым, и несмотря на гигантскую аудиторию двух видео — расследования и разговора с Кудрявцевым. По всей видимости, людям показалось, что в расследовании все слишком просто и прозрачно, что противоречило их, пронизанной конспирологическими паттернами, картине мира («хотели бы убить — убили бы»). В результате, атмосфера конспирологической неопределенности вокруг фигуры самого Навального, в значительной мере культивировавшаяся Кремлем, не была развеяна и была перенесена на историю отравления, заблокировав ее эмоциональное восприятие.

Таблица 4. Отношение к отравлению Навального, % от всех опрошенных

	Знают, слышали об отравлении	**Из них:**				
		Не верят в отравление; считают инсценировкой	**Верят, что отравлен**			
Сентябрь 2020	77	42	25			
			Винят власти	**Винят фигурантов рассле-дований**	**Винят Запад**	**Не знают, кого винить; затрудняются; другие версии**
			8	2	2	14
Октябрь 2020	76	19	14	5	18	16
Декабрь 2020	78	24	11	5	15	23

Источник: «Левада-центр», исследования «Курьер», расчеты автора. В данных «Левада-центра» приводятся доли от тех, кто знает или слышал об отравлении, а доли версий в сентябре 2020 г. — от тех, кто доверяет информации об отравлении. Мы пересчитали их как доли от всех опрошенных, чтобы видеть абсолютную размерность групп.

Итак, в истории Навального-блогера и Навального-политика, мы видим, с одной стороны, пример того, как новые медиа, и прежде всего видеохостинги, позволяют преодолеть информационную изоляцию и создать общероссийский политический бренд без участия телевизора. С другой стороны, — пример того, как этого индивидуального ресурса оказывается недостаточно для того, чтобы опрокинуть «картину мира», сформированную информационным мейнстримом.

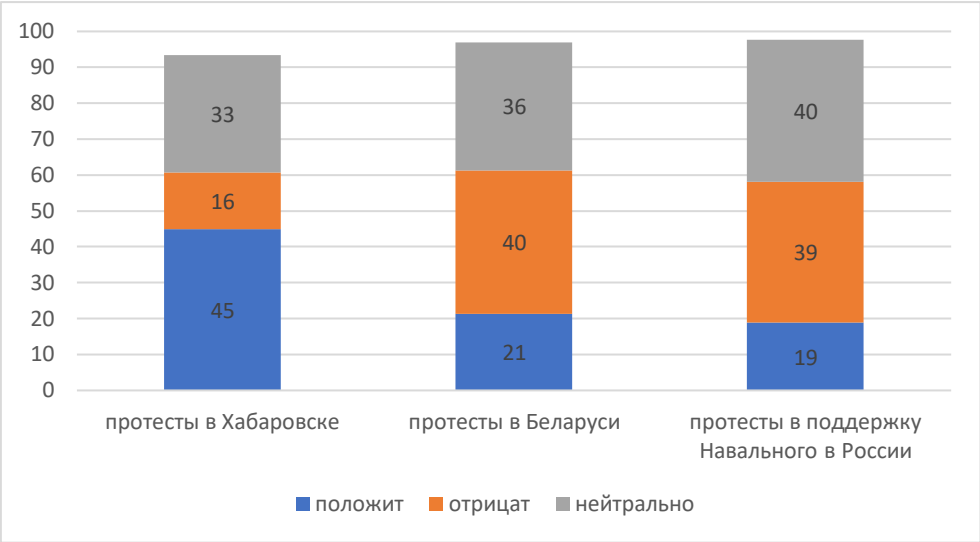
5. ПРОТЕСТЫ—2021 И «ПУБЛИКА»: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ И ГРАДАЦИИ ЛОЯЛЬНОСТИ

Безусловно, в условиях зрелого авторитарного режима важнейшим фактором в принятии решения о выходе на улицу является страх полицейского насилия и последующих преследований. Решение о выходе на улицу — это внутренняя борьба между страхом и градусом «возмущения» теми событиями, которые являются поводом протеста. Однако, как было сказано выше, важнейшим сюжетом протестной политики является не только эта борьба и ее исход, но также отношение «публики» (общества) к противостоящим сторонам — правительству и протестующими. Или, иными словами, критическое значение для судьбы протестной волны имеет уровень поддержки протестов извне — теми, кто в них не участвует.

С июля 2020 по апрель 2021 года полстеры имели редкую возможность оценить отношение россиян к участникам сразу трех протестных волн — хабаровской, белорусской и «навальновской». И эти данные дают нам очень важную информацию, позволяя сравнить восприятие этих протестных выступлений. В отношении протестов в Хабаровске количество сочувствующих протестующим в трех волнах всероссийского опроса почти втрое превышало число тех, кто осуждал их. Однако в отношении белорусских протестов и протестов в поддержку Навального ситуация была обратной: о своем отрицательном отношении к протестующим заявляли вдвое больше опрошенных, чем выражавших им поддержку (см. **график 5**). Вопрос — почему?[14]

[14] Как нам приходилось неоднократно писать, социологическая выборка в условиях авторитарного режима и растущего риска репрессий может иметь значимое смещение: люди, критически относящиеся к режиму, но ощущающие эту позицию как маргинальную или рискованную, могут чаще отказываться от участия в опросе (Rogov K. Public opinion in Putin’s Russia. The public sphere, opinion climate and ‘authoritarian bias’ / K. Rogov //NUPI Working Paper. — 2017). Возможно, в некотором идеальном замере сторонников Навального оказалось бы несколько больше; однако имеющаяся выборка (с учетом этого возможного смещения) остается вполне репрезентативным срезом общества, отражает палитру мнений и их динамику.

График 5. Отношение к участникам протеста в Хабаровске, Беларуси и России в январе—апреле 2021 года



Данные: для графиков 5 и 6 и таблицы 5 — опросы «Левада-центра»: исследования «Курьер» за июль, август, сентябрь, октябрь 2020 года, а также за январь и апрель 2021 года; расчеты автора. Каждое значение — среднее соответствующих значений трех волн опросов по митингам в Хабаровске (июль, август, сентябрь 2020 года), трех волн по митингам в Беларуси (август, сентябрь, октябрь 2020 года) и двух волн по «навальновским» митингам (январь и апрель 2021 года).

Как видно из следующего **графика 6**, структура поддержки протестующих в разрезе социально-демографических групп, групп с разными источниками информации и политическими установками (уровнем лояльности) для всех трех протестных волн очень похожа. Оранжевая и синяя линии (хабаровские и «навальновские» протесты) почти синхронно повторяют колебания в уровне поддержки, но в случае хабаровских протестов эта линия в среднем на 26 процентных пунктов выше. Наиболее существенные различия в разрезе групп (т. е. случаи, когда разница отклоняется от средних 26 пунктов) суммированы в **таблице 5**. Незначимыми оказываются различия в источниках информации, т. е. различие источников ведет к синхронному росту или снижению поддержки в обоих случаях. С другой стороны, неожиданно сильным выглядит падение поддержки «навальновских» протестов в возрастной группе 25—39 лет (обычно она близка к самой молодой группе 18—24 года, потому что имеет схожую структуру источников информации). Но главная разница, конечно, заметна в группах, различающихся своими политическими установками, т. е. различающимися уровнем лояльности режиму. Среди лояльных групп (одобряющие Путина и считающие, что дела в стране идут в правильном направлении) участники протестов в поддержку Навального пользуются минимальной поддержкой (6—7 %), а вот

протестующих в Хабаровске поддерживает, как минимум, каждый четвертый из «лоялистов» (26—27 %). В то же время среди нелояльных групп (не одобряющие Путина и считающие, что события ведут страну в тупик) повестку «навальновских» митингов поддерживают около 40 %, а «хабаровскую повестку» — около 70 %. Иными словами, «повестка Навального» не захватывает всех недовольных, но лишь 40 % наиболее радикальной их части, а с другой стороны, у не менее четверти лояльных респондентов повестка хабаровских протестов вызывает сочувствие.

График 6. Поддержка протестующих в Хабаровске, Беларуси и в поддержку Навального в социально-демографических группах, группах с разными источниками информации и политическими установками

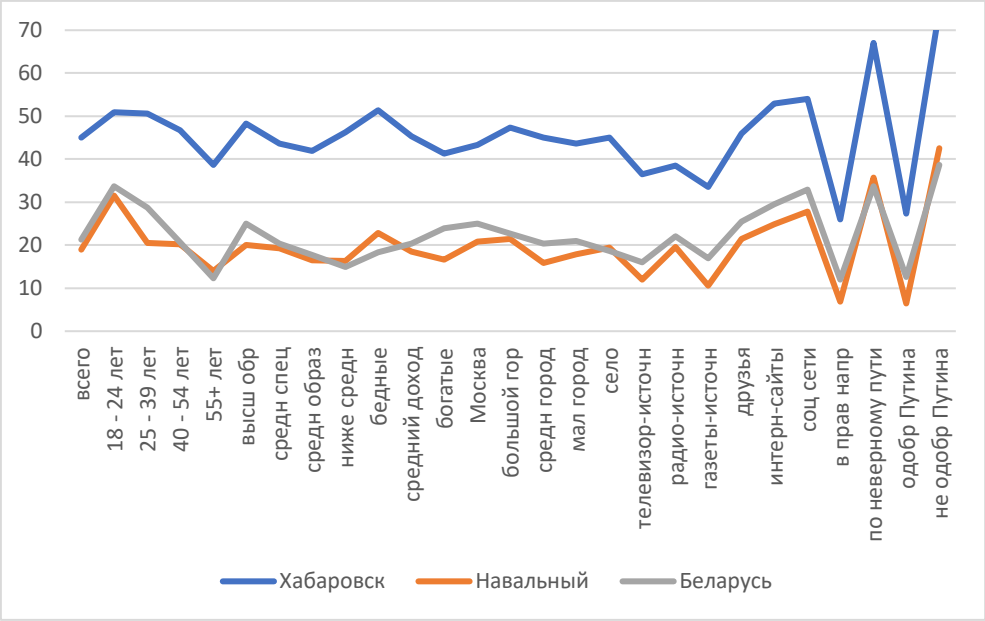


Таблица 5. Наиболее значимые различия в поддержке участников хабаровских и «навальновских» протестов в разных группах

	В целом	**18—24 лет**	**25—39 лет**	**Считают, что дела идут в правильном направлении**	**Считают, что страна движется по неверному пути**	**Одобряют Путина**	**Не одобряют Путина**
Доля группы в опросе, %	*100*	*8*	*30*	*45*	*41*	*65*	*33*
Поддерживают хабаровские протесты, %	45	51	51	26	67	27	75

Поддерживают «навальновские» протесты, %	19	32	21	7	36	6	43
Разница в поддержке, проц. пункты	*26*	*19*	*30*	*19*	*31*	*21*	*32*

Исследователи, анализировавшие на основе более 1350 глубинных интервью механизмы эскалации протестов в Турции в связи с попыткой сноса парка Гези в Стамбуле в 2013 году, пришли к следующему пониманию механизмов нарастания протестной волны. Сначала защищать парк вышло совсем немного людей, однако жестокость полиции, применившей к ним силу, возмутила людей, принадлежащих к различным партийно-идеологическим группам. В их глазах повод протеста выглядел совершенно «невинным», т. е. легитимным, а полицейское насилие неоправданным и нелегитимным; в результате, разные группы недовольных оказались солидарны в поддержке небольшой группы протестующих и вышли на улицы, чего скорее всего не произошло бы, если бы первоначальная повестка в большей степени отражала «партийные» повестки одной из этих групп[15].

Протесты и направленное против них полицейское насилие вызывают сочувствие обывателя (медианного избирателя), если их повод, с его точки зрения, является «легитимным», невинным в рамках принятых правил игры. В этом случае ответное полицейское насилие воспринимается как нападение на признанные границы автономии общества, как ущемление его права на «законное» выражение недовольства. Такой сдвиг поводов к насилию выглядит для обывателя «нелегитимным» и понуждает его к действенному сочувствию. Однако в «деле Навального» ситуация для обывателя (медианного избирателя) выглядела иначе – как радикализация со стороны Навального, вернувшегося, несмотря на неминуемый арест, «в пасть дракона», да еще с фильмом о Путине. Такая радикализация выглядела бы, вероятно, в его глазах более легитимной, если бы он «поверил» в отравление и возлагал ответственность за него на власти.

Как представляется, синхронно негативное отношение «публики» к «навальновским» и белорусским протестам и сочувственное отношение к хабаровским, более умеренным в своих повестках, связано с неприятием рисков прямой конфронтации

[15] Över D., Taraktaş B. (2017) When Does Repression Trigger Mass Protest? The 2013 Gezi Protests. Non-State Violent Actors and Social Movement Organizations / D. Över // Research in Social Movements, Conflicts and Change. — 2017. — Vol. 41. — P. 205—239.

с режимом. Этот мотив играл ключевую роль и в «блокировании» шокирующей версии отравления, доказательства который были представлены международным консорциумом, и в переадресации ответственности за «радикализацию» ситуации самому Навальному, который оказался в положении шварцевского Ланцелота, осуждаемого жителями города за намерение освободить их от дракона. Таким образом, можно сказать, что в то время, как протесты в поддержку Навального одобряли нелояльные контингенты, потенциально готовые к конфронтации с режимом (около 15 %), хабаровские протесты одобряли нелояльные контингенты, не готовые к прямой конфронтации (около 20 %), и часть лояльных контингентов, считающих, однако, выступления хабаровчан в защиту популярного губернатора вполне легитимными (около 20 %; см. **схему 1**).

Схема 1. Одобрение протестов в поддержку Навального и Фургала и градации лояльности

<table>
<tr><td colspan="2">Нелояльные</td><td colspan="2">Лояльные</td></tr>
<tr><td>Готовые к конфронтации с режимом</td><td>Не готовые к конфронтации с режимом</td><td>Условно лояльные</td><td>Безусловно лояльные</td></tr>
<tr><td colspan="4"> </td></tr>
<tr><td>Поддержка «навальновских» протестов</td><td colspan="2">Поддержка хабаровских протестов</td><td></td></tr>
</table>

6. ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В целом, массовые протесты и прочие проявления «политики оспаривания» – естественная часть политической жизни, дополняющие партийно-электоральную политику формами прямого гражданского действия. Разница состоит не в том, что в авторитарных странах люди протестуют против правительства, а в демократических — нет. Разница состоит в том, как институализированная политическая система реагирует на протестную политику. Реакция демократических режимов подразумевает оба механизма — эксклюзии (полицейского сдерживания, маргинализации протестующих) и инклюзии (политики включают повестки протеста в свои программы, лидеры протеста кооптируются в системную политику). В авторитарных странах власти, заблокировав с помощью электоральных и регуляторных манипуляций влияние граждан через механизмы партийно-

электоральной политики, стремятся криминализовать и репрессировать альтернативные механизмы влияния средствами прямого гражданского участия. Стратегии эксклюзии доминируют, а реакцией на протест является общий рост репрессивности и государственного насилия. В результате такие режимы чаще сталкиваются с полномасштабными политическими кризисами, включающими порой эпизоды насилия и крушение режимов. «Революции» — это не следствие слабости правительства, давшего протестующим волю, а, наоборот, — того, что оно слишком долго препятствовало легализации требований протестующих и блокировало механизмы партийно-электоральной политики.

Численность протестов 2021 года и уровень сочувствия протестующим со стороны общества (который поразительно близок доле сочувствующих Навальному — около 20 %) указывают, что протесты в защиту Навального мобилизовали широко понимаемую «партию Навального», но не перешагнули эти широко понимаемые «партийные» рамки. Значительная часть тех, кто имеет претензии к режиму, не готова была поддержать «системный вызов» Навального[16]. Вместе с тем, потенциальная «партия Навального» (при всех оговорках относительно ее «персоналистичности») составляет около 15—20 % населения с высоким социальным капиталом и организационным потенциалом. Что совсем немало: учитывая, что минимальная вовлеченность в политическую сферу свойственна не более чем для 75 % граждан, зона сочувствия Навальному и его повесткам составляет примерно четверть российского политикума.

Вместе с тем недостаточная поддержка протестов «извне», со стороны «публики» открыла для авторитарного режима «окно возможностей» по расширению репрессий против оппозиции. Станет ли это концом «протестного десятилетия»? Насилие подавляет волю активистов, но ухудшает отношение к режиму «умеренных» недовольных и условно лояльных. В краткосрочной перспективе усиление репрессий, скорее всего, даст заметный эффект, лишив несогласных привычного инструментария и инфраструктуры. Однако фундаментальными факторами, ставшими причиной политических конфликтов как в России, так и в Беларуси в 2020—2021 годах, являются, как уже было сказано, долгосрочная стагнация экономики, старение популярных в прошлом персоналистских лидеров и связанных с ними «позитивных» повесток, а также окончание эры «телевизионных

[16] См. об этом также: Гончаров С. Алексей Навальный и его потенциальные сторонники / С. Гончаров // Riddle. — 2021. — 26 февр. Режим доступа: https://www.ridl.io/ru/aleksej-navalnyj-i-ego-potencialnye-storonniki/

монополий» в связи с развитием широкополосного интернета. И это определяет высокую вероятность новых волн протестных мобилизаций в той или иной форме и под теми или иными знаменами.

История политики протеста в разных странах знает немало примеров противостояний, продолжавшихся десятилетиями, то затухая (после волны репрессий), то вспыхивая вновь. Достаточно вспомнить противостояние рабочего и студенческого движения коммунистическому режиму в Польше (1970—1990) или в чем-то даже более актуальное для современного российского контекста противостояние демократических сил и студентов с военно-персоналистским режимом в Южной Корее с начала 1970-х до начала 1990-х годов (включая сюда период либерализации 1987—1993 годы), завершившееся формированием достаточно устойчивого демократического режима. Впрочем, эти исторические аналогии не являются, как все аналогии, инструментом прогноза, но лишь указанием на спектр сценариев.

Григорий Дурново, Григорий Охотин, Наталия Смирнова, Денис Шедов, Татьяна Ускова, Иван Касьяненко
ОВД-Инфо

РЕПРЕССИИ И РЕПРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ — 2021: ОТ СДЕРЖИВАНИЯ К УНИЧТОЖЕНИЮ

Лето 19-го. Арестован журналист «Медузы» — подкинули наркотики. Журналистское сообщество «становится на уши», на Петровке появляется «пикетная очередь». Поднимается волна общественной солидарности. Люди собираются выходить на несогласованный марш, и вдруг — невиданное ранее дело: журналиста отпускают. Люди все равно выходят на марш, их жестко «винтят», но эйфория накрывает Москву: мы — общество и мы победили. Репрессиям можно противостоять. На этом фоне разворачивается предвыборная кампания независимых кандидатов в Мосгордуму и сопутствующие протесты, а с ними — и задержания с арестами. Полицейское насилие вызывает массовое неприятие горожан, лозунги акций меняются с «допускай» на «отпускай», в поддержку арестованных разворачивается масштабная кампания общественной солидарности, многих арестованных вскоре отпускают на свободу, а на выборах проект Алексея Навального «Умное голосование» приводит к потере «Единой Россией» половины мандатов.

Лето 21-го. На оппозиционных кандидатов в Госдуму возбуждают уголовные дела, их арестовывают. «Медузу» признали «иностранным агентом», издание едва не закрылось. Еще меньше повезло другим СМИ-иноагентам: кто-то вынужден прекращать работу, кому-то приходится вывозить редакцию за границу. ФБК объявлен экстремистской организацией. Чудом выживший после отравления Навальный сидит в тюрьме, остатки его команды — под домашним арестом или в эмиграции. Более 130 человек преследуют по уголовным делам после зимних протестов. Заметных акций солидарности и тем более массовых уличных протестов в поддержку арестованных не наблюдается.

Поиску различий между двумя этими «картинками» посвящена наша статья. Можно ли говорить о качественных изменениях в сфере политических репрессий за эти два года? Можно ли говорить о конкретных триггерах, запускающих волны репрессий, и что это за триггеры? Это все к выборам в Госдуму и потом сойдет на нет, или это навсегда?

1. ОБЪЕКТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕПРЕССИЙ

Преследование противников власти непрерывно нарастает в России уже много лет. Однако в последние два года интенсивность этих атак особенно возросла — серьезное давление испытывают как отдельные оппозиционеры, так и группы людей и организации. Если раньше власти ограничивались недопуском определенных политиков до выборов, то теперь им грозят уголовным преследованием. Политические репрессии затрагивают жизнь все более широкого круга людей — активистов, журналистов, юристов, правозащитников и даже рядовых граждан. Власть вмешивается в их частную жизнь и профессиональную деятельность, лишает возможности голосовать за своих кандидатов, не позволяет выходить на улицы с протестом или поддерживать определенные организации.

Четыре типа политической и гражданской активности наиболее часто вызывают политически мотивированные преследования: 1) участие в выборах и избирательных кампаниях; 2) публичные протесты; 3) распространение информации и публичные высказывания; 4) общественно-политическая деятельность в составе организаций.

Эти типы активности часто взаимосвязаны, поэтому конкретные преследования могут относиться к нескольким категориям одновременно. В частности, преследование Алексея Навального и его структур можно отнести ко всем четырем.

Участие в выборах и избирательных кампаниях

В последние годы выборы не раз становились в России поводом для преследований. Но если летом 2019 года оппозиционных кандидатов не пускали на выборы в Мосгордуму просто с помощью отказа в регистрации, а особо активных для устрашения многократно арестовывали по административным статьям, то к лету 2021 года отдельные оппозиционеры и политические организации, члены которых могли претендовать на участие в выборах, сталкиваются с более весомой угрозой — уголовным преследованием уже на этапе, предшествующем регистрации.

Использование уголовного преследования как инструмента против потенциальных кандидатов на выборах начинается летом 2020 года, когда были заведены уголовные дела против московского муниципального депутата Юлии Галяминой и популярного левого политика Николая Платошкина. Оба получают условные сроки, но при наличии судимости не могут участвовать в выборах. С весны 2021 года эта практика набирает обороты. Дела заводят превентивно, чтобы не допустить даже начала предвыборной кампании. Под

стражу взят бывший директор «Открытой России» Андрей Пивоваров (дело о «нежелательной организации»); уголовное преследование начато в отношении бывшего депутата Думы Дмитрия Гудкова (дело о причинении ущерба Департаменту имущества Москвы)— ему пришлось покинуть страну; под домашним арестом депутат петербургского Законодательного собрания Максим Резник (дело о приобретении наркотиков); московский муниципальный депутат Кетеван Хараидзе стала фигурантом дела о мошенничестве; бывший координатор московского штаба Навального Олег Степанов осужден по по «санитарному делу». Другая обвиняемая по этому делу, продюсер YouTube канала “Навальный LIVE” Любовь Соболь, осужденная судом и приговоренная к домашнему аресту, покинула Россию.

Заблокирована возможность участия в предвыборной кампании не только для отдельных лиц, но и для организаций и всех их членов. В апреле прокуратура Москвы потребовала признать ряд структур Навального (включая ФБК и региональные штабы) экстремистскими организациями. А принятый в июне законопроект запретил участвовать в любых выборах людям, причастным к экстремистским организациям. Закон закрывает легальные возможности участвовать в политике для массы бывших координаторов и рядовых сотрудников штабов Навального, поскольку имеет обратную силу — пассивного избирательного права лишаются те, кто занимал руководящие должности в организации за три года до запрета или участвовал в ее деятельности за год до запрета.

Давлению подвергается не только непосредственно «команда Навального». Илье Яшину отказали в регистрации на довыборах в Мосгордуму, ссылаясь на новый закон и на решение о признании структур Навального экстремистскими (хотя решение суда к этому моменту еще не вступило в силу) Подобным образом поступил и Псковский избирком, сняв с выборов в областное Собрание Льва Шлосберга и Николая Кузьмина, расценив их участие в протестных акциях января 2021 года как связь со структурами Навального.

Явное недовольство властей вызывает придуманный командой Навального проект «Умное голосование», направленный против кандидатов «Единой России». В мае 2021 года YouTube пригрозил блокировкой нескольких оппозиционных каналов из-за ссылок на «Умное голосование»: по мнению журналистов, администрация хостинга таким образом выполняет требование Роскомнадзора. А в июне это ведомство потребовало от Google заблокировать сайт «Умного голосования». Проект упоминается и в решении Московского городского суда, признавшего структуры Навального экстремистскими.

В июне 2021 года на три месяца была приостановлена государственная регистрация партии «Парнас», это произошло вскоре после утверждения ЦИК списка партии к выборам в Госдуму. Минюст объяснил принятые меры «техническими недочетами» в документации. В СМИ сообщалось о том, что причиной могла стать связь партии с ФБК и «Открытой России». Ранее, в марте был сорван съезд независимых муниципальных депутатов, одной из целей которого организаторы называли объединение усилий для «улучшения системы политического представительства перед выборами в Госдуму». Полиция задержала около 200 человек, на всех составили протоколы по статье КоАП об осуществлении деятельности «нежелательной организации»[17]. Вторая попытка — провести Земский съезд в Великом Новгороде — также была сорвана: задержали всего четверых участников, но мероприятие провести не удалось, а на всех присутствовавших составили протоколы о невыполнении правил поведения в чрезвычайной ситуации.

Движение в защиту прав избирателей «Голос» опубликовало в июне 2021 года доклад, в котором говорится, что «количество граждан, которым государство запрещает баллотироваться на выборах, составляет не менее 9 млн человек, то есть около 8 % от общего числа избирателей». Это, в первую очередь, те, кто обладает вторым гражданством или видом на жительство, а также осужденные по целому ряду уголовных и административных статей. «Число осужденных по традиционно “политическим” составам не так велико. Однако именно по ним проходят тысячи политических активистов, участников митингов, волонтеров политических штабов и т. п., то есть наиболее активные в политическом плане граждане страны», — говорится в докладе. Доклад готовился до принятия «экстремистского» законопроекта, который еще более расширил число не допущенных до выборов граждан.

Преследованию подвергаются не только потенциальные кандидаты, но и те, кто готовит наблюдателей на выборах: так, в сентябре 2020 года в Нижнем Новгороде задерживали участников тренинга наблюдателей.

По всей видимости, одной из причин, по которой власти стали более жестко «отсекать» оппозиционных политиков от выборов, стали акции протеста в Москве в 2019

[17] Формальным основанием стало то, что один из анонсов мероприятия опубликовала бывший координатор движения «Открытая Россия» (которое, в отличие от одноименных британских структур, не признано «нежелательной организацией»). Представители проекта «Объединенные демократы», организовавшего мартовский съезд, и ранее подвергались преследованиям — так, в сентябре 2020 года в ряде регионов у них прошли обыски — формально в рамках дела нефтяной компании ЮКОС, связанного с приватизацией компании «Апатит» в 1994 году.

году, связанные с борьбой за допуск к выборам в Мосгордуму независимых кандидатов, и в Хабаровске в 2020 году — связанные с арестом популярного губернатора Сергея Фургала, избранного в 2018 году вопреки воле Кремля.

Публичные протесты

С 2012 года российские власти ведут систематическую борьбу с уличными протестами, регулярно ужесточая законодательство в сфере свободы собраний. Всероссийские протестные акции, прошедшие без согласования, теперь редко обходятся без возбуждения уголовных дел, не говоря уже о многочисленных задержаниях. По традиции (заведенной еще с «Болотного дела») участникам протестных акций регулярно вменяют применение насилия к представителю власти (ст. 318 УК). При этом в большинстве случаев насилия со стороны протестующих либо не наблюдается, либо к нему прибегают для самозащиты или защиты других от насилия со стороны полицейских. Последние за все эти годы ни разу не понесли ответственности за жестокость по отношению к протестующим.

Акции в поддержку арестованного губернатора Хабаровского края Сергея Фургала поначалу нехарактерным образом обходились без задержаний, хотя и не были согласованы. Однако вскоре участников протестов стали задерживать в промежутках между акциями и возбуждать административные дела; было и несколько уголовных дел — впрочем, большую их часть прекратили. Всего с 11 июля по 1 декабря 2020 года ОВД-Инфо зафиксировал в Хабаровском крае 64 задержания в ходе 15 мероприятий в поддержку Сергея Фургала, из них 12 приходятся на лето 2020 года и 52 — на осень. Но почти вдвое больше задержаний (121) приходится на временные промежутки между протестными мероприятиями[18]. При этом с начала протестов в июле до конца ноября 2020 года в Хабаровском крае только по статье о нарушениях на публичных мероприятиях (статья 20.2 КоАП) были заведены 489 дел. На сегодняшний день известно как минимум о девяти уголовных делах, возбужденных в Хабаровском крае и других регионах, прямо или опосредованно связанных с протестами в поддержку Фургала: пять из них прекратили (но проверку по одному из них позже возобновили), по одному делу вынесен приговор с лишением свободы, два дела рассматриваются в суде, по одному идет следствие.

[18] Всего по стране задержания на акциях в поддержку Фургала зафиксированы в 23 регионах — 212 задержаний на 55 мероприятиях.

Опыт 2019 и 2020 годов показал, что в некоторых случаях борьба за природу или за сохранение городского пространства могут даже увенчаться успехом (хотя и задержания, и уголовные дела здесь тоже случаются), как, например, выступления против строительства мусорного полигона на станции Шиес в Архангельской области, протесты в Екатеринбурге против строительства храма Святой Екатерины или защита горы (шихана) Куштау в Башкортостане. Однако во время пандемии во многих регионах, включая Москву и Санкт-Петербург, публичные акции оказались фактически вне закона и остались таковыми, даже когда другие мероприятия — например, спортивные или культурно-развлекательные, — уже давно разрешили[19]. Постепенно все формы протеста, включая одиночные пикеты и даже “кибермитинги” (акции, которые проводят на интернет-картах), становятся поводом для преследования — как минимум административного.

К 2021 году граждане России фактически оказались в ситуации тотальной невозможности провести уличную акцию: власти ничего не согласовывают (ссылаясь на эпидемиологическую ситуацию), а без согласования безопасно невозможно провести даже одиночный пикет. И даже если акция проходит без массовых задержаний, это не значит, что позже полиция не придет к протестующим домой.

В этой ситуации реакция властей на протесты в поддержку Навального была беспрецедентно жесткой: ОВД-Инфо известно о более 11 тыс. задержанных на акциях января-февраля 2021 года, а российские власти отчитались о более 17 тыс. задержаний. Еще одним свидетельством ужесточения преследований за участие в протестах стала доля административных арестов среди других наказаний задержанным на акциях. В Москве зимой 2021 года по результатам рассмотрения первых двух тысяч «митинговых» административных дел (статья 20.2 КоАП о нарушении порядка проведения публичных мероприятий) в 43 % случаев суды наложили арест, в 56 % — штраф[20]. Для сравнения — в течение 2019 года доля арестов по статье 20.2 КоАП в Москве составила всего 4 % от всех обвинительных постановлений. Московские и петербургские спецприемники после

[19] Известно как минимум об одном массовом деле во Владикавказе, которое возбудили из-за народного схода противников антиковидных мер. По неподтвержденным данным, в деле десятки обвиняемых, но информации о них крайне мало. Наконец, в течение 2020 и 2021 годов продолжались преследования по следам протестов в Ингушетии в марте 2019 года: более 30 фигурантов, обвиненных опять же в применении насилия к представителям власти, приговорили к срокам от пяти месяцев до трех с половиной лет (этот срок получил обвиняемый в подстрекательстве к применению насилия), суд над предполагаемыми организаторами еще идет.

[20] В соответствии со сложившейся практикой аресты применяются прежде всего в первые дни после задержаний, в отношении тех, кого оставили на ночь в отделах, поэтому, возможно, доля арестов по статье 20.2 КоАП за весь 2021 год в итоге будет ниже.

задержаний в январе 2021 года были переполнены, и многих арестованных отправляли либо в Центр временного размещения иностранных граждан (в Москве), либо в следственные изоляторы (Петербург), а также в областные спецприемники. Многократно увеличивается и число уголовных дел: в 2021 году дела, прямо или опосредованно связанные с протестами января-апреля, возбуждены против не менее 134 человек в 35 регионах, в то время как в связи с протестами июля-августа 2019 года уголовные дела были возбуждены против 36 человек (см. **таблицу 1**).

Таблица 1. Статистика преследований участников крупных протестных акций в 2012—2021 годах, количество человек

	6.05.2012	**26.03.2017**	**27.07.2019**	**23.01.2021**	**31.01.2021**	**02.02.2021**	**21.04.2021**
Задержаны	> 600	> 1500	1373	> 4000	5754	1512	> 2300
Возбуждены уголовные дела в отношении	36	10	25	98	30	2	4
Из них:							
осуждены с реальным сроком	19	7	9	11	4	0	0
осуждены с условным сроком	2	3	4	10	9	0	0

Преследования в связи с акциями 2021 года еще продолжаются, в таблице они выделены серым цветом.

За прошедшие два года существенно расширился список статей Уголовного кодекса, которые власти применяют для преследования активистов и участников протестных акций. В 2021 году впервые протестующих обвинили в нарушении санитарно-эпидемиологических правил с применением статьи о подстрекательстве (ч. 4 ст. 33 и ч. 1 ст. 236 УК). По версии следствия, они публиковали призывы к участию в «незаконном протесте», не учитывая эпидемиологическую ситуацию, и создали опасность заражения. Еще одной «новой» статьей стало вовлечение несовершеннолетних в опасную для их жизни деятельность (ст. 151.2 УК). По ней возбудили дела против бывшего координатора штабов Навального Леонида Волкова, анонсировавшего протестные акции, а также против редакторов

студенческого журнала DOXA (поводом стал материал о том, что студентам не стоит бояться угроз отчислений за участие в митингах).

Появляются сообщения о массовых увольнениях — например, сотрудников Департамента транспорта Москвы и Московского метрополитена, зарегистрировавшихся на сайте «Свободу Навальному!» для последующего участия в акции. Кроме того, студенты, участвующие в протесте или активистской деятельности, регулярно сталкиваются с угрозами отчисления (в некоторых случаях и с самим отчислением), а власти требуют от вузов предоставлять информацию о политической активности учащихся.

Наконец, существенно увеличилось препятствование защите протестующих. Во многих отделах полиции Москвы, а иногда и других городов во время зимних акций протеста вводили так называемый план «Крепость», хотя формально объявлять его могут лишь в случае вооруженного нападения на отдел или соответствующих учений. «Крепость» массово использовалась для того, чтобы не пускать в отделы адвокатов и юристов: например, разносчиков пиццы туда пускали без проблем, и никакие меры, положенные при вооруженном нападении, никто в отделах не принимал.

Распространение информации и публичные высказывания

Преследования за высказывания и цензура — неотъемлемая часть картины политических репрессий в России последних лет. В этой сфере можно выделить два направления: 1) преследование блогеров, активистов и рядовых граждан за высказывания и 2) давление на СМИ. К августу 2021 года власти нанесли серьезный удар по нескольким неподконтрольным изданиям и продолжают создавать препятствия для работы независимых журналистов. Все шире используется инструмент блокировки нежелательной информации в интернете.

Существенной частью преследований по следам акций за последние два года, как уже было упомянуто, стали репрессии за анонсы мероприятий в соцсетях: с 2018 года они систематически приравниваются к «организации» мероприятия. Анонсы акций все чаще становятся поводом для арестов накануне их проведения (таким образом власть, видимо, стремится обезглавить протест, лишая свободы региональных активистов), а также для возбуждения уголовных дел. У ряда людей, ставших фигурантами дел о неоднократном нарушении порядка проведения публичных мероприятий (статья 212.1 УК), высказывания в соцсетях попадают в материалы дела.

Как и раньше, в 2019—2021 годах широко применяются статьи КоАП о распространении экстремистских материалов (по этой статье с сентября 2019 по июнь 2021 года в суды поступили 2279 дел) и о публичном демонстрировании символики запрещенных организаций (3200 дел). Активно применяется и статья 205.2 УК о публичном оправдании терроризма: при этом около 30 дел по ней возбудили из-за высказываний в связи с взрывом в архангельском УФСБ 31 октября 2018 года.

Новый смысл в 2020 году приобрела статья 13.15 КоАП о злоупотреблении свободой информации, а точнее ее 9-я часть — о «фейк-ньюс»[21]. По данным ОВД-Инфо, с марта 2020 по июнь 2021 года в суды подали около 150 дел по этой части статьи (как минимум 22 из них прекратили). В ряде случаев поводом для возбуждения дела стало распространение информации о пандемии коронавируса, которая в отсутствии надежных сведений действительно могла быть недостоверной. Помимо административной, появилась и уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК). Статья появилась в Уголовном кодексе 1 апреля 2020 года, и уже через две недели было известно о 12 делах по ней. За сообщения о положении дел в больницах, в частности о нехватке оборудования, или за распространение слухов о различных мерах борьбы с новой болезнью преследованиям подверглись блогеры и журналисты. Впрочем, дела о «фейк-ньюс» возбуждают не только в связи с коронавирусом. Из последних поводов — эфир о «дворце Путина»; сообщение о задержании и госпитализации шамана Габышева, отправившегося в пеший поход с целью свергнуть президента, статья в «Новой газете» о подготовке провокаторов на протестах.

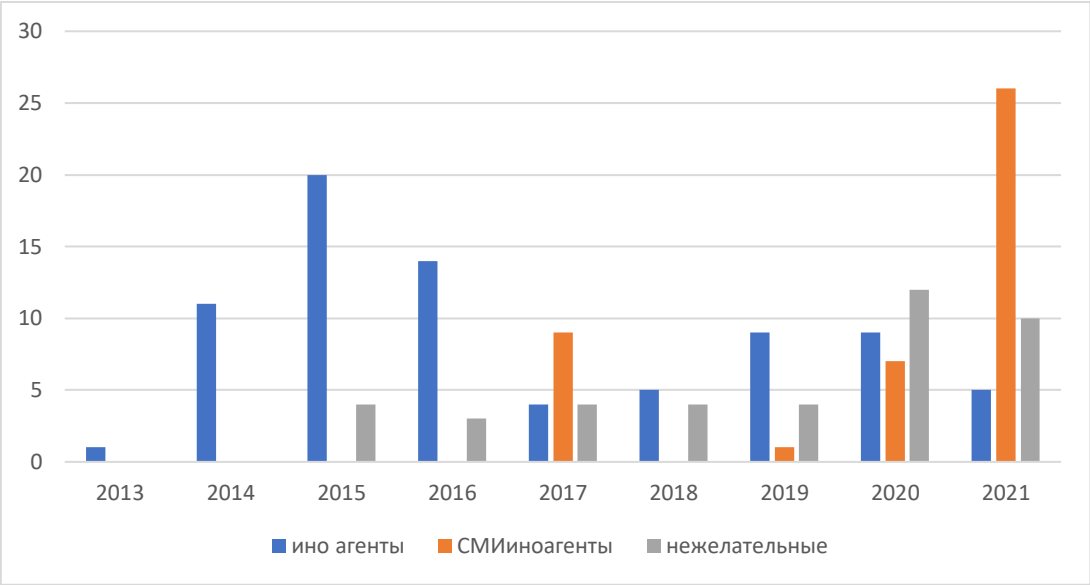
С ноября 2019 года активизируется практика объявления СМИ «иностранными агентами» (см. **график 1**). На конец июля в соответствующем реестре — 18 юридических лиц, включая «Радио Свобода» и его проекты, телеканал «Дождь», издания Meduza, VTimes и The Insider, а также 25 физических лиц — трое журналистов одного из проектов «Свободы» («Север.Реалии»), правозащитник Лев Пономарев, гражданская активистка и акционистка Дарья Апахончич, а также журналисты, сотрудничающие с изданием «Проект»

[21] «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры…».

и «Открытые медиа» и другие. Причем, бóльшая часть списка (26 позиций из 43) — пополнение с апреля по август 2021 г. Издание VTimes объявило о закрытии. «Радио Свобода» подвергают миллионным штрафам за отказ маркировать свои материалы в соответствии с требованием законодательства об «иностранных агентах». Роскомнадзор еще в начале апреля отчитался о составлении почти 400 протоколов в отношении радиостанции и ее гендиректора. Закрылось и издание Newsru.com; прямого давления оно испытать не успело, однако в объявлении о закрытии говорится, что «экономические причины» вызваны «политической ситуацией»: рекламодатели стали «особенно опасаться» работать с изданием в 2021 году.

Прецедентным стало объявление компании-издателя расследовательского медиа «Проект» «нежелательной организацией», а нескольких журналистов этого издания — «СМИ-иностранными агентами»: в результате большинство журналистов вынуждены были уволиться. В контексте объявления нежелательными еще нескольких иностранных организаций, связанных с Михаилом Ходорковским, в начале августа были заблокированы сайты центра «Досье», «Открытых медиа» и «МБХ-медиа» - два последних СМИ после этого объявили о закрытии. В результате признания нежелательной организацией пражской НКО закрылся российский медийно-правозащитный проект «Команда 29».

График 1. Динамика пополнения списков организаций и СМИ, отнесенных к иноагентам и нежелательным организациям, по данным Минюста



Общественно-политическая деятельность в составе организаций

В 2021 году власти фактически поставили вне закона ряд крупных общественных организаций и групп. В первую очередь речь идет о структурах Алексея Навального: в июне его штабы и основанный им Фонд борьбы с коррупцией признали экстремистскими организациями (ранее, после протестов 2019 года, Фонд борьбы с коррупцией признали «иностранным агентом»; Минюст объяснил это тем, что сотрудники фонда «осуществляют попытки влияния на органы государственной власти, принимают участие и организовывают митинги и шествия»). Если это и не ставит соратников Навального полностью вне закона (хотя фактически ситуация может развиться и таким образом), то, по крайней мере, существенно затрудняет политическую деятельность бывших сотрудников. Штабы и ФБК прекратили работу еще до решения суда[22].

Прекратить существование в 2021 году было вынуждено и движение «Открытая Россия». Это не помешало властям начать уголовное преследование его бывшего директора Андрея Пивоварова по статье о деятельности «нежелательной организации». Несмотря на то, что «Открытую Россию» на территории России «нежелательной организацией» никогда не признавали, с 2019 года возбудили по меньшей мере девять уголовных дел против ее бывших членов и людей, предположительно с ней связанных (одно было прекращено). Следствие утверждало, что все фигуранты причастны к деятельности одноименной британской организации, включенной в список «нежелательных». На данный момент двое обвиняемых, включая Пивоварова, находятся под стражей, два человека приговорены к обязательных работам, один к условному сроку, еще один — в розыске. Поводом же для прекращения деятельности «Открытой России» стал пакет законопроектов, ужесточающих наказание за сотрудничество с «нежелательной организацией»: в частности, он позволит возбуждать уголовные дела против участников таких организации при наличии лишь одного судебного решения по аналогичному

[22] Надо отметить, что все это время продолжаются давно ставшие рутинными процессы по делам о причастности к экстремистским и террористическим организациям, в рамках которых сотни людей на основании лишь формальной (и не всегда очевидным образом доказанной) принадлежности к религиозным организациям (Свидетели Иеговы, «Таблиги Джамаат») или партии («Хизб ут-Тахрир») приговаривают к лишению свободы. А в случае, когда речь идет о террористической организации («Хизб ут-Тахрир») — к огромным срокам в колониях строгого режима.

административному делу (а не двух, как сейчас), а для руководителей — вообще без наличия таких решений.

Особого размаха достигла в 2020—2021 годах практика признания организаций «нежелательными». Если в 2015—2019 годах в соответствующий реестр были включены 19 организаций, то в 2020 году к ним были добавлены 12 организаций, а в июле 2020 года – еще 10[23] (см. **график 1**). В основном это американские и европейские организации, занимающиеся поддержкой демократии и гражданского общества, просветительские и медийные проекты, например, «Проект Медиа» и «Оксфордский российский фонд», а также семь организаций, связанных с последователями китайской духовной практики «Фалуньгун».

Реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранных агентов», в период с осени 2019 по лето 2021 года увеличился на 20 позиций (в целом за 2019—2021 годы список увеличился почти на 50 % — с 55 до 78 позиций). Теперь в списке есть, среди прочих, Фонд борьбы с коррупцией, фонд «Правовая инициатива», Фонд защиты прав граждан (созданный Навальным незадолго до признания ФБК «иностранным агентом»), Центр «Насилию.нет», Институт права и публичной политики. СМИ обязали сопровождать упоминания этих организаций текстом о том, что они внесены в соответствующий реестр. Правозащитный центр «Мемориал» и «Международный Мемориал», а также людей, занимающих руководящие посты в этих организациях, подвергли миллионным штрафам за отсутствие положенных по закону маркировок.

2. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

Новые методы: персонализация, нависшая угроза, финансовое давление, атака на адвокатуру

Несмотря на широкий арсенал инструментов политических преследований, которым уже располагали власти к лету 2019 года, в течение двух прошедших лет в практику было введено несколько инновационных механизмов. На наш взгляд, в это время политические преследования стали все глубже проникать в частную жизнь граждан, а их

[23] Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

совокупность создает эффект перманентной опасности для неопределенно большого круга лиц, и все они направлены на подавление общественной солидарности.

Так, с декабря 2019 года появилась возможность вносить в реестр СМИ-иноагентов физических лиц. Помимо стигматизации, репрессивный механизм такого включения состоит в распространении на физических лиц обязанности два раза в год предоставлять отчетность о доходах и расходах, для физлиц СМИ-иноагентов — обязанность зарегистрировать в России юридическое лицо, а также повышенные риски привлечения к уголовной ответственности за нарушение какого-либо из многочисленных правил и ограничений.

Изменение методов можно увидеть и в сфере свободы собраний. Речь идет о массовых задержаниях протестующих уже после акций. Широкое распространение эта практика получила после протестов в Хабаровске осенью 2020 года и протестов 21 апреля 2021 года. В Москве на самой акции задержали около 30 человек, зато впоследствии сотни людей столкнулись с неожиданными визитами полицейских и вызовами на составление протоколов; в Хабаровске задержанных между протестными мероприятиями было вдвое больше, чем на самих акциях. Основным доказательством в таких делах становилась видеозапись, на которой полицейские якобы опознали конкретного человека. Предположительно, эта методика основывается на использовании технологий распознавания лиц с записей камер городского наблюдения.

Еще один пример репрессивных инноваций — новые методы финансового давления. В дополнение к постоянно растущим штрафам и списку террористов и экстремистов Росфинмониторинга, включение в который влечет за собой поражение в правах, становятся популярными взыскания убытков и морального вреда с оппозиционеров. После лета 2019 года стало известно про несколько подобных исков к организаторам и участникам протестов от Мосгортранса, ресторанов и полиции. В 2021 году эту практику переняли другие регионы: в Кемеровской, Кировской, Омской, Челябинской, Пензенской, Ярославской областях МВД требует у предполагаемых организаторов январских протестов компенсировать выплату внеурочных полицейским, которым пришлось задерживать мирных протестующих в выходные. Продолжается и практика судебных исков героев коррупционных расследований, требующих многомиллионных компенсаций с расследователей.

Растет число случаев увольнений и отчислений, а также других способов давления на работе и в учебных заведениях за проявление гражданской активности. Серьезным

образом затрагивает частную жизнь и практика массовых обысков у свидетелей и фигурантов «политических» уголовных дел. Распространяется практика «семейных» преследований: к известному случаю Олега Навального добавилось отдельное дело против отца бывшего директора ФБК Ивана Жданова (о превышении полномочий в Архангельской области), а по делу Дмитрия Гудкова проходит обвиняемой также его тетя. Такое сильное вторжение в частную жизнь, давление на близких и родственников, постоянные риски — все это существенно снижает способность общества противостоять репрессиям.

Репрессивные новации последних двух лет увеличивают ощущение постоянной опасности. Яркий пример — задержания постфактум: административные дела за участие в несогласованных акциях можно возбуждать в течение года, т. е. в течение этого времени полицейские могут задержать участников митинга, оштрафовать или даже арестовать. Объявление экстремистскими организациями ФБК и штабов Навального также создает ощущение опасности для неопределенно большого числа людей. Вследствие размытых формулировок законов и судебных актов, непредсказуемого правоприменения жертвами преследований могут стать бывшие сотрудники, волонтеры и даже жертвователи этих организаций. Само по себе ощущение неопределенности и страха становится важным инструментом цензуры и сдерживания гражданской активности.

В 2019 году наблюдался всплеск репрессивной активности различных «непрофильных» ведомств — военкоматов, органов опеки и т. д. Подобные случаи бывали и ранее, но после летних протестов 2019 года, кажется, их стало больше. Например, массовые вызовы в военную прокуратуру после задержаний летом 2019 года отмечал правозащитный проект «Гражданин и армия». В декабре 2020 года к участнице протестных акций в Хабаровске приходил инспектор по делам несовершеннолетних, чтобы взять объяснение, с кем остаются ее дети, когда она ходит на митинги.

Если раньше преследования скорее касались отдельных людей, групп или организаций, то теперь их целью становится сама общественная солидарность. Размытие границ репрессий и тревога, которую вызывают неопределенные риски, приводят к тому, что общество оказывается все менее способно на совместные действия, поддержку и отпор давлению государства.

Все чаще жертвами преследований становятся те, кто обычно помогают защититься от них — юристы и адвокаты. В 2018 году было возбуждено дело против краснодарского адвоката Михаила Беньяша: его обвинили по уголовной статье о причинении вреда

полицейским после приезда в отдел полиции, чтобы защищать задержанных на акции[24]. В 2021 году имели место задержание, избиение и административный арест адвоката Мансура Гильманова по статье о неповиновении законному требованию полицейского и возбуждение уголовного дела против адвоката Ивана Павлова по статье о раскрытии тайны следствия. По мнению многих правозащитников, это дело — форма политического давления, которое на Павлова оказывают за его правозащитную деятельность.

Еще один фактор, который влияет на способность общества к солидарности, — это заметность репрессий. Менее заметными репрессии делает, например, недопуск защитников в отделы полиции, задержания активистов между акциями постфактум, обыски и допросы, проходящие рано утром или по ночам, и, конечно же, давление на СМИ и социальные сети. В 2021 году Роскомнадзор опробовал на соцсети Twitter технологию замедления интернет-сервисов в ответ на распространение «противоправного контента» (это стало возможным после принятия в конце 2019 года закона о «суверенном интернете»); а с февраля 2021 года соцсети должны блокировать запрещенную информацию, в том числе о несогласованных акциях. Непрозрачность преследований позволяет скрывать их масштаб. О многих фигурантах «дворцового дела» почти ничего неизвестно, кампания их общественной поддержки очень слаба по сравнению с 2019 годом, а региональные силовые ведомства массово отказываются давать какую-либо информацию правозащитникам и журналистам.

Законодательные новации

Расширение круга потенциальных жертв преследований идет за счет принятия новых уголовных и административных статей, либо адаптации под репрессивное правоприменение старых. В рамках «дворцового дела»[25] больше сотни людей обвиняются по более чем 20 различным статьям Уголовного кодекса. Помимо «традиционного» причинения физического вреда представителям власти, имеют место «инновационные» — перекрытие дорог, нарушение санитарных норм и правил, вовлечение несовершеннолетних, уклонение от воинской службы и многое другое. Власти провели серьезную работу по адаптации уголовного законодательства к новому витку

[24] В октябре 2019 года Беньяша приговорили к штрафу в 30 тыс. рублей. В феврале 2021 года суд апелляционной инстанции отправил дело на пересмотр. В июне с адвоката неожиданно взяли подписку о невыезде.

[25] Условное название для десятков уголовных дел, возбужденных по следам акций в поддержку Навального в январе, феврале и апреле 2021 года; подробнее: https://palace.ovdinfo.org/

преследований. Например, в конце 2020 года в скоростном режиме были приняты поправки в статьи о хулиганстве и нарушении функционирования транспортной инфраструктуры: появились новые составы, а наказание можно получить теперь не только в случае причинения реального вреда, но и в ситуации создания «угрозы». Появление наказаний за «угрозы» наступления негативных последствий сразу в нескольких статьях Уголовного кодекса (ст. 236 — нарушение санитарно-эпидемиологических правил, ст. 267 УК — приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения) — яркий пример создания новых инструментов репрессий. После зимних протестов в поддержку Навального по 276 статье преследуются не менее 23 человек[26].

Развитие также получила практика задваивания административных и уголовных составов. В настоящее время распространение недостоверной информации, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, препятствие движению транспорта и многое другое может стать предметом как уголовного, так и административного преследования. Такая ситуация позволяет правоприменителям самим выбирать инструмент репрессии в каждом конкретном случае.

Действие многих статей проявляется не сразу, а со временем: статьи против фейк-ньюс появились в 2019 году, но активно стали применяться в 2020-м[27]. Появившийся в 2018 году запрет определенных действий в качестве новой уголовной меры пресечения, должен был стать альтернативой более жестким ограничениям вроде ареста. В действительности, «запрет действий» в ряде случаев используется для создания условий домашнего ареста. Так, четырем журналистам издания DOXАвесной 2021 года суд запретил определенные действия (выходить из дома, общаться с кем-то кроме родственников и адвокатов, пользоваться интернетом). При этом запрет определенных действий подается как более мягкая мера пресечения, привлекает меньше внимания к своей репрессивности.

Изменение подсудности по митинговым делам (теперь они рассматривают дела не по месту задержания, а по месту доставления)[28], увеличивающее пропускную способность

[26] По данным на 18 мая 2021 года. Подробнее см.: https://ovdinfo.org/reports/zakonoproekt-bez-podvoha#1

[27] В 2020 году были приняты новые поправки, предусматривающие наказания за недостоверную информацию.

[28] Этот процесс растянулся на несколько лет. В разных регионах, например, в Санкт-Петербурге, периодически наблюдалась подобная практика. Повсеместной она стала после постановления Пленума ВС от 26 июня 2018 года № 28.

судов, было использовано и в создании механизма ответственности за нарушение самоизоляции карантинных норм.

Новые ограничения в период пандемии

С марта 2020 года в России вводятся ограничительные меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Эти меры оказали влияние и на характер репрессий: например, упомянутое выше развитие средств слежения и видеонаблюдения. Практически любая ситуация может использоваться государством для подавления гражданской активности. На примере пандемии мы можем продемонстрировать «полный цикл» создания инструментов преследования, их применение и перспективы последующего использования.

На первых порах новое регулирование предусматривало существенное ограничение передвижения, вплоть до полного запрета выходить на улицу. Почти повсеместно были запрещены или ограничены публичные мероприятия. Под запретом оказалась и информация о пандемии, не соответствующая официальным данным (см. выше о законодательстве о «фейк-ньюс»). В крупнейших городах России, Москве и Санкт-Петербурге, с марта 2020 года и до сих пор запрещены любые протестные акции, включая одиночные пикеты. Коронавирус активно использовался и для ограничения протеста и иных форм гражданской активности, и для обоснования жестких мер преследования (ср. упоминавшееся «санитарное дело»)[29]. При этом карантинные ограничения носят дискриминационный характер. Во время полного запрета на проведение протестных акций, зрители Евро—2020 свободно допускались на матчи чемпионата в Санкт-Петербурге.

Многие суды ограничили доступ слушателей и прессы на заседания, а в некоторых случаях в суды не могли попасть ни юристы, ни даже сами стороны процесса. Получила развитие практика онлайн-заседаний с использованием незащищенных и нестабильных каналов связи, нередко такие процессы проходили с нарушением процессуальных норм и правил. В результате людям стало сложнее отстаивать свои права, а сам процесс стал менее гласным[30].

---

[29] Статья 20.6.1. КоАП «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения», а также специальные статьи региональных законов об административных правонарушениях.

[30] Подробнее о проблемах работы судов в период пандемии см.: https://ovdinfo.org/reports/rossiyskie-sudy-obshchey-yurisdikcii

Само нормотворчество также приобрело карантинный отпечаток: наказания за нарушение самоизоляции, санитарных норм, а также распространение недостоверной информации были приняты Госдумой и подписаны президентом всего за один день. В конце 2020 года законодатели в течение нескольких недель приняли большое количество запретительных законов, ограничивающих собрания, ассоциации, просветительскую деятельность. Верховный суд и иные правоприменители своими интерпретациями расширяют и без того размытые положения законов.

Пандемия отчетливо показала слабость существующих гарантий прав и свобод. В одночасье были ограничены гласность судопроизводства, свобода собраний и выражения, свобода передвижения, упрощен законодательный процесс.

3. ПУБЛИЧНАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И РЕПРЕССИВНЫХ ПРАКТИК

Борясь с распространением информации через соцсети, независимые СМИ и адвокатов, власти предлагают альтернативную картину происходящего: в современной России нет политических репрессий, нет политически мотивированных уголовных дел и политических заключенных. Есть «меры, принимаемые полицией в отношении нарушителей закона». Именно так охарактеризовал многотысячные задержания протестующих в январе-феврале 2021 года пресс-секретарь президента Дмитрий Песков. В России 2021 года «никто не закрывает СМИ», «не вводит санкции против своих же граждан только за то, что у них есть определенные нюансы или различия с правительством, президентом» (Песков, февраль 2021 года); политическое поле «богатое и многообразное» (Песков, май 2021 года), «оппозиция работает открыто, кстати говоря, и внесистемная» (Президент РФ Владимир Путин, июнь 2021 года).

Действия властей оправдываются «незаконностью» действий их оппонентов. В официальной риторике транслируется образ протестующих как агрессивных «хулиганов», нападающих на стражей порядка и устраивающих массовые беспорядки. Отдельных политических оппонентов обвиняют в финансовых махинациях (в том числе с пожертвованиями НКО) или в распространении наркотиков. Таким образом, власти представляют преследование как не связанное с политической деятельностью и оправдывают их жестокость («Даже когда сотрудники органов внутренних дел применяют, прямо скажем, репрессивные меры государственные к тем, кто преступает закон, люди

видят, что это делается в интересах всего общества», — говорил Путин в 2016 году, обращаясь к представителям МВД). Инакомыслящих относят либо к агентам иностранного влияния, либо к некой инфантильной массе, которую намеренно «вовлекают» или подкупают «провокаторы» и «подстрекатели». Среди протестующих усматривают иногородних или иностранных граждан, подчеркивается количество несовершеннолетних участников, которые, как утверждается, легко подвергаются «вовлечению»" и «манипуляциям». Аналогичным образом, по мнению властей, обманывают и сотрудников некоммерческих организаций, получающих зарубежное финансирование: они могут считать, что «решают задачи, стоящие перед нашим обществом», не учитывая, что «те, кто им платит, как правило, руководствуются другими целями: не укрепление России, а сдерживание», — говорил Путин в декабре 2020 года.

Все новые и новые законодательные ограничения объясняются «национальными интересами» и необходимостью защищать общество и государство от тех или иных внутренних и внешних угроз. Здесь звучит одновременно несколько мотивов: (1) защита прав «добропорядочных» граждан на проход и проезд, безопасную прогулку с детьми или санитарную безопасность во время пандемии; (2) защита исторической памяти, «традиционных семейных ценностей», «чувств верующих»; (3) борьба с терроризмом, экстремизмом, предотвращение угрозы беспорядков или революции; (4) защита суверенитета, противостояние «инспирированию цветных революций»; (5) защиты от опасных действий и влияний детей и молодежи.

Власти ссылаются на международный опыт, подчеркивая, что ограничительные законы и практики не являются исключительными и необходимы, чтобы не допустить того, что происходит в других странах. В некоторых случаях введение ограничений объявляют «зеркальной ответной мерой на действия Запада». Например, ужесточение закона о СМИ — иностранных агентах в 2019 году объясняли давлением на канал Russia Today в США.

Эта «картина реальности», сложившаяся уже к 2019 оду, все глубже укореняется в правоприменительной практике и нормативных актах. В 2021 году к «экстремизму» начинают относить распространение информации о несогласованных акциях, к «иностранному вмешательству» приравнивают «призывы со стороны лиц, аффилированных с организациями, выполняющими функции иностранных агентов», а к «антироссийской пропаганде» — продвижение «умного голосования». Выходы на несогласованные митинги с детьми, как и публикация ролика о незаконности отчисления из университета из-за участия в протестах, приравниваются к «вовлечению

несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющее опасность для его жизни».

В мае 2020 года Путин утвердил «Стратегию противодействия экстремизму …», с которой должны соотносить свои действия и законодатели, и исполнительные власти всех уровней. Несогласованные акции в Стратегии отнесены к «наиболее опасным проявлениям экстремизма». Среди внешних угроз упомянуты «инспирирование цветных революций», «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также «случаи умышленного искажения истории». «Значительное негативное влияние на ситуацию в стране оказывает деструктивная деятельность некоторых иностранных организаций и подконтрольных им российских объединений, осуществляемая в том числе под видом гуманитарных, образовательных, культурных, национальных и религиозных проектов, включая инспирирование протестной активности населения с использованием социально-экономического, экологического и других факторов», — говорится в Стратегии.

В новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной в июле 2021 года, также усиливается, по сравнению с прежней, акцент на внешние угрозы и попытки других стран вмешиваться во внутренние дела России. Большое значение придается сохранению «традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» и борьбе с «насаждением чуждых идеалов». «Защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» перечисляется среди приоритетных национальных интересов России.

Активно продвигается доктрина «национализации прав человека», согласно которой проблема прав человека «скорее, относится к внутренним делам каждой страны», а попытки перевести «внутренние дела суверенного государства» в «правочеловеческую плоскость являются необоснованными и политизированными». Апелляцию к доктрине «прав человека» власти представляют инструментом геополитической борьбы. В пакете поправок к Конституции, внесенных в 2020 году, содержится положение о ее приоритете над решениями международных органов. В декабре 2020 года Путин подписал поправки о «недопущении применения правил международных договоров Российской Федерации в истолковании, противоречащем Конституции», а также поручил Верховному суду и Минюсту рассмотреть «вопрос о целесообразности создания российского суда по правам человека». Таким образом, закрепляется тенденция девальвации идеи прав человека и международного права.

4. ВЫВОДЫ

Чтобы ответить на вопрос о качественной трансформации репрессий, суммируем объективные изменения, которые произошли между летом 2019 и летом 2021 года.

Под предлогом антиэпидемиологических мер с марта 2020 года по всей стране запрещены практически любые формы уличной протестной активности, в том числе и одиночные пикеты. В ноябре 2020 года законодательство, регулирующее свободу собраний, в очередной раз ужесточается, вне закона оказываются даже новые формы протеста, возникшие летом 2019 года («пикетные очереди»); поправки в Уголовный кодекс расширяют количество статей, по которым можно привлечь к ответственности участников акций протеста. На уровне риторики и официальных документов несогласованные акции приравниваются к экстремизму и считаются одной из основных угроз безопасности.

В результате экстраординарные по масштабам протесты января-февраля 2021 года подавляются с экстраординарной же жестокостью: по официальным данным, более 17 тыс. задержанных почти в двух сотнях городов — это больше, чем общее число задержаний за три предшествующих года (2017—2019). По следам зимних акций задержанные кратно чаще получают не штрафы, а административные аресты. Существенно возрастает и количество уголовных дел против участников протестных акций.

Ужесточается законодательство и правоприменение, ограничивающие гражданские и политические свободы. Помимо уже упомянутых ужесточений в области свободы собраний еще больше ограничивается свобода ассоциаций (расширяется правоприменительное поле законодательства об «иностранных агентах», ужесточается наказание за сотрудничество с «нежелательными организациями»), свобода слова (клевета, фейк-ньюс, СМИ-иноагенты и различные нормы, регламентирующие работу журналистов), выборные свободы (увеличение количества статей, накладывающих запрет на участие в выборах, в том числе — людям, причастным к экстремистским организациям; практика многодневных голосований). Под предлогом эпидемиологической обстановки судебные процессы становятся практически закрытыми для общества. Наконец, в новой редакции Конституции закрепляется доктрина приоритета национального законодательства перед международным правом.

Репрессии начинают распространяться на все более широкий круг лиц — преследованию подвергаются не только политические активисты, но и их родственники, не

только организаторы протестов, но и «сочувствующие», анонсирующие акции в соцсетях, и даже журналисты, освещающие их. Хронологические рамки задержаний расширяются — задерживают как потенциальных участников до акций, так и возможных участников — сильно после. В случае с ФБК и «Открытой Россией» под риском уголовного преследования оказываются не только лидеры организаций, но и люди, тем или иным образом проявившие свою сопричастность; ограничения и уголовные наказания предусматриваются уже не только для руководителей НКО и СМИ-иноагентов, но и для сотрудников таких организаций. Создаются предпосылки распространения репрессивных практик на культурно-академическую сферу (закон о «просветительской деятельности», скроенный во многом по лекалам законодательства об «иностранных агентах», создание межведомственной комиссии по историческому просвещению, в которую вошли и представители силовых ведомств и пр.).

Развивается и «непрямой» репрессивный инструментарий: методы финансового (штрафы и иски, блокировки счетов) и административного воздействия (увольнения и отчисления), к работе с несогласными привлекаются «не профильные» ведомства (военкоматы, опека), в сети публикуются угрозы и персональные данные участников протестов, представители образовательного и культурных сообществ выдавливаются из профессии.

В целом мы наблюдаем развитие и масштабирование репрессивных тенденций предыдущих лет, усиленное эпидемией ковида и, вероятно, спровоцированное целым рядом триггеров как внутриполитической, так и международной повестки. Но некоторые явления позволяют говорить о качественных изменениях репрессивных политик.

Прежде всего, речь о покушении на политическое убийство Алексея Навального и его последующий арест. Ни убийства, ни аресты лидеров оппозиции не являются чем-то новым для российского политического ландшафта (достаточно упомянуть убийство Бориса Немцова в 2015 году или арест Эдуарда Лимонова в 2001 году). Изменились общественное восприятие и международная реакция: оба события стали новостью номер один как внутри России, так и в мире. С августа 2020 года тема Навального и преследований оппозиции присутствует в повестке межгосударственных контактов России и стран Запада. Репрессии, во многом, медийный феномен, и важен не столько их уровень, сколько своеобразный «индекс восприятия репрессий». Такие замеры не проводятся, но на примере современных репрессий на постсоветском пространстве исследователи различают репрессии высокой и

низкой интенсивности[31]. Уровень медийности и масштабы международной реакции — среди критериев, определяющих переход репрессий от первого типа ко второму.

Наиболее убедительным свидетельством качественных изменений в сфере репрессий являются их последствия для общественно-политического ландшафта. Две крупнейших оппозиционных структуры — ФБК и «Открытая Россия» — больше не существуют, закрыт целый ряд независимых СМИ (VTimes, Newsru.com, Открытые медиа и МБХ-медиа), прекращена деятельность одной из самых ярких медийно-правозащитных инициатив — «Команды 29», ряд СМИ вынуждены переместиться за границу, набирает обороты волна вынужденной эмиграции политических активистов. Если раньше политические преследования лишь препятствовали общественной и политической активности и замедляли развитие гражданского общества, то теперь они приводят к исчезновению его важнейших элементов. Именно переход от «сдерживания» к «уничтожению», возможно, и станет основным результатом развития политических репрессий в 2019—2021 годах.

Что могло стать предпосылкой масштабирования и качественной трансформации репрессий? Прежде всего, межстрановые исследования показывают, что текущий уровень репрессий напрямую зависит от уровня, достигнутого ранее, — иначе говоря, репрессиям в целом свойственно усиливаться[32]. То же исследование показало, что резкий рост репрессий чаще всего связан с ростом уровня и разнообразия общественной активности, традиционно воспринимаемых недемократическими режимами как вызов.

В России последних десяти лет основными триггерами интенсификации репрессий были протесты, выборы и внешнеполитические события. Ключевой виток институционализации репрессивных практик получил название «взбесившегося принтера» и был связан с белоленточными протестами на фоне думских и президентских выборов 2011—2012 года (связь с ними прослеживается в пояснительных записках к законопроектам). Очередное ужесточение законодательства произошло в 2014 году после «революции достоинства» в Украине, что также отражалось в риторике властей, и в пояснительных записках законодателей[33]. Новый период ужесточения начался с протестов в Москве летом 2019 года и получил второй импульс после протестного всплеска в январе-феврале 2021 года. В промежутке поместились протесты в Беларуси и революция в Кыргызстане. Если протесты и выборы непосредственно приводят к репрессиям, то

[31] Way L., Levitsky S. The dynamics of autocratic coercion after the Cold War. 2006.

[32] Davenport. Multi-dimensional threat perception and state repression: An inquiry into why states apply negative sanctions. 1995.

[33] Ранее подобная реакция и на уровне риторики, и законодательства наблюдалась в 2004 году после «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» в Украине.

влияние внешнеполитических событий проявляется в риторике властей, которая с определенным временным лагом цементируется в новых законах. Еще один значимый фактор — эпидемия ковида.

Все вышеприведенные факторы, в совокупности со снижением рейтинга Путина и «Единой России», ростом протестных настроений и инерционными свойствами репрессий вполне объясняют их рост. Являются ли фиксируемые качественные изменения репрессий закономерным следствием их поступательного развития или это осознанное решение властей — вопрос открытый. Теоретический ответ дает модель, согласно которой авторитарные режимы располагают четырьмя инструментами удержания власти — пропагандой, кооптацией, цензурой и репрессиями[34]. Снижение эффективности одних ведет к росту значимости других, поэтому ужесточение цензуры и репрессий можно считать следствием распада «посткрымского консенсуса» к лету 2018 года и снижения доверия к власти на фоне пенсионной реформы.

Нам же кажется плодотворным поиск ответов в событиях лета-осени 2019 года. Масштабность и внезапность протестов по поводу ареста Ивана Голунова и выборов в Мосгордуму, в совокупности с разнообразием форм общественного участия[35], не могли не вызвать репрессивного ответа. Но и реакция власти, и восприятие ее обществом были достаточно нестандартными. Голунова сначала арестовали, а затем отпустили. Протесты то подавлялись с чрезмерным использованием силы, то согласовывались или просто проходили без задержаний. Участников акций сначала арестовывали и отправляли в СИЗО, затем отпускали на свободу. Значимым элементом общей картины стало неприятие обществом полицейского насилия и репрессий: оно отразилось как в разнообразной публичной манифестации этого неприятия, так и в соцопросах.

В докладе «Московский эксперимент» (август 2019 года) авторы этой статьи предсказывали, что «события могут развиваться как в сторону дальнейшего роста репрессий (количество уже открытых уголовных дел подсказывает именно этот вариант), так и в сторону их снижения (к чему подталкивал небывалый уровень общественной поддержки арестованных и задержанных)». И действительно, большая часть уголовных

---

[34] См., например, Guriev S., Triesman D. How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. March 2016.

[35] В короткий период наблюдалась солидарная кампания СМИ и журналистского сообщества за освобождение Ивана Голунова, а сразу затем — подписная кампания независимых кандидатов, сопровождавшаяся разноформатными уличными акциями, онлайн петициями и открытыми письмами, выступлениями широкого круга селебрити, символическим участием городского малого бизнеса и солидарностью профессиональных сообществ.

дел не получила развития, а более половины арестованных участников акций вскоре оказались на свободе. Нам по-прежнему кажется правильным описывать те события в терминах эксперимента, который сводился к поиску нового баланса между силовой и политической реакцией на протесты. Необходимость нового равновесия определялась не подковерной борьбой башен, но изменением общественной реакции на репрессии — вместо страха и демобилизирующего эффекта старые методы подавления стали вызывать негодование и мобилизацию. Наша гипотеза заключается в том, что результаты эксперимента были признаны неудачными, и в дальнейшем баланс сместился в сторону ужесточения репрессий до уровня, эффективного в новых общественно-политических условиях.

Эта гипотеза позволяет дать достаточно однозначный ответ на «народный» вопрос, снизится ли уровень репрессивности после выборов в Госдуму? Безусловно, выборы — значимый триггер интенсификации репрессий. Возможно, преследования ряда конкретных людей перестанут быть актуальными после них. Но в целом расширение и ужесточение репрессий определяется значительно более долгосрочными факторами. Общественно-политические условия, задающие уровень репрессий, фундаментально не изменятся после грядущих дней голосования, и если нынешний уровень репрессий и определяется каким-то одним определенным фактором, то скорее президентскими выборами 2024 года. Кроме того, по мере своего развития репрессии трансформируются в институт, который живет по своим правилам уже вне прямого контроля. Дальнейшее закрепление репрессивных практик в законодательстве продолжает ранее сложившуюся тенденцию к их институционализации, а обоснование преследований в стратегических документах позволяет говорить о формировании идеологического фундамента этого института. И это — не до выборов в Госдуму. Это навсегда, пока не кончится.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

ГОД НАВАЛЬНОГО
ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА В РОССИИ В 2020-2021:
СТРАТЕГИИ, МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ответственный за выпуск Михаил Ледовский
Дизайн Мария Ратинова

Подготовлено к использованию 06.09.2021

Фонд «Либеральная миссия»